

Павел Брычков

ОТПОР

Исторический роман

Глава 1

Глинобитная печь недавно затоплена, и дым из устья валит густыми клубами под прокопченный бревенчатый потолок к волоковому окну, заполняя избу почти наполовину, опускается вниз и колыхается тонкими слоями.

Хозяин, Аника Переплетчиков, сидит на лавке и чинит рыболовную сеть. Перебирает поплавки из бересты, встряхивая, расправляет часть сети и, повернувшись на свет к окну, с которого по случаю тепла и близкого лета сдернута промасленная холстина, то и дело сердито качает головой, обнаруживая рвань.

С полатей над дверью слышится глухой кашель и всхлипы.

- Как родителю-то перечить? - склонил голову набок Переплетчиков, глянув, как гусь, наверх.

- Аникей. пушай слезет... Малой же... Задохнется...- подала голос с топчана больная жена Аники, последние полгода почти не встававшая с постели.

- Цыть, гнилушка, кабы не ты, можа, и делов таковых не надобно было!..

Жена молча отвернула к стене худое, с впалыми глазницами лицо.

Затопив печь, Аника поленом загнал четырнадцатилетнего сына Степку на полати в дым. Потому загнал, что напрочь отказался Степка жениться. Понимать надо! В доме разор и нужда, работница баба нужна позарез, иначе - гроб. Был когда-то Аника Переплетчиков конный казак, да в 15 году прошел из Тобольска на Ямыш-озеро подполковник Иван Бухолц и старший брат Василий ушел с ним, увел одну лошадь да и сгинул где-то в калмыцких степях. Не захотела орда золотым песком поделиться, а, сказывают, есть у них такие места, где песку того золотого, что речного. А через три года после того по весне задрал медведь последнюю лошадь.

И не жизнь стала у Аники, а мука. Без лошади и здоровому непросто, а с его ногой не разбежишься.

Хром был Аника от рождения. Перестаралась повитуха, тягая его на белый свет, и ходит он, ступая с приседом на всю подошву. За это и кличут его тарчане Шлёп-нога. Кличут, конечно, за глаза, потому как служит теперь Аника у самого земского судьи Лариона Верещагина. Доверие от него имеет немалое.

Кашель на полатях усилился, и из дыма высунулись сначала босые грязные подошвы, затем серые латаные портки.

- Я те спущусь! Я те спущусь! - откинул в сердцах Аника сеть, встал, исчезнув на миг головой в дыму и взволновав его, потом, чуть пригнувшись и сильно прихрамывая, шагнул к печи, схватил березовое полено и жогнул по порткам.

- Папаня, не надо! Согла-асный я...

Аника остановил занесенное над головой полено, кинул его на пол и ласково заговорил:

- Ну вот... Ну и ладно. Седня можа и справим... Щас к батюшке Афанасию схожу, сговорюсь... А Федор-то Лоскутов был согласный Варьку отдать...

Накинув засаленный кафтан, Аника торопливо вышел на улицу и заковылял к Пятницкой церкви.

Утро выдалось теплое, солнечное. По городьбе острога, посеревшего и растрескавшегося от дождей и солнца, расселись грачи, чистили клювы, по застрехам башен городской стены гоношились воробьи (старики сказывают, появились они в Сибири с русскими), пели высоко жаворонки в стороне от земляного города... Избенка Переплетчикова стояла рядом с западными городскими воротами. Улица здесь поворачивала вместе с дорогой к базарной площади, и в дождь и в распутицу была полна густой грязью. К середине мая дорога подсохла, и сейчас только глубокие колеи, набитые колесами телег, напоминали о недавней хляби.

Возле Николаевской церкви с тремя деревянными главами, увенчанными деревянными же крестами, Аника услышал пение. В храме шла воскресная служба. «Верно, и отец Афанасий в Пятницкой обедню служит»,- подумал Аника и решил поначалу сходить к казаку Федору Лоскутову, дочь которого,

Варьку, и присмотрел он своему Степке. Варьке было двадцать три года, а женихов ей не находилось, потому как косила девка на левый глаз. Оттого и Степка упирался, оттого и Федор Лоскутов был не против, когда Аника намекал ему насчет того, чтобы породниться. К Лоскутову Аника пошел через базар, к которому все еще тянулись пустые и груженные подводы из Чекрушанской и Такмыцкой слобод, из Ложникова и Знаменскова погостов, внизу у посада на Аркарке стояли лодки, качались на воде выводками.

Базарная площадь шумела и пестрела многолюдством. Было заговенье Петрова поста, и особенно бойко шла торговля в мясных рядах. С чавканьем врубались полумесяцы топоров, разваливали парные алые туши. Рядом висели связки битой птицы: гусей, лебедей, уток... Здесь и зазывать не надо - товар на сей день самый ходовой, без ног бежит. А все равно не удержится продавец и крикнет:

- Алеша - три гроша,

Шейка - копейка,

Алтын - голова,

По три денежки нога!

Глядите, не моргайте,

По дешевке покупайте.

Чем дальше по базару, тем больше гаму. Уговоры-разговоры.

- А вот то сукно покажи-ка мне, я на него погляжу,- просит чернобородый мужик крестьянин.

- Изволь,- отвечает тобольский купец,- этот товар. Мы и еще можем показать, у нас товару барка. Товар вишь - ягодка! Прямо малинка!

- Да уж и малинка. А цена как?

- Опять о цене! Цена у нас не как у других - всегда дешевая, тобольская...

Чешет мужик затылок: и подать платить скоро, а и нечем, и Абалацкой чудотворной иконе помолиться съездить хочется в новом зипуне, сколь годов уж собирались. Махнул рукой. Бог даст, хлеб уродится - деньги будут...

К Анике подлетел незнакомый бойкий парень:

- Смотри, смотри, что даем! Кафтан - из всех на базаре! Сшито, как сшито! Ни боринки, ни морщинки!

Кафтан и вправду хорош, да денег стоит. Аника, крякнув, идет дальше. Давно бы свой кафтан заменить пора. Уж и подклад, когда-то лазоревой китайки, весь нынче в дырах.

Тут Аника увидел сгрудившийся народ. Не похоже, чтоб здесь шел торг. Аника начал было проталкиваться. Невесть откуда вынырнувший пацан дернул его сзади за полу и закричал громко, дразнясь:

- Шлеп-нога, Шлеп-нога! Продал бороду куда? За полушку продал, потому и захромал!..

Аника хотел поймать дерзкого, но тот ловко нырнул в гущу людей, и Аника не успел даже разглядеть, чей то был пацан.

Борода же у Аники и за тридцать лет была реденькой, как у последнего калмыка. Сколько насмешек он из-за нее претерпел. И потому, когда в 705 году дошел до Тары указ брить бороды, он, Переплетчиков, признал государев указ с радостью. Бороду сбрил, хотя все казаки отказались. Может, потому с тех пор и не жаловали Анику, косились. Вот и сейчас, когда Аника подошел, плотнее сомкнулись - не пройти. Как ни вытягивал Аника шею. а не смог разглядеть, что там в середине делается. Мал ростом. Только голос услышал будто знакомый, уж не пустынный ли Михаило Ембаков?

Прислушался...

-...в Тобольску на гостином дворе сам слышал. Купец сказывал, что нынешний царь не печется о народе, а печется о немцах, потому что-де он и сам ихней породы, а не царского корня. Живал тот купец в Москве, и было их человек двенадцать, и сживали они ночи над святыми книгами, а с ними говорил верховой священник и сказывал им, как-де воцарился государь и царь великий князь Алексей Михайлович и совокупился с царицей Натальей Кирилловной, и она-де, государыня, рождала царевен, и близь рождения он, государь, изволил ей, царице, говорить: «Ижели-де будет царевна, я-де тебя постригу». И она, государыня царица, призвав Артамона Сергеевича Матвеева, сказала ему ту тайну, что царь гневен. И когда родила царевну. Артамон Сергеевич учинил сокровенно: взял из немецкой слободы младенца и подменил вместо той царевны, а царевну отдал в немецкую слободу, вместо того младенца. И поныне-де она в немецкой слободе жива...

- Говорю вам, не истинный государь наш, но антихрист. Сие в книге Кирилла Ерусалимского и Ефрема Сирина прямо указано, шлюся и на божественное писание. Ныне уж в мире антихрист есть, никто души свои не спасет,- так писано. Сына своего царевича Алексея убил за то, что он старой веры держался, нас всех пятнать будет меж пальцами, как солдат. Клейма уж заготовлены, - услышал новый голос Аника и узнал пустынного Дмитрия Вихарева. «Опять народ мутит окаянный. Видать, из скита пришел».

- А я вот слышал, что государь наш истинный, в церковь ходит и на клиросе поет, бают, сам,- подал кто-то неуверенный голос.

- Га, дьявол он те и ангелом обернется! А щепотью молиться кто заставляет? Скоро и мясо в посты заставлять есть будут! - горячо воскликнул тот, кто

рассказывал о подмене царя.

«Точно, Михаил Енбаков! - обрадовался Аника.- Погодите, дождетесь вы с Вихаревым да Исецким от меня слова и дела!»

Храбер же, однако, Переплетчиков был только в мыслях. Слово и дело бъявить - не шутка! И положены за правый донос денежки. Да вдруг не сознаются раскольщики, так познаешь хомут на виске.

Доносчику - первый кнут! Да и разглядеть не дают, кто речи государю противные толкует. И дело не ждет, пора к Лоскутову бежать. Солнце над Аркаркой уж высоко стало.

У ворот дома Лоскутова встретил его жену и дочь.

- Доброго здравия, Никитишна! Ай, в храм принарядились?

-Здравствуй, Аникей Иванович! В церкву Николаевску к причастию хотим сходить.

- Хозяин-то дома?

- Нетути. На службе он. У таможни, верно, стоит. На ночь уходил. Дело ли какое?

- Эх, проходил мимо, знатье бы дак уж и поговорил... А дело, матушка, у меня, большое дело! Вот хочу вашу Варвару за Степку свою сватать! Варвара вспыхнула и, кося, бросила:

- Больно надо! Сопли за ним подтирать!

Мать ударила ее по руке:

- Поговори! - и уклончиво Анике: - На таможне Федор-то, на таможне...

- Ладно. Никитишна, пойду я. А ты, Варвара, не взбрыкивай. Степка и щас жилист да ловок, а через годок-другой - мужик настоящий!

Федора Лоскутова, опоясанного саблей, встретил Аника неподалеку от Пятницкой церкви, когда тот подымался от часовни, что стояла у самой речки Аркарки. Рядом с ним шел военный с палашом на боку, в треуголке, в красном кафтане с линялыми галунами, обличавшем принадлежность его к Московскому полку, и в сапогах с засохшей на них грязью.

Поздоровавшись, Аника отозвал Лоскутова в сторону.

- Что за служивый? По делу к нам аль как?

- Сержант Островский. По государеву делу к коменданту Глебовскому. Только на таможне пожитки его смотрели... На постой веду к себе...

- Какое дело?

- Не сказывал. Грит, не велено...

- Так, так... Слышь-ко, Федор, так че, обвенчаем Варвару-то со Степкой, а?

- Да мне бы че, баба с возу - кобыле легче... Хотя и жалко: девка-то она здоровая, работающая, только богом обиженная...

- Ну! Кто на нее позарится?

- Дак Степка-то малолеток, не повенчают, чай, да и Петровки завтра

зачнутся. Ни свадьбы...

- Кака те свадьба! В своем уме? С отцом Афанасием сговорюсь, вечером обвенчаем, выпьем за молодых без шума... А для других, быдто я ее в работницы взял, покуда жена в болезни... Ну, дак как?

- А-а, давай! Много за ней не жди, рубль серебром, боле не могу. Конь старой, менять пора...

- Ладно, ладно, бог с ими, с деньгами! Побегу я,- заторопился Аника, увидев подходившего от базара Василия Исецкого.

Поп Пятницкой церкви Афанасий строг с прихожанами не бывал. Службы правит по старопечатному требнику. Никонианской щепотью креститься прихожанам не только не велит, по и сам двуперстно крестится. В совершении проскомидии на просфоре истинный осьмиконечный крест изображает, оной просфорой и мирян причащает. Однако же протопопа соборной церкви Алексея опасаясь, на дискосе для отвода глаз и печатанную латинским крыжем о четырех концах просфору держит.

Литургия верных подходила к концу. Дьякон отдернул завесу, открыл царские врата и возгласил:

- Со страхом Божиим и верою приступите... Люди придвинулись к амвону, преклонились пред святыми дарами, напоминающими о воскресении Христовом, И стали читать молитву перед причащением:

- Верую, Господи, и исповедую, яко ты есть воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедший в мир грешный спасти...

Аника стоял со всеми и шептал:

-...Вечеря Твоя, тайныя днесь. Сыне Божий, причастника мя приими: не бо врагом Твоим тайну повем, ни тя дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя. Господи, во царствии Твоем. Да не в суде или в осуждение будет мне причащение святых Твоих тайн, но во исцеление души и тела.

Молитва окончилась, и причастники, отдав земной поклон, подходят к отцу Афанасию, целуют край чаши и принимают со лжицы, которая дрожит в сухих руках отца Афанасия, святые дары. Отец Афанасий устал. Потертая потускневшая риза висит на нем мешком. Едва слышно, скороговоркой, он повторяет: «Причащаются раб Божий честныя и святыя крови Господа Вога и Спаса нашего Исуса Христа во оставление грехов и в жизнь вечную...»

Причастившись, Аника вышел на паперть, дождался, когда все уйдут, и вернулся обратно в храм.

Отец Афанасий стоял у ризницы справа от алтаря и снимал облачение. Отдав дьякону закапанные воском поручи и епитрахиль, он вопросительно посмотрел на Анику.

- Дело, батюшка, до тебя имею, поговорить бы...- замялся Аника.- Наедине...

Дьякон недовольно покосился на Анику и вышел.

- Степана, сына свово, хочу с Варварой Лоскутовой повенчать...

Отец Афанасий удивленно вскинул брови.

- Греха брать не стану. Малолеток не венчаю, тем паче Петров пост с завтрава...

- Знаю, отец, знаю, да ведь невмочь: дом валится - жена хворая лежит... Сноха бы самый раз...

- Без родительского благословения и без венечной памяти не стану!

--Благословение есть, а без венечной, чай, не впервой,- вкрадчиво зашептал Аника.

- Не стану венчать, грех...- начал было отец Афанасий, но Аника неожиданно прервал его громким криком:

- Станешь! Станешь! Не то слово и дело объявлю, мне терять нечего! Пусть порасспросят на виске, отчего ты, батюшка, паству двоеперстно молиться учишь! Отчего за благодетеля отца Отечества государя Петра Алексеевича на великой. ектеньи не молишь! Кнута захотел!

Аника преобразился. Это уже был не Шлеп-нога, а орел! Глаза сверкают, лицо свирепое... Закон на его стороне!

- Не богохульствуй в храме,- устало промолвил отец Афанасий, разом поникший,- подождал бы до осени...

- Жизнь нудит. Сегодня и повенчаешь! После всенощной придем... Да чтоб тихо! Шум нам ни к чему.

Глава 2

Мужик убегал вдоль прясла, то и дело в страхе оглядываясь. Он не добежал до желанных кустов несколько шагов. Иван Немчинов достал его. Осаженный конь взвился на дыбы и в развороте завис над мужиком, раскрывшим в беззвучном крике черный рот. Он пытался защититься, выставив над головой дубинку на вытянутых руках. Немчинов ударил с оттягом со всего плеча, рассек дубинку будто соломинку и развалил концом сабли мужицкое тело наискось от плеча до груди. Объехал несколько раз вокруг упавшего, придерживая коня. А кругом стояли крик, вопли, конский топ, выстрелы... Казаки его сотни брали на пики непокорных бунтовщиков, сгоняли в кучу сдававшихся. Горело несколько изб. На ближней к Немчинову соломенная посеревшая крыша еще не полыхала, но густо дымилась в середине вперемежку с желто-зелеными струями. Но вот пламя громадными лепестками вырвалось из-под застрехи, обнимая кровлю, которая вмиг вспыхнула, взметнула в небо красные россыпи соломенных червяков. От огненного шатра палило жаром.

Вдруг Немчинов заметил, что зарубленный им мужик встал. Левой рукой он прижимал разъятое плечо со взбухшим от крови зипуном и, не мигая и не закрывая оскаленного рта, уставился на убийцу. Немчинов хочет рубануть еще раз, но неведомая сила сковала руку с опущенной саблей. Душу охватил страх, от которого бросило в жар. А мужик, покачивая черной, слипшейся от крови бородой, поманил его за собой. Пятясь, он приближался к горячей избе. Немчинова будто потянуло. Он спрыгнул с коня и медленно пошел за мужиком. А тот стоял уже в дверном проеме полыхающей избы и снова поманил Немчинова кивком. От близкого бушующего огня нестерпимо жгло, и

Немчинов приостановился, но вдруг услышал тихий голос:

- Войди, войди, Иван Гаврилыч, очистись от греха... Задыхаясь, Немчинов приблизился. Рухнула кровля, полыхнуло в лицо огнем, мужик на мгновение исчез, но тут же вдруг из пламени вытянулись его руки, схватили Немчинова за плечи и потянули внутрь. Немчинов закричал и проснулся. Жена Катерина трясла его за плечи.

- Иван Гаврилыч, Иван... Ты чего?

Иван Немчинов откинул край заячьего одеяла и сел, тяжело дыша.

- Опять, Катерина, он снился.

- Господи, наказание! Помолись, отец, помолись... Немчинов перекрестился на тязбло, где среди прочих стояла особо почитаемая им икона темноликого Спаса старого верного письма, данная ему пустынноиком отцом Сергием, и зашептал:

- Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажешу мене; яко стрелы Твоя унзоша во мне...

Он шептал слова молитвы, но думы его невольно возвращались к тому мужику. Немало ведь за свои полвека порешил он жизней, особливо нехристей, а этот мужичишко всю душу истерзал, а минуло ведь, слава богу, восемь годков, а от крови сей душу его господь очистить не желает.

-...Яко на тя, Господи, уловах, ты услышиши, Господи Боже мой. Яко рех: да не когда порадуются ми врази мои, и внигда подвижатися ногам моим...

Восемь лет назад, в 1714 году, разудалый сотник Иван Гаврилов сын Немчинов, гроза степняков, послан был из Тары для усмирения бунтовщиков-крестьян Ишимских слобод и деревень в помощь отряду полковника Парфеньева. Мужички воспротивились указу и отказались сдавать подать на провиант для пленных шведов. Казаки в сотне Немчинова были бравые, пролетели служивые вихрем по Коркиной слободе да деревням Сладкой и Поганой, похватили заводчиков, передали для следствия полковнику Парфеньеву. За усмирение того бунта отметили Ивана Немчинова - стал он вскоре главой казачьего полка Тарского. Все бы ничего, да стал по ночам мужичок убитый им наведываться. Поначалу думалось, пройдет со временем. Но годы шли. а мужичок все так же манил его к себе в снах.

И только два последних года, после исповеди и отпущения грехов отцом Сергием в скиту, мужик тревожить перестал. А ныне опять объявился. Оттого муторно на душе полковника Немчинова, оттого так истово кладет он русую с сединой бороду па половицы. И мужичонко-то был лядащий, а поди же ты... А, может, и не он вовсе мучит, а баба его с оравой... Трое за сарафан держались, а четвертого совала с криком страшным к лицу его: «Убивец, корми их, на, корми!..» А детва, словно галчата, ручонки тянут к матери. Повернулось что-то в душе сотника Немчинова, кинул кошель с деньгами и ускакал. Успокаивал себя, что мужичонка сам виноват, разозлил его. Едва живота родного брата Стефана не лишил - свалил колотушкой. Иван и осерчал, думал, убил брата. А тот оклемался тогда, чтобы сгинуть через три года по пути в Омскую крепость где-то за Такмыцкой слободой.

-...Не остави мене. Господи, Боже мой, не отступи от мене; вонми в

помощь мою. Господи, спасения моего. Кончив молитву, Иван Гаврилыч окликнул денщика, велел принести квасу и подать одежду.

Разбудил пятнадцатилетнего сына Федьку и сказал, чтобы он собирался в церковь. Федька недовольно было поморщился, но, увидев суровый взгляд отца, стал одеваться. Иван Гаврилыч подошел к окну с прозрачной новой слюдой в колодине (старую, потемневшую и потрескавшуюся за зиму, неделю как заменили) и, увидев, что работный человек калмык Дмитрий чистит его жеребца, вышел на высокое резное крыльцо.

Двор у полковника Немчинова знатен. Разве только у коменданта Глебовского да земского судьи Верещагина такие же хоромы. Из вековой лиственницы крестовик на подклети, большой двор заплотом обнесен, тут и амбар, и конюшня, и хлев, чуть поодаль баня. В подклети подполье, где кадушки с капустой да рыбой и прочий харч.

- Как конь? - спросил Иван Гаврилыч Дмитрия. - Карасо, на пашня мощно ехать... - мелко закивал тот.

Калмыка Дмитрия взяли казаки в стычке на Карасуке-озере. После того, как Омскую крепость поставили, меньше стало хлопот у тарских служилых казаков, но случалось, что малые орды достигали Такмыцкой слободы, под Тару же давно ходить не смели. Дмитрия Немчинов взял себе в работники.

Степняк оказался смирным, работающим, домой его не тянуло, был он на белом свете один. Семью, как рассказывал, унесла моровая язва.

- Дай овса, после обедни поеду новину гляну...

Казенного хлеба служилым казакам не хватает, потому все казаки и дети казачьи сами себе хлеб добывают. Немчинов нанял гулящего человека Микиту Мартынова поднять еланку и собрался съездить посмотреть его работу, уж должен управиться. На Николин день дождь был славный, урожай быть обещает.

Скоро на крыльцо вышла жена Катерина с сыном, одетые по-праздничному, и семья Немчиновых направилась на молебен.

Возвращаясь из церкви, увидели спешащего им навстречу отставного пешего казака Василия Исецкого. Тот отозвал Немчинова в сторонку.

- Иван Гаврилыч, верно ведь Михайло-то Ембаков про указ сказывал. Щас Федора Лоскутова видал, он шепнул, что-де указ к нам пришел. Он стоял на таможне, проверял пожитки у сержанта Островского, видел указ, что оный сержант намерен завтра передать коменданту Глебовскому. Лоскутов сержанта того на постой к себе взял.

Немчинов озабоченно поводил костяшками пальцев по усам и сказал:

- К вечеру надобно узнать, доподлинно ли сей указ о престолонаследстве. Ступай к Лоскутову, скажи о том, как хотите, указ прочитайте!.. Ежели что, денег не жалеите. Как узнаешь, сразу ко мне беги.

Исецкий кивнул и быстро зашагал прочь.

Неделю назад пришел в Тару пустынный Михаил Ембаков. Сказывал, пришел-де он из скита отца Сергия, веригами железными на голом теле тряс и кричал на базаре, что последнее время грядет: пришел-де в Тобольск указ о престолонаследстве и имя-де о наследнике не означено. О том-де он подлинно

ведает, ибо немалое число народу скрылось от присяги в пустынях отца Сергия да новокрещна Ивана Смирнова.

Третьего дня, мая 17 числа, призвал полковник Немчинов Михаилу Енбакова в свой дом. где собрались начальные люди казачьи, сотники да пятидесятники, да казаки Иван Падуша, Петр Байгачев, Василий Исецкий, и спросил, усадив Енбакова за стол, что ему известно.

- Как на духу говорю вам: антихристов указ! Дмитрий Золотов пришел к нам в пустынь из Тобольска, сам он слышал, как у собора с барабанным боем апреля 2 дня сей указ был объявлен. Зовется-де он «Устав о престолонаследстве», имя же наследника в нем не означено - доподлинно так! - чинно хлебая щи, поданные калмыком Дмитрием, говорил Енбаков. Был он худ, вериги болтались на нем свободно и изъязвили тело до красного мяса. Язвы те Михаиле казакам казал и говорил, что он не токмо собственное спасение обретает, но и часть христовой муки на себя берет.

Был Михаиле Енбаков когда-то конный казак, но прошла моровая язва, всех трех коней унесла. Детей ему бог не дал, и когда три года тому умерла у него жена, ушел он в скит к отцу Сергию в пустынь спасаться, а через год и вериги на себя наложил.

Полковник Немчинов благоволил к нему за совет и исцеление сына Федьки. Почти десять лет сильно заикался сын, так сильно, что, пока слово выдавит, сам весь измучается и другого измучает.

Больно глядеть было, как он раскрытым ртом ловит недающееся слово. А причиной тому был большой пожар, случившийся в Таре в августе 709 года, когда погорело более 600 дворов. Федьке в ту пору третий год пошел, только-только говорить начинал, а тут такое. Едва успел Иван Гаврилыч вынести его из дома, который захлестнул огненный вал, кативший от воеводского двора... Почти месяц тлели потом остатки крепостных стен. Зашелся Федька в крике, когда бежал Иван Гаврилыч мимо полыхавшего гостиного двора. И вот десять лет маялся. Любил он сына, душа болела, а помочь ничем не мог. Оттого, может, и баловал его, прощал шалости, за которые от другого отца не поздоровилось бы.

И вот присоветовал ему Енбаков ввезти сына к отцу Сергию. Полгода прожил сын у старца, или от святых молитв его, или от трав, которыми пользовал, но случилось чудо: парень стал, как ручей, журчать. Да к тому ж грамоте за то время выучился. Сам-то Иван Гаврилыч грамоты не знает - некогда было. А сыну сгодится. Иван Гаврилыч за сыном поехал сам, был у отца Сергия на исповеди. Про мужичка рассказал, что по ночам являлся, и ему старец помог. С тех пор за отца родного его почитает, уважая ум и премудрость старца божественную.

Потому, когда Енбаков рассказал о новости, он спросил:

-Что старец Сергей по сему делу думает?

- Старец говорит, ежели тот указ в Тару придет, к присяге идти не надлежит и крест за безымянного не целовать. И еще сказывал, что грядет последнее время, о чем в святом писании пророчество есть...

- Верно, верно! - вскочил Петр Байгачев, - безымянный именуется

антихристом. Грех присягать антихристу! Воистину последнее время идет! В книге Правой веры о том писано. Скажи, Василий,- обратился он к Исецкому.

- Так, так,- подтвердил Исецкий,- В первом на десят знамени написано о том. Будет же антихрист царем токмо полчетверта лета. Дастся в его руку и два времени, и времени и полвремени. Время есть год один - возрастет пришествие его, а два времени другие - лета злобы его, и тако времени три лета, а полвремени есть шесть месящ...

- Воистину время злобы антихриста от шведки с зубами рожденного терпим,- подхватил Иван Падуша,- уж в перепись кажную душу внес, податью обложил подушно, на тех, кто истинной старой веры держится, вдвойне, бороды бреет, срам един...

- Ну, бороды-то он еще в 705 году с нас снять хотел, да не вышло,- подал голос рыжебородый дворянин Яков Чередов,- только Шлеп-нога и сбрил... Отступились от нас тогда, и сейчас, коли всем миром отказать, не посмеют утеснить!

- Сравнил,- с сомнением покачал головой сотник Борис Седельников,- борода аль присяга! Как притянут ко второму пункту, то как?

- А мы без рук, что ли? - вскипел Иван Падуша.

- Тише, казаки, тише,- успокоил их Немчинов.- Василий, где писано о том, что безымянный - антихрист есть?

- В книге Кирилла Иерусалимского прямо писано, что будет от сотворения мира в 7230 год Антихрист не от царя, не от царского колена и восхитит царскую и святительскую власть...

- Истинно, истинно,- заволновался Петр Байгачев,- и царску и святительску власть восхитил, богомерзкий Синод поставил, патриарха Христовой властью облаченного низверг. Собачье отродье, сатана, но не государь ныне!..

Далеко за полночь горели тогда свечи в доме полковника Немчинова. Шумели, спорили и разошлись в тревоге.

Да и сам Немчинов в ту ночь ворочался до светла. Не давали спать тяжелые мысли. Что-то нынче узнает Василий Исецкий?

Глава 3

Степка Переплетчиков голоса птиц мастер изображать. Так близко без манка рябчика или утку дикую подманит - бери голыми руками. А зайцев в петли его за зиму попало - не счесть. Всему дед обучил, когда жив еще был. Семь годков всего Степке было. а он его на лыжонки поставит и айда за Иртыш. А мальчонка хоть и вымотается, а не пикнет. Зато все премудрости охотничьи перенял. За то Федька Немчинов и водился с ним, что сам до урмана великий охотник. Только одному отец в лес ходить строго-настрога запретил, хотя Федька мог с любой высоты дерева белку из лука томаром сбить.

От Степки выучился. Одному запретил, а со Степкой отпускал. И дружбе не мешал, хотя не любил Анику. Не мешал, может, потому, что три года назад спас Степка сына его, помог выбраться из ноябрьской воды Аркарки, когда съехал Федька на неокрепший лед в салазках.

Были друзья проказливы. Много за ними дел водилось, за которые Стенка нещадно сечен был Аникой, а Федька держался дома взаперти.

Когда ушмыгнули они из церкви, Федька спросил:

- Ну рассказывай толком! Шептал, шептал... Когда женить хочет? - Кто его знает, можа седни.

- Не пошутковал?

- Ага! С полчаса в дыму держал... Поленом дрался!

- На Варьке Лоскутовой? На страхилатке кривой?

- Ну!

- А ты?

- Че я... Сказал, согласный! Глядеть на нее противно!

- В лес беги.

- Мать жалко. Заклюет он ее вовсе...

- Ладно, че-нибудь придумаем. Давай подъедем,- сказал Федька, и друзья вспрыгнули на груженую телегу, ехавшую к базару. Мужик замахнулся было на них мочальными вожжами, но Федька грозно остановил его:

- Но, но, ослеп! Скажу отцу полковнику Немчинову, быстро с базара-то турнут!

- Сидите. Жалко, что ль?

- Издалека едешь? Че так поздно? - спросил Федька.

- Далеко-недалеко, из Такмыцкой слободы...

- Че везешь-то? - Да рыбу.

- Э, брат, рыбы здесь и своей навалом. Вот кабы хлеб аль репу...

- И-и, где их в тако время взять... Можа, хоть двугривенный наторгую да поросенка на нею куплю... -

Репу-то посеял, ай нет? - допытывался Федька.

- Да посеял, только какова уродится, неведомо. Тут знать надо, чтоб порчи не было. Вот у нас старик был. Аверьяном звали, добрый был старик, из беглых, так тот знал. Если пойдет репу сеять, а его спросят, куды он пошел, скажет: в лес по прутья, али еще что-нибудь... Репу он нагишом сеял, порчи не боялся. Утром пораньше посеет, а потом не бороной, а метлой заборонит. Ну и репа же была! Большая, кожа тонкая... Ныне такой не родится... Над капустой, на Николу Вешнего рассаженную, я тож своих баб посылал простоволосых нагишом три зорьки по бороздам бегать. Бог даст, с капустой будем...

Федька хлопнул по плечу своего друга, они спрыгнули с телеги, а мужик, не оглядываясь, продолжал рассказывать.

- Придумал! - сказал Федька.- Скажешь, что она, мол, нечестная, и ты на такой жениться не хочешь.

- Варька-то нечестная! Да на нее и не зарился никто отродясь!

- Не зарился, так позарится! - отрезал Федька и зашептал свой план.

Через минуту друзья бежали по улице, распугивая кур, к дому с порыжевшей еловой веткой над крыльцом - главному городскому кабаку. Целовальник Терентий Кудрявцев, увидев вошедших ребят, проговорил, пряча ухмылку:

- Чего изволит Федор Иванов сын: пива, полпива аль зелена вина?

- Васька Поротые Ноздри тут?

- Бона в углу...

- Не пьян?

- Крепок еще, первый жбан кончает...

Федька велел другу обождать на улице и подошел к Василию Лозанову, державшему в руках деревянную кружку с пивом.

- Василий,- зашептал Федька,- девку хошь?.. Василий в ярости вдруг ударил кружкой по столу.

- Смеяться, щень! Не погляжу, что ты головы сынок! Девки Василия Лозанова боятся так, что при встрече обегают за версту. Нос у него широк, ноздри наружу вывернуты от рождения, за что он и получил свое прозвище Васька Поротые Ноздри.

Федька его крика, однако, не испугался.

- Тихо, тихо, Василий, дело говорю,- зашептал он и наклонился к его уху, убеждая. - Как сделаешь, шесть алтын с меня...

- Коли так,- осклабился Васька Поротые Ноздри,- сделаем, кхы, хы...

- Уф-ф, все! - выскочил Федька на улицу и приказал Степке: - Я пойду Варьку искать, а ты к ночи тверди, как договорились.

Варьку, шедшую с матерью из церкви, он встретил возле дома земского судьи Лариона Верещагина и окликнул ее:

- Варька, дело есть, отойдем в сторонку... Тебя Кропотов Василий за земляной город кличет, за Аркаркой оwin старый знаешь, там, сказал, тебя ждать будет! - Ври, чай, у него Дашка,- вспыхнула Варька.

- Соображай, Дашка - жена, надоела, чай, а ты девка! Грит, ты ему глянешься: здоровая, не то что Дашка тощая... Верно ведь?

Варька ничего не ответила. Сердце ее сильно забилося. Федька все точно рассчитал. Безнадежно сохла она по Василию Кропотову, первому силачу и красавцу Тары. И сейчас не видела насмешливых искорок в глазах Федьки. Сухая любовь кого хошь ослепит.

- А еще сказывал, что помнит, как в целовник слаще-де губ твоих не было.

Хочется девке поверить этому. Бог знает, как Кропотов, а она-то поцелуи его на всю жизнь запомнит.

В последний воскресный день масленицы, когда вывезли на бате за острог к Аркарке Масленицу - соломенное чучело с зубами из редьки,- разорвали ее и сожгли, побежали парни и девки снова на ледяную горку, с которой на телячьих да коровьих шкурах катались. Съехав, парень взасос целовал по обычаю девку, оказавшуюся рядом. Девки за день так нацелуются, что губы трескаются и чернеют.

Василий Кропотов весь день катался тогда с Дашуткой Чередовой. К вечеру губы ей так зацеловал, что убежала она домой. И тут на Варьку будто нашло: всех девок отпихнет и рядом с Василием окажется. А тот, весел, силен, во хмелю не приглядывался, кто рядом - девка да и ладно. Знай, целует по обычаю.

- Ну дак придешь? Че сказать? - сделал важное лицо Федька. - Он же в отлучке был...- вспомнила Варька.

- Да уж три дня как приехал, - соврал Федька.- Придешь?

Варька кивнула, потупилась и заторопилась домой.

Закатное солнце еще не коснулось острозубчатого острога, когда она торопливо прошла мимо Пятницкой церкви, сбежала от водяных ворот под гору к часовне Сергия Радонежского и, перейдя мост через Аркарку, зашагала по тропинке мимо черемуховых зарослей к овину, стоявшему чуть поодаль.

Осыпавшиеся чешуйки черемухового цвета, будто пену, прибило к берегу, желтели у тропинки раскрытые купавки, пахло свежей зеленью, где-то рядом пел дрозд...

Робко она ступила в овин с чернеющей ямой посередине. Оглядываясь и привыкая к темноте, дрожащим голосом прошептала: - Василий...

Услышала наверху шорох и шепот:

- Тут я... Полезай...

По лестнице она полезла наверх, где на жердях обычно сушились снопы, а сейчас лежала старая солома. Держась дрожащими руками за жердь, привстала над ней, и вдруг, подхваченная сильными руками, взмыла вверх. Оглянувшись, обмерла: рядом была отвратительная рожа с вывернутыми ноздрями. «Васька Поротые Ноздри», - мелькнуло в уме. Она дико вскрикнула, ткнула пальцами в поблескивающие жадно глаза, кубарем скатилась с лестницы и побежала прочь.

Глава 4

Солнце уже закатилось, а слоистые, будто бархатные, облака все еще атели над лесом за городом, когда Василий Исецкий возвращался из баньки Лоскутова в его дом. После Немчинова он пришел к Федору и, подмигнув, сказал, хорошо бы, пожалуй, гостю с дороги баньку. Выла мысль, что пока сержант моется, можно и бумаги его поглядеть. Но Островский, в баню уходя, забрал с собой и португею и сумку с палашом. Дошлый служака, у такого просто-запросто не возьмешь.

В доме было совсем темно. Окна закинули холстинами, дабы комарье не летело. Горела в светце лучина над корытом с водой, в которой отражался огонь и плавали черные продолговатые угольки.

Сержант Островский, расстегнув красный камзол, сидел, облокотясь на стол, ипил квас.

- Какова банька, господин сержант? - спросил приветливо Василий Исецкий.- Как тебя по батюшке-то?

- Петров сын я... А банька хороша, паркая, будто земляная. Словно лет на десять помолодел, хоть по девкам беги! - поправил сержант пышные усы сгибом указательного пальца.

- Это пожалуйста, девки у нас есть,- сказал Лоскутов и крикнул жене: - Подавай, мать, на стол, ужинать будем.

Хозяйка налила в деревянные чашки ухи и подала на стол.

- Ух, и запашиста щерба, а навариста! Побалуемся!.. Нутро не овчина, без еды не согреет,- сказал Исецкий, распушая пальцами бороду, чтобы сохла быстрее.

- Кушайте на здоровье, дорогие гости. Осетрушко-то свежий, в горшке так с палец жиру плавает.- сказала жена Федора.- Кушайте, чуть погода пельмени подам, заговенье ведь седни.

- А с устатку, Федор, у тебя принять не найдется? Нето я принесу,- сказал Исецкий.

- Есть, есть, из ржаного сула гнал. Марья, принеси из сеней!

Жена принесла жбанчик, расставила чарки. Федор разлил водку по чаркам, выпили и, перекрестившись, взялись за еду.

- Давно ли мундир носишь, Иван Петрович? - спросил Исецкий Островского.

- Да уж, почитай, годов восемь... Как стал полковник Иван Дмитрич Бухолц три полка собирать в Тобольску, тогда я и определился в Санкт-Петербургский полк по разбору еще в бытность князя Гагарина.

- Верно, и на Ямыш-озеро с Бухолцем за золотым песком хаживал? - спросил Федор Лоскутов, наполняя чарки.- Я ведь в Драгунском полку тоже был определен, тоже шел туды, да захворал по пути...

Меня оставили, а жеребца увели. До сей поры жалею, такой добрый был конь!

- Че конь! Коня, чаю, нажил! - рассудительно проговорил Островский.- А кабы голову сложил? Сколь их там, бедолаг, осталось, царство им небесное, не к ночи помянуты! - перекрестился Островский и опрокинул чарку.

- А ведаешь ли ты, Иван Петрович, что не так крест кладешь? - спросил осторожно Василий Исецкий.

- Пошто не так-то?

- Богомерзкой никонианской щепотью окрестился,- сказал Василий Исецкий.

- Кто ж определил, что она богомерзка?

- О том еще протопоп Аввакум, страдалец святой, сказывал. Учил-де он тех, кто истинной православной церкви держится, что в щепоти тайна сокровенная: змий, зверь и лжепророк. Сиречь: змий - дьявол, зверь - царь лукавый, а лжепророк - папеж римский Я подобные им.

- По мне хоть кукишем крестись, лишь бы в душе бога имел истинно, но не притворно. А царя, казаки, зверем нарекать ныне не след. Кабы кто другой, так слово и дело мог объявить, на виску можно попасть,- назидательно проговорил Островский, важно хмуря брови.- Аввакум же за свой злолаятельный поганый язык сполна получил. А вы-то пошто двуперстно молитесь?

- Отцом-матерью сызмальства научены, и деды наши так же крестились,- ответил Лоскутов и крикнул: - Мать, поставь свечу!

Жена поставила на стол свечу в деревянном подсвечнике, затем подала пельмени. Выпили еще по чарке.

- Мне же видение было,- сказал Исецкий.- Возымел я сомнение о правильном сложении перстов, лет с тридцать тому было то. Раз в летнюю пору ночью спал я по обычаю дома. Некто побудил меня и явился в яве в образе мужа возрастом средним в одеянии белом длинном до земли и пошел из

избы и говорил при том: «Восстань, Василий, и иди вслед мене, о чем просил ты у Господа о сложении крестном, то явит тебе Господь». Встал я с постели бос и пошел за тем виденным, который со двора вышел. И повел меня в правую сторону гладким местом по лугу. Шли часа с три, по пути он говорил мне, чтобы творил я молитву непрестанно такую: «Господи Исусе Сыне Божий, помилуй нас».

Молитву сию я говорил, и дошли мы к церкви деревянной и вошли в нее. И в церкви той показал мне приведший по правую сторону образ Господа Саваофа, писанной на доске деревянной величиной с аршин полтора, письма ветхого и без оклада. На образе том Господь Саваоф правую руку свою держит на главе своей, сложа указательный с средним пальцем, а большой с двумя последними. Явившийся сказал мне: «Смотри на сей образ, на крест, на сложение перстное, того и держись». И пошел, и вывел меня из церкви и стал невидим, будто истаял. Я же очутился на прежнем месте, где спал. И потом никогда не видал и поныне той церкви и образа, и луга того. Только с того времени и доныне крещусь двоеперстным сложением.

- Чудное видение,- сказал Лоскутов,- уж не Христос ли ты водил, Василий?
- Можя, и он,- согласился Исецкий.

- Да-а,- протянул заметно осоловевший сержант Островский,- чуда на свете бывают дивные... Может, другой раз и поблазнится, сон есть сон. а другой раз сон в руку бывает. Мне дак сон живот спас.

- Ну! - нарочито удивленно протянул Исецкий, придвигая Островскому чарку.- Где было-то?

- На Ямыш-озере было. Пришли с полковником Бухолцем Иваном Дмитричем к Ямыш-озеру, поставили город-крепость за месяц. Стоим. Надобно бы нам к Еркеть-городку, проведать на Дарье-реке, как калмыки песошное золото промышляют, да куды пойдешь. У контайнши войска не счесть, а нас всего две с половиной тыщи. Да из тех, почитай, каждый день бегут. Месяц стоим, другой. Февраль пришел. Был я у городьбы на карауле рядом с крепостцой - коней берегли. Отстоял сменку и - в шалаш, вроде юрты кожей закрытый. Заснул у огонька. И снится мне, будто еду я в санях в Тобольск с мешком золота. Вот уж кремль белостенный видать. Только вдруг является передо мной матушка моя и за спину мне рукой показывает. Оглянулся я - волки! Гоню коня, а они настигают, клыки ажно блестят. А у меня будто ни палаша, ни фузеи - один кнут. Звери настигают, один как прыгнет, сбил я его кнутом, а тут другие так и лезут, так и лезут... Тут проснулся я, перекрестился. Слышу, метель сильная, пурга.

Вышел. Караул, вижу, стоит. Отошел чуть за нуждой и провалился в какой-то буерак малый. Выбрался, глядь: малахаи калмыцкие мелькают... Скрали все наши караулы, угнали коней и часть провианту отбили... Пробрался я ползком в крепость, а поутру полезли калмыки на штурм. Двенадцать часов лезли ордынцы. Кабы не пушки, сроду б не отбиться. У них ныне тоже, кроме луков и стрел, ружья по многом количеству имеются... Вот так, кабы не сон, так не сидеть бы мне с вами...

-Ну, а после че было? - спросил Лоскутов.

Островский заметно охмелел, глаза под белесыми ресницами покраснели, жует лениво.

- После?.. После Черен-Дондук, брат контайши, прислал послов, сдаваться предлагал. Только Иван Дмитрич ему ответствовал, мол, крепость сия по велению самого государя ставлена и ниже по Иртышу впредь другие ставлены будут, а с калмыками-де торговать и жить в мире будем... Черен-Дондук снова приступать стал. Божей милостью отбивались... Гонцов в Тобольск посылали, да они не дошли, помощи от князя Гагарина не было... А к весне на войско наше мор напал... По тридцать душ за день отходило...

Провиант на исходе... Разорили крепость, погрузились на дощаники и отплыли вниз по Иртышу. Осталось-то нас всего сот семь не более. После в устье Оми поставили крепость Омску и отписали о том князю Гагарину да государю... Ныне вот повезу указ в сию крепость, к присяге приводить...

- Что же и нам указ есть к той присяге идти? - осторожно спросил Исецкий.

- Как же! Утресь коменданту Глебовскому передам! - гордо вскинулся Островский, потом, нахмурившись, погрозил пальцем: - Только до времени никому!

- А что, Иван Петрович, дал бы нам указ-то поглядеть. О чем там писано? - спросил Исецкий. - Нельзя... Комендант опубликует, узнаете... Василий Исецкий стал упрасивать сержанта, что-де очень любопытно, о чем указ и енароком будто то и дело кошелем позвякивать. Лоскутов же потчевал гостя водкой. Но сержант был крепок, с ног не валился, стал жаловаться на трудную службу и малое жалование. Тут ему Исецкий и предложил в открытую рубль серебром. Но сержант надулся и сказал, что за рубль никакого указа не покажет и запросил три. Исецкий вспомнил, что полковник Немчинов денег велел не жалеть, согласился.

Сержант порылся в сумке и подал бумагу. Исецкий придвинул к себе свечу и стал читать.

На дворе послышался лай собаки, затем стук в дверь, и в избу вошел Аника Переплетчиков с сыном Степкой. Подозвал Федора Лоскутова и зашептался с ним. Час назад Аника снова потчевал поленом Степку, сказавшего, что, мол, Варька девка не честная и он такой жены себе не желает. На то Аника отвечал ему, что-де он не проверял и нечего дурь гнать. Степка было заупрямился, но полено сделало свое дело...

- Где Варька? - спросил Федор жену. - В сенях спит, верно. Будто не в себе пришла, не захворала ли? - ответила жена.

- Собирайтесь,- шепнул ей Федор и объяснил, зачем пришел Шлеп-нога.

Жена охнула и прикрыла рот рукой. Сержант Островский, задремавший было, вскинул голову и схватился за палаш:

- Кто такой? Пошто шепчетесь? Воровство против меня умышляете! Клади указ! - крикнул он Исецкому, спрятавшему бумагу от глаз Аники под стол.

- Положи, положи палаш-то,- стал успокаивать его Лоскутов.- Это сродственник мой Переплетчиков, в канцелярии земского судьи Верещагина

служит. Никакого воровства тебе чинить не хотим...

- О чем шепчетесь, говори! - уже не так сердито приказал сержант.

Федор Лоскутов замялся и, кивнув на Степку, ответил:

- Сына его с дочерью моей повенчать хотим... Сержант уставился на Степку, соображая, и вдруг захохотал:

- Ха-ха-ха!.. А я думал, против меня замышляете... Ха-ха! Вот этого? - показал он пальцем на Степку и задвинул палаш в ножны. - Ну-ка, подойди ко мне, жених, ха-ха... Степка подошел. - Когда венчать хотите? - обратился Островский к Федору.

- Да вот, сейчас вроде!

- О! Буду посаженным отцом. Люблю тайные венчания. А ты читай, читай, - пьяно кивнул он Исецкому.

Исецкий стал лихорадочно читать. Марья пошла за дочерью. Варька приняла новость равнодушно и без слов пошла за матерью одеваться, будто не под венец, а поливать капусту.

- О чем указ-то? - спросил Аника.

- О престолонаследстве,- ответил Островский, хлопая Анику по плечу, - скоро присягать будете.

- А-а,- протянул Аника, поглядывая на Исецкого.

Пока собирались, Василий прочитал указ и вытер пот со лба.

Отдал указ Островскому, тот положил его в сумку и, застегнув портупюю, сказал:

- Пошли все! Батюшка, чай, заждался!

Когда они вступили в сумрак церкви, где горело несколько тонких свечей, отец Афанасий опасливо покосился на сержанта, но Островский успокоил его:

- Крути, крути, поп... Только скорее, нам еще попировать нынче надобно! - и подтолкнул Степку к Варьке. - Смелее, бабы бояться - детей не иметь!

И отец Афанасий начал венчание.

Глава 5

Собираясь с вечера на пашню, конный казак Федор Терехов строго-настрого наказал жене Алине держать старый огонь в камельке, а уж коли не уследит, то нового огня не разводить, дабы не навести неудачу на день, когда он собрался сеять. С вечера он нащепал ей большой пук лучины, чтобы меняла ночью. Но проснувшись раным-рано, увидел, что жена не уследила,- намахалась вальком на реке, стирая холсты, намаялась в огороде - и собирался Федор в поле в полутьме.

Жена тоже встала, собрала еду и принялась будить сына-шестилетка.

- Коленька, вставай, папаня ждет... Хлебушко сеять надо...

Малец приподнялся, посидел немного и упал на другой бок, подложив ладошки под щеку.

- Господи, да че ты колотишься, как козел об ясли! - вспыхнула мать, но тут же снова ласково заговорила: - Подымайся, сынок, кто рано встает, тому бог дает! Глянь-ко, че у те под подушкой!..

- Че? - опять сел Николка.

- Глянь,- вытащила из-под подушки Алина печеную из теста птицу,- сорока прилетела... А че это она нам на хвосте принесла! Глянь-ко, кулажки кусок... У-у, да какой сладкой да большой... Слышь, че она бает, отдам-де эту кулажку тому, кто в доме главный помощник...

- Мне, мне! - проснулся совсем Николка.- Я с папаней сеять буду...

Федор погрузил на телегу новую деревянную борону, радуясь, что успел сделать ее, ибо у старой многие зубья вчера повыпали, когда он боронил весь день свою десятину с четью. А перед тем три дня пахал двурогой сохой до онемения в руках - земля за зиму слежалась, и надо было тратить силушку, чтобы сошники бороздили землю на два вершка вглубь. Третий год уж на этом поле сеет, пора бы и бросать его, новину приглядывать, да за службой недосуг. А с сего поля, дай бог, сам-пять урожаю быть. Хотя и семена еще с осени заготовил: только сжали хлеб, околотил снопы о колодину. лучшие, самые крупные, зерна повыпали, остальные ж на пропитание зимой обмолотил. Да и благовещенскую просфору, что в сусек клал. целой нашел. Бог даст, будет хлеб. Да и озимь принялась ладно... Федор запряг коня, посадил сына рядом с мешками с зерном и выехал со двора. Несмотря на рань, по улице уже тянулось к Борисоглебским воротам несколько телег. Ворота были отперты, и, выехав на Тобольскую дорогу, Федор пустил мерина рысцей.

Пашня его была в десяти верстах за Чекрушанской слободой, и скоро он уже цеплял борону, кинув на нее осиновый чурбан, чтобы семена лучше присыпало. За бороной пустил большой пук березовых веток, заметать землицу. Снял телятинные сапоги, задвинул саблю чуть не за спину и ступил босыми ногами на прохладную землю, придерживая левой рукой лукошко с семенами. Взял в правую руку горсть зерен, помолился неслышно и бросил семена в черные бороздки. Зерна веером брызнули в воздухе и равномерно легли на пашню. Федор взял следующую горсть и шагнул вперед. Пройдя туда и обратно, поставил на краю поля коня с бороной, дал Николке уздечку и сказал:

- С богом, сынок! Прямо по бороздке шагай, и Лыско за тобой потянет, все будет ладно...

Николка потянул за узду, и мерин послушно зашагал следом. Федор проверил, как покрывалось зерно, и, не найдя наверху ни одного, довольный пошел сеять дальше, шуганув налетевших грачей и ворон.

Каждое зернышко жалко из таких семян: всего два зерна из сотни не проросло, что он держал в избе завернутыми в мокрую тряпицу. Отсеяться бы только пока ведрено... Ох, господи,- поймал он себя на мысли,- совсем в мужика оборотился! По-хорошему, о том ли ему, казаку, думать! У мужика на то и руки, как крюки, чтоб за сохой ходить, он берет горбом, а казак - умом да сметкой. Одному богом суждено пахать, другому - саблей владеть...

Они успели засеять лишь треть поля, когда прискакал пятидесятник Иван Жаденов.

- Федор, собирайся! Полковник велел немедля быть у него! - осадив коня, сказал он.

- По какой надобности? Досеять надо...

- Велено немедля! По какой надобности, не ведаю. Чаю, за ясаком хотят послать к самоедам, аль еще куда...

- Иван Степаныч, аль забыл, неделю как от остяков вернулся, с севом припозднился потому... Чай, есть кого послать, кто отсеялся!..

- Не мое то дело, полковником приказано!..

- Приказано, приказано! А коли без хлеба останусь, на что жить? Жалованье, сам знаешь, уж пять лет по указу не платят, а поборы дерут!

- Не я отменял жалованье, государь... Сам отдал три дня тому на Рижский провиант рубль да три гривны без двух копеек, да на городскую постройку тринадцать алтын...

- Мне и того уплатить нечем... Комендант на правез грозитя отдать... И служи да еще и деньги плати! Где их взять? Не поеду никуда, пока не отсеюсь!

- Много мелешь! Ай порядку не знаешь: слово полковника - закон! Сполнить обязан... А за поборы отца Отечества благодари!

- Я б того отца саблей в куски искромсал, растакую мать! - яростно закричал Федор Терехов. Жаденов рассмеялся и сказал:

- Ладно, собирайся...

- Не поеду, покуда не отсеюсь! За солью сколь раз ноне ездил, будто соленик какой, а не казак! Не мой черед ехать, аль опять Шевелясов откупился, ему есть чем!

- Не твою ума дело черед устанавливать, на то атаманы есть, терпи, казак... Всем тяжко ныне, время такое... Деньги и нам платить надо, а мы их не делаем!

- Не делаете! Только они сами к вам льнут... С того ясака, что я привез, не вы ли с сотником Седельниковым пятую белку себе взяли?..

- Со злобы клеветещь, ничего не брали! И свидетелей у тебя тому нет! А коли к полудню у полковника не будешь, пеняй на себя! Не ерепенься, можа и не в отъезд, како другое дело... Торопись! - внушительно сказал напоследок Жаденов и поскакал в город.

Чертыхаясь, Федор Терехов собрался в обратный путь и за час до полудня был у полковника Немчинова в доме.

- Проходи, Федор Савельич, проходи! - приветливо встретил его Немчинов.- Забыл я Жаденову сказать, что не за ясаком, другое дело к тебе... Прости, что от сева оторвал, завтра добьешь. Дело безотлагательное! Сержант Островский привез указ о присяге безымянному государю. Ныне утром, Лоскутов сказал, он отнес сей указ в канцелярию. Тебе подьячий Андреянов шурином приходится, чаю, легче сговоришья с ним! Копию с указа надо!

- Да я с ним не шибко в ладах...

- Порадей уж для мира,- кивнул Немчинов на заполнивших горницу казаков.

- Коли для мира, то опробую... Однако подьячий любит принос горячий... Задаром согласится ли, не ведаю, хоть и сродственник.

- Денег не жалея,- подал ему Немчинов кошель,- копия непременно нужна! Вот с Иваном Жаденовым и ступайте...

К полудню в горнице полковника Немчинова стало жарко от ноголюдства. А сидели уж с самого утра, когда чуть свет Василий Исецкий принес нерадостное известие. Полковник Немчинов созвал всех начальных людей. И все, кто раньше сомневался, слушая пустынников Дмитрия Вихарева да Михаилу Енбакова, ныне сидели в сумрачном раздумье и скребли затылки. Да и то: дело на Руси до того неслыханное, чтоб имя наследника престола не было означено.

Во главе стола сидел сам Иван Гаврилович Немчинов. По правую руку от него на лавке сотники да пятидесятники, по левую руку Василий Исецкий и Петр Байгачев с раскрытыми книгами Кирилла Иерусалимского и Правой Веры, да дворяне Чередовы. Десятка два детей боярских, казаков и детей казачьих сидели и стояли у стен да у печи.

Денщик принес новый лагун квасу, и сразу несколько человек потянулось к ковшу, не переставая слушать Василия Исецкого, читавшего из книги Кирилла Иерусалимского знамение десятое.

- «...ни от царей, ни от царского рода воздержит царство, но прелестию восхитит власть. Кто же сие есть или от какова чина, повеждь нам, о Павле, коего глаголеши пришествие по действию сатанину во всякой силе и знаменях и чудесах ложных», - не торопясь, ровно читал Исецкий, а Петр Байгачев в знак согласия кивал головой, держа в руках книгу Правой веры, только что читанную и толкованную им.

- «И паки на ином месте той же Даниил глаголет: И заклѣся живым его во веки, яко во время и во времена и пол времени будут имети нецы имут и прочая дней тысяча двести девять десят; блажен терпѣй и постигай во дни тысяща триста тридесѣть пять...» - продолжал Исецкий и пояснил: - Сие означает, что царствие антихристово будет на земле 1290 или 1335 дней. А воцарится атихрист в лето 7230-е от сотворения мира. За антихриста безымянного крест целовать велят, казаки! - воскликнул Исецкий, сердито сверкнув черными глазами.

- Не станем целовать крест за безымянного! - крикнул сотник детей казачьих Яков Петрашевский.

- А как Антихрист придет, што станет? - спросил, перекрестившись, единственный на собрании из посадских Васька Поротые Ноздри. Вид его стал еще более страшен: левый глаз покраснел, налился кровью - Варькин след. Федька, увидев его, улизнул из дому.

- Че, че! - сказал Иван Падуша. - Борода у тя, Василий, что ворота, а ума с прикалиток! Конец света будет. Суд страшный. Верно я говорю, Петро?

- Так, так,- отозвался Петр Байгачев.- Только ты, Иван, быстр да горяч, а человеку разъяснить надлежит, чтобы он истину уразумел.

- Верно, верно, Петр Савельевич, я ведь как все... Не из сумления спрашиваю,- обрадовался Васька Поротые Ноздри.- Скорей бы уж Терехов-то пришел с указом, хочу сам увидеть указ антихристов...

Часа через два Терехов и Жаденов наконец вернулись.

- Ну, добыли? - в нетерпении спросил полковник Немчинов.

- Спроворили,- ответил Иван Жаденов, утирая со лба пот. Подошел к

Немчинову и подал трубку бумаги.

- Насилу уговорили,- вступил Федор Терехов.- Андрюшка Колпин писал.

- Андреев что? - спросил Немчинов. - Андреев и велел...- пояснил Жаденов.- Посулили ему сперва лисицу, так не согласился. Токмо когда двадцать алтын дали, тогда и велел написать копию...

- Подьяческий карман, что утиный зуб! - сказал Федор Терехов.

- Читай, Василий, читай,- протянул Немчинов бумагу Исецкому.

- Пусть лучше Петро, у него глаза помоложе,- передал Исецкий бумагу Байгачеву.

Байгачев развернул листы, придвинулся к окну и начал читать:

- «Февраля 5. Устав «О наследии престола». Мы Петр Первый Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем, понеже всем ведомо есть, какую Авессоломскою злостию надмен был Сын Наш Алексей, и что не раскаянием Его оное намерение, но милостию Божиею ко всему Нашему отечеству пресеклось (что довольно из Манифеста о том деле видимо есть); а сие не для чего иного у него возросло, токмо от обычая старого, что большому сыну наследство давали, к тому ж один он тогда мужеска полу нашей фамилии был, и для того, ни па какое отеческое наказание смотреть не хотел; сей недобрый обычай не знаю чего для так был затвержден...»

- Слушайте, казаки, слушайте, разе истинный царь своо сына на дыбе замучил бы! - перебил Байгачева Исецкий.- Царевич Алексей старой правой веры держался, немецкой политики не любил, табун-траву не курил - за то отец его убил. А ныне под безымянного наследника, под антихриста нас подводит!

Исецкий истово перекрестился двоеперстно, следом - остальные. Байгачев продолжал:

- «...ибо неточию в людях по разсуждению умных родителей бывали отмены, но и в Святом писании видим, когда Исакова жена состаревшемуся ея мужу, меньшому сыну наследство исходатайствовала, и что еще удивительнее, что и Божие благословение тому следовало; еще ж и в наших предках оное видим, когда блаженный и вечнодостояния памяти Великий Князь Иван Васильевич, и по истинно Великий не словом, но делом: ибо оный разсыпанное разделением детей Владимировых Наше Отечество собрал и утвердил, которой не по первенству, но по воли сие чинил, и дважды отменял, усматривая достойного наследника...»

У Байгачева пересохло в горле, он приостановился и зачерпнул квасу. Все слушали его словно в оцепенении, и только Василий Исецкий качал иногда головой, будто говоря: «Вот как!». А Иван Казачихин не выдержал и вскричал:

- Ишь, на князя шлется! Царя Ивана, сыноубивца, же вспомнил. Кровопивцы! Все-де о благости отечества пекутся. А благодсть сию народ видит ли? Только кости кладет да кровь проливает...

- Так, так! Обложили податями, не вздохнуть! - заволновался Васька Поротые Ноздри.- Подушные плати, за ловлю плати, за баню плати, за домовину и ту плати! Уж о бороде и не говорю...

- Скоро с тя, Василий, не токмо за бороду, но и за волос на голове брать

станут, а то и за како другое волосато место! - усмехаясь, громко сказал Иван Падуш, и собравшиеся рассмеялись.

- Ладно, казаки, после говорить станем, когда дочитаем,- остановил их полковник Немчинов.- Давай дальше, Петр Иваныч.

- «...Кольми же паче должны Мы иметь попечение о целости Нашего Государства, которое с помощью Божию ныне паче распространено, как всем видимо есть: чего для заблагоразсудили Мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующего Государя, кому Оной хочет, тому и определяет наследство и определенному, видя какое непотребство, паки отменить, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имея сию узду на себе. Того ради повелеваем, дабы все Наши верные подданные, духовные и мирские без изъятия, сей Наш Устав пред Богом и Его Евангелием утвердили на таком основании, что всяк, кто сему будет противен, или инако как толковать станет: тот за изменника почтен, смертной казни и церковной клятве подлежать будет».

Петр Байгачев кончил читать. Все молчали. Наконец полковник Немчинов сказал:

- Ну, казаки, че делать будем?

- Дозволь мне, Иван Гаврилыч,- встал сотник Иван Белобородов.- Мы с тобой да с Жаденовым, да со многими другими еще казаками родились в Таре. Почитай, сызмальства отечеству служим, оберег нашим пределам от степняков держим основательный, и предки наши, чаю, с самим Федором Елецким на татарву хаживали. Не делами ль нашими Омска да Семипалатинска крепости держатся, сколь в них тарских казаков забрано. Убоялся ли кто из нас ратных дел? Нет таковых! И всегда за пределы наши стоять готовы!.. А от нынешнего государя много указов было, много терпели, но такого непотребства еще не бывало! Не по-нашенски сей устав утвержден, не по-русски! Кажный сам пусть глядит, я ж за безымянного к присяге не иду!

- И я не иду! - вскричал Федор Терехов.- Из нас, казаков, царь мужиков-лапотников сделать помышляет! Мало ему, собаке, жалованье наше отнял, так ишо поборами обложил! И служи, и плати!

Откуль деньги взять, когда и на Петербурхский провиант отдай, и па Рижский провиант отрежь, и за то, и за это! Да еще и подушным окладом грозит. Как жить при царе таком!

- Верно! Воистину так! Не пойдем к присяге! - слышались со всех сторон взволнованные возгласы.- Не от царя истинного, от шведа обменного устав сей!

- Казаки! - вскочил сотник казачьих детей Яков Петрашевский,- Я от мира отрываться не стану, токмо сомнение имею тако. Кабы царь был шведом, стал ли бы он противу шведов двадцать с лишком лет воевать? Славный Ништатский мир поимели б мы разе? А потом, слыхали, что в конце-то устава сказано? Кто к присяге не пойдет, смертной казни подлежать будет! Подумать крепко надо!

- Че думать? Не иттить! Сделайся овцою, так и волки готовы! - закричал Иван Падуш. - Аль у нас ружей нету?

- Ружья-то есть, да за бунт великой кровью умоешься, - задумчиво сказал знаменщик Александр Усков.- Как по Волге булавицев, пустит нас царь в петлях по Иртышу...

- Так че делать! Душу антихристу продать? - сердито спросил Байгачев.

- Куды ни кинь, везде клин,- пожал плечами Усков. - Не о земной жизни надобно печься, но о небесной,- сказал Василий Исецкий.- Пред богом в чистоте предстать помышляйте! Коли к присяге пойдете непотребной, отец Сергей к причастию не допустит.

- Можа и допустит, спросить бы его,- сказал Усков.

- Как же! Меня он в 719 году за присягу Петру Петровичу не пускал к причастию,- сказал Василий Исецкий,

- Пошто так? Петр Петрович истинный наследник был,- удивился Федор Терехов.

- Отец Сергей говорил тогда, что-де он от немки рожденный, и присягать ему не надлежало...

- Так что делать станем, Иван Гаврилыч? - спросил сотник Белобородов Немчинова.- Ты наш голова...

- Все дни, как Михаиле Енбоков весть сию принес, думал я. как быть нам... Все надеялся, что зряшные слухи. Ан, нет... Чаю я, не след нам оружием брякать, но и наследнику безымянному присягать не надлежит. Удумал я. братцы, напишем-ка мы государю письмо и отправим в Тобольск: так, мол, и так, за безымянного идти не хотим, а если имя означено будет, тогда пойдём... Отцу Сергию покажем, совета испросим. Что скажете?

- Верно решил! - крикнул Жаденов.- Не идти за безымянного!

- Верно-то, верно, да токмо словом и комара не убьешь! В урман идти надо! - крикнул Федор Терехов.

- Эж, ты, Федор, все как горох скачешь! Только б саблей махать,- с укоризной проговорил полковник Немчинов.- Оттого и писать хочу, чтобы не взять греха на душу, не пролить кровь русскую... По себе знаю тяжесть сего... Ужели мы, православные, крошить друг дружку будем на радость врагам нашим?..

- А ежели последнее отымать начнут? - с досадой проговорил Терехов.- Слово мира и для меня закон... Коли писать решите, то уж тогда в том письме отписать надо, чтобы жалованье вернули сполна и в подушный оклад нас, казаков, не писали!

- Так, Федор! О сем писать надо,- сказал Васька Поротые Ноздри.- Не то перепишут и нас, на заводы, что на Исети, брать будут. Из Тобольска почти всех драгун туды позабирали... Над ними в начало ставят немцев да пленных шведов и велят робить с утра до вечера. Помощник ко мне и кузню пришел, был там. Ушел от трудов непосильных... Уголь жег. Грит, за вадцатисаженную кучу, кою одернить и сжечь надобно, платили три рубля с копейками... А наруби-ка ее! Намаялся бедный, у меня в два кулака за один провиант кует...

- У кузнеца раз стукнул, и гривна! С ним, стало быть, вдвое более. Куда деньги-то станешь девать? - насмешливо спросил Иван Падуш.

- Те только бы скалиться! Федор-от верно грит, столько дерут, успевай

поворачивайся! Чаю, царь не ведает, что иноземцы за его спиной творят, писать ему надо! Верно Иван Гаврилыч порешил!

- Токмо письмо сие как отцу Сергию покажем? - спросил Исецкий.- Не седня-завтра комендант Глебовский публиковать указ будет. Время б дня четыре...

- С Иваном Софоновичем сам говорить стану, авось обождет с присягой,- сказал Немчинов.- А ты, Василий, немедля садись за письмо.

Он достал из ларца бумагу, чернила, гусиное перо и подал Исецкому. Тот стал писать, изредка останавливаясь.

Письмо получилось коротким, Василий Исецкий посыпал бумагу песком и прочитал:

- У присяги клятвенное обещание определенном в наследники и о уставе означено, а от какова роду и какова чину и кто именем, не означено. И мы за такого неведома наследника клятвою не клянемся, слова и креста не целуем и рук не прикладываем. А ежели от царского рода наследник будет, и служилым казакам жалование положит в полной мере, и в подушный оклад записывать не велит, и мы за такого наследника со всеусердием и радением, с подписанием рук своих Снятое евангелие и крест целовать будем. Тарского города городовые и всех чинов жители...

- Ладно ли? - спросил Исецкий.

- Ладно,- ответил полковник Немчинов и сказал Байгачеву: - Сними копию и немедля скачи к старцу Сергию. Коня не жалея! В три дня обернешься?

- Посуху обернулся бы, а нынче не знаю. Не везде, верно, просохло еще... Буду торопиться!

- Поезжай с богом! А вы, казаки, ступайте объявляйте везде, что вышел-де такой-то указ и что за безымянного идти не надлежит. Чтоб до публикации все знали и размышление имели, ибо не принуждением нашим, а Божиим велением сия противность чиниться должна, Василий Лозанов, - обратился он к Ваське Поротые Ноздри, - у себя на посаде растолкуй всем, дабы не одни казаки, но и другие жители тарские да мастеровые с нами заодно были...

Глава 6

Не как у людей, не по обычаю повенчанные, не обычную провели Степка и Варька первую брачную ночь. Вернулись от Лоскутовых далеко за полночь. Младший брат Степки спал на широкой лавке у стены, мать, постанывая в углу, попросила воды.

- У-ухх,- пьяно и недовольно выдохнул Аника. Хромая, подошел к кровати с ковшом, после приказал Степке с Варькой:

- Полезайте, молодые, на печь... Ты, сношенька, дом в свои руки бери. Дом вести - не задом трясти! А коли муженек твой че - ты его поленом! Не справишься, я помогу, хе-хе!

Свет из камелька едва достигал черного с толстым слоем сажи потолка из мелких бревнышек, и на печи было темно. Степка, достав из угла катанки, поставил их между собой и Варькой. Так они и лежали, муж и жена, порознь, один - настороженным загнанным зверьком, отделенный от нее еще не

проснувшимся чувством, другая - растерянная от неожиданности случившегося и все же втайне надеявшаяся на бабье счастье.

Когда Аника задул лучину и, кряхтя, улегся спать, они все так же долго лежали не шевелясь. Было тихо, так тихо, как бывает только глубокой ночью. Было слышно, как внизу в закутке у печи дышит трехнедельный теленок. Не раз на дню поил его Степка молоком из деревянного ведра, сунув палец в рот. Теленок с причмокиванием сосал, давя палец языком, и смешно тыкался в ладонь, словно в вымя матери.

- Степа, Степ,- тихо позвала Варька.

Степка не отозвался. Варька тронула его за руку.

- Ежели не хочешь, я навяливаться не стану...

- Не трогай,- угрожающе прошипел Степка.- Зарежу!

- Степа, мы ведь теперь муж и жена...

- Молчи, дура, сказал зарежу, только сунься!

Варька всхлипнула и залилась беззвучными слезами.

А внизу не спал и ухмылялся в темноте пьяной кривой ухмылкой Аника Переплетчиков, по прозвищу Шлеп-нога.

Утром Аника поднялся рано, будто и не ложился за полночь. Подоил корову (сноху в первое утро решил не трогать), выгнал ее к стаду, напоил теленка, поел гречневой вчерашней каши с молоком и заковылял на службу.

В канцелярии судьи Лариона Верещагина числился он писцом, но делал работу всякую, предан был своему благодетелю и господину. И тот его за это выделял, иногда поучая: «Ныне время такое, что с умом так и большим человеком стать запросто. Надо лишь радеть за государеву пользу». Аника старался. Писарь из него был так себе, но зато у земского Лариона Верещагина были свои глаза и уши в городе: вынюхивать Аника был мастер.

На съездем дворе судейской канцелярии было безлюдно. Только из маленького оконца избы-сруба, служившей для содержания под арестом до разбора взятых за разные вины людей, на Анику глянули злые глаза, и он услышал:

- Аникей Иваныч, третий день без хлеба сижу, смилуйся...

За клином сидел Андрей Вороженкин, взятый за неуплату податных денег.

Аника сделал вид, что не услышал его зова, и вошел в земскую избу.

Судью Лариона Верещагина он застал уже на месте. Тот был не в духе. Мучило колотье в правом подреберье - объелся во вчерашнее заговенье перепелиных яиц, до которых был весьма охоч.

Одутловатое красное лицо его, искаженное страданием, тем не менее сохраняло надменность и презрительность из-за выдвинутой вперед тонкой губы над гладким бритым подбородком. Ответив едва приметным кивком на подобострастное приветствие Аники, судья глянул на него маленькими серыми глазками с красными почти без ресниц веками и сказал:

- Вороженкина на правож! Ежели платить не станет, сдашь приставу Калашникову, пусть сведет в тюрьму.- Верещагин поморщился от боли, накинул на широкие плечи кафтан, подбитый лазоревой китайкой, и

нетерпеливо махнул рукой, давая понять, что разговор окончен, и встал во весь свой одиннадцативершковый рост.

- Ларивон Степапыч, был я вчерась по делам у казака Федора Лоскутова, встретил на постое у него сержанта Островского. Оной сержант привез указ о престолонаследстве.

- Откуда узнал?

- Так сам сержант и сказал, был он пьян... К тому говорю, что там же сидел отставной пеший казак Василий Исецкий и читал оной указ. То доподлинно сам видел. Неспроста он там вертелся, чаю, умышляет что-то...

- Читал, говоришь? До публикации...- оживился Верещагин.- То-то что умышляют! Сходи в канцелярию коменданта, узнай, отдал ли сержант указ, да Исецкого и пустынников, что по Таре шастанут, держи на глазу!

Позвав с собой денщика судьи, Аника пошел с ним к срубу, отодвинул запор и крикнул:

- Выходи!

Арестант, щурясь, перешагнул высокий порог.

- Ну, будешь платить? - грозно спросил Аника.

- Да нечем же, сказывал ведь,- хмуро ответил Вороженкин.

- Ладно, по-другому поговорим...

Арестанта подвели к деревянным козлам.

- Помилуйте, братцы, Христом клянусь, нет ни копейки!

- Ложись, ложись! - толкнул Аника должника, и тот покорно улегся на козлы. Аника стянул ему руки под бревном и взялся за кнут. Любил Аника поразмяться с кнутом. Он весь преображался, до сладости было ему слышать вопль иного слабого мужика, видеть, как передергивает ударом тело терпеливого да сильного, который бы щелчком его, Шлеп-ногу, пришиб. Ан нет, лежит милок, корежится! Вороженкин оказался не из молчаливых, которых Аника не любил и от которых сатанел (забил бы любого, кабы не останавливали), после пяти ударов взмолился:

- Помилосердствуйте, ей-богу нечем платить!

Аника отмерил ему еще десяток ударов и, видя, что, пожалуй, и правда нечем, сдал его приставу Калашникову.

В приказной избе Тарской канцелярии, когда вошел Аника, было многолюдно. У окна за широким столом, перебирая бумаги, сидели подьячие Иван Андреев и Иван Неворотов. Слева, за столом поуже, скрипели перьями гусиными, то и дело окуная их в медные чернильницы, молодой писарь Андрей Колпин да временно взятый в писцы «за многими делами» неверстаный сын боярский Петр Грабинский. Напротив них на лавке сидели пятидесятник Иван Жаденов да конный казак Федор Терехов. Увидев вошедшего Анику, они переглянулись, и Иван Жаденов в нетерпенье стал потирать колени. Аника перекрестился на трехаршинную икону Тихвинской Божьей Матери, стоявшую в углу, - самую почитаемую в Таре икону, привезенную еще самим Андреем Елецким,- и поздоровался.

На приветствие Переплетчикова никто не ответил, и только Неворотов

едва кивнул головой. К нему и обратился Аника:

- Иван Васильевич, люди сказывают, сержант Островский указ привез?

- Привез, а те че?

- Интересно, про что?

- Опубликуют, узнаешь!

- Передал разе сержант указ?

- Передал, передал,- пробормотал недовольно Андреянов.- Тебе, видать, делать нечего. Надо сказать Верещагину, чтоб он тя хоть за дровами посылал...

- Ларивон Степаныч, чаю, без вас определит, куды меня послать,- ухмыльнулся Аника и повернулся было уходить, но тут взгляд его остановился на бумаге, лежавшей перед Колпиным. Аника сразу узнал указ, с которого Колпин, высунув кончик языка, снимал копию по велению Андреянова для Жаденова и Терехова.

Два часа назад Тарский комендант Иван Софонович Глебовский получил указ от сержанта Островского, передал его подьячему Андреянову и велел занести в учетную книгу о подаче. Никто из сидящих в избе не заметил, как насторожился Аника, никто не знал, что он видел указ у Лоскутова. Аника же сразу смекнул что к чему. Дождался, когда Жаденов и Терехов взяли копию, вышел следом за ними. Он бы мог не хорониться и не приотставать от них. ибо Жаденов и Терехов так торопились, что ни разу не оглянулись.

Аника несколько раз прошел мимо двора Немчинова, напрягая слух, но из раскрытых окон слышался только невнятный говор.

Дома его ждала неприятность: сбежал Степка. Варька, сидевшая с окровавленной тряпичкой на голове, рассказала, как было дело. С утра, только Аника ушел, Степка стал приставать к ней, чтобы она уходила из дома, и грозил ножом. Но она сказала, что, мол, по велению ее и его родителей в браке они, что не медведь их вокруг налож водил и потому должны они жить совместно, как муж и жена. На что Степка обозвал ее кривоглазой коровой и так хватил рогачом, что пробил голову и убежал.

- Жрать захочет, прибежит! - сказал Аника.- А не прибежит - приведем!

Он был уверен, что Степка далеко не уйдет, разве что в промышленную избушку, ставленную еще отцом Аники.

Глава 7

«Да был ли голос... Не морок ли мной правит?.. Не дается Лик, хоть плачь... Ужель отец Сергей правду говорил...» - думал с тоской Василий Казачихин, глядя на лежавшую перед ним на столе незаконченную икону, над которой бился не один месяц. На самое Рождество явился иконнику Василию Казачихину сон. Будто идет он от водяных ворот Тары вниз к реке, назад оглянется - город родной: стены да островерхие главы церквей возвышаются, а впереди ясный, золотой свет горит, манит к себе. Подходит Василий и видит, что свет сей будто из окна разливается. «Откуда окно тут? В кустах», - подумал Василий и хочет в то окно заглянуть. Но лишь приблизится к нему - в глазах тьма, отойдет чуть - свет золотой... И голос женский слышит: «Тебе, Василий, вручаю, тебе...» Душа Василия смутилась, затрепетала, проснулся он. Сердце

от радости сжимается, а до конца уяснить, что же сие было, не в силах...

Жил он в ту пору в ските отца Сергия, куда пришел укрепиться духом после того, как протопоп Алексей велел сломать все иконы им писанные. Кричал на него, что-де он не так их написал. Как же их еще писать, как не по переводу с древних образцов. Отец Сергий протопопа изругал, сказал, что у него, Василия, иконы были правильно написаны, что-де новые иконы писаны неправильно, что у образа Спасителя и Иоанна Предтечи руки благословляющей не пишут, у Пресвятой Богородицы младенца не пишут, а сложение перстов не большой с двумя последними сложенными пишут, что-де еще страдалец протопоп Аввакум сказывал, что пишут ныне Спасов образ будто немчина брюхатого и толстого, лишь сабли, мол, при бедре не писано...

Выслушав сон Василия, отец Сергий просиял лицом и сказал:

- Великая благодать сошла на тебя... Ужели не понял, что ведено тебе писать икону явленную. Не окно ты в кустах зрел, но образ небесный, коий закрепить тебе надлежит на доске, то бишь на иконе. А икона - суть пелена, что зримый мир от незримого отделяет. Посему тьма у ты а глазах была, когда ты в окно то заглядывал... Уразумел?

- Отец, каков же мне лик писать? - спросил Василий.

- Пиши Богоматерь с младенцем... А уж как, но своему духовному промыслу гляди.- И ознаменовав склоненную голову Василия, отец Сергий благословил его к написанию иконы: -...Сам, Владыко, Боже всяческих, просвети и вразуми душу, сердце и ум раба твоего Василия и руки его направи, во еже безгрешно и изрядно изображати жительство Твое, Пречистыя Матери Твоея, святого, славнаго апостола и еуангелиста Луки и всех святых. Аминь.

На Пасху Василий закончил раскрышку доличного письма иконы, написал младенца Христа, и тут из-за младенца вышла у них с отцом Сергием ссора.

Незадолго, недели с три тому, Иван Падушa привозил в скит крестить своего сына. Когда окунали его в купель, младенец в отличие от других не заорал, а засмеялся, забил ручками-ножками и так врезался Василию в память, что он его и написал на иконе, как живой вышел! Но отец Сергий, увидев написанного младенца, нахмурился и сердито сказал:

- Неправильно младенца изобразил, не по старому образцу...

- Батюшка, прости недомыслие, пошто надобно младенца изобразати ликом старческим? Не так надобно, по моему разумению...

- Коли свой ум короток, чужого разума слушай! - яростно оборвал его Сергий.- То кобель Никон умыслил, будто живым писати... Коли не будет в лике Христовом строгости и умерщвления плоти, то и святости не будет! Кому молиться, парсуне мирской? Коли младенца не перепишешь, прокляну доску твою!

Василий, опустив голову, молча выслушал выговор святого отца. Но стереть написанного младенца рука не подымалась. В ум его не укладывалось, почто невинный живой лик был непотребен взгляду людскому. Сам же старец говорил, что писать но своему духовному промыслу, а коли душа другого письма не приемлет, как быть?

Промучившись всю ночь, рано утром ушел Василий с иконой к себе

домой. И бьется над ней с тех нор каждый день.

Никто не считал, сколько часов провел он перед неоконченным образом, безотрывно глядя в просанкиренное лицо, силясь ухватить лик и раскрыть его. Но густела, пересыхала приготовленная рефть, и опять Василий оставался ни с чем, ибо просанкиренное лицо есть лишь ничто сего лица, лишь невнятное пятно на трехслойном высохшем левкасе.

Много раз обращался он мысленно к Абалацкой чудотворной иконе. Видел ее так, будто перед ней стоял. Божья мать изображена с распростертыми воздетыми к небесам дланями и с Предвечным, еще не родившимся, а только воплотившимся и находящимся в утробе Богоматери. Искусен был мастер, протодьякон Матвей Мартынов, что по заказу расслабленного крестьянина Евфимия Коки написал сию икону. После написания ее Евфимий исцелился. Далее сотни чудес сотворила икона с 1636 года, и за то одели ее в пятнадцатифунтовые золотые ризы, убрали убрус жемчугом да бриллиантами... Нет славнее иконы в земле Сибирской.

Проще простого написать бы копию с нее, да и не маяться. Но непонятная сила велит Василию писать по-своему. И тайная дерзость, овладевшая им, снова и снова нудит его к поискам того единственного истинного образа, который только и может оставить надежду на чудо...

Однажды он дошел до оживки лика, показалось даже, что конец скоро его мучениям. Но едва положил белилами несколько отметин, когда лик стал внятен, тут же увидел, что лик сей младенцу чужд. И с горечью и досадой Василий закрыл его опять санкирем.

Но надежда жила в нем, и он снова и снова каждое утро, отделив желток куриного яйца, творил краску: мешал зеленую киноварь, добавлял охры, белил, чуть квасу и растирал все это пальцем в большой деревянной ложке...

Вот и сегодня, встав с лавки в своем закуте в черной поло вине избы отца своего, Ивана Казачихина, он промыл и без того чистые кисти из беличьей шерсти, вставленной в гусиные перья, и хотел развести краски, но плетенная из сосновых кореньев чашка, где обычно лежали яйца, была пуста. Вечор отец обозвал его бездельником, запретил переводить впустую яйца. Хотя Василий и помог братьям сеять хлеб.

От нечего делать Василий нехотя принялся левкасить сосновые доски с уже процарапанными шилом в клетку ковчезками для икон на продажу.

Дверь тихо скрипнула, отворилась, через высокий порог перебрался Николка Терехов и тут же спросил:

- Краски мешать будем?

Разравнивая гремиткой на доске левкас, Василий улыбнулся:

- Не, брат Николка, сегодня не будем, все яйца протухли, одни болтуны...

Николка недоверчиво посмотрел на него и подошел ближе Василий часто, проткнув яйцо с двух сторон иголкой, отдавал его Николке, и тот старательно высасывал белок. Приходил Николка к племяннику Василия Мишке, сыну старшего брата Петра. Но поиграв с ним, Николка подолгу стоял за спиной Василия и смотрел, как он творит краски, варит для олифы льняное масло, трет мел... Иногда Василий давал ему подержать ложку с краской, чем Николка

очень гордился

- А я с папаней седня на поле был, сеял...- важно сказал Николка.

- Все посеяли?

- Не-е, изрядно осталось. Папку полковник к себе призвал.

- Для чего призвал-то? - спросил Василий, отложив доску.

- Не ведаю... Можя опять куда пошлют... А пошто все яйца-то протухли?

- Долго рассказывать, брат Николка...

Вошел запыхавшийся Иван Казачихин.

- Николка, поди-ка с Мишкой поиграй,- сказал он и обратился к Василию:

- Указ прибыл о присяге безымянному наследнику... На круге решили к присяге не идти, о том письмо написали отпорное... То письмо надо отцу Сергию свезти...

- К отцу Сергию не поеду,- пробормотал Василий.

- Да постой, не один, с Петром Байгачевым.

- И вдвоем не поеду,- упрямо сказал Василий,- покуда образ не кончу, никуда не поеду...

- Образ, образ!.. Стоишь подле него без пользы, а кормлю ты я. Вот, ровно в сказке, послал бог сыновей: двое умных, а третий дурак!.. Я б Егора послал, да ему на таможду становиться, а Петр, сам знаешь, уехал на рыбный промысел...

- Не поеду...

- Тьфу! Ну вон скажи Байгачеву-то, на дворе дожидается. Они вышли во двор.

- Не могу я, Петр Иваныч, ехать к старцу, в споре с ним,- сказал Василий Байгачеву.- Да и работа есть...

- Не можешь, так ладно, один съезжу,- дружелюбно сказал Байгачев,- вдвоем бы оно, конечно, веселее... Пойду я...

- Эх, - махнул рукой Иван Казачихин,- позоришь отца-то перед миром, обещал ведь, что съездишь ты с Петром-то!

- Меня спросить надо было,- кротко сказал Василий и пошел в свой закуток.

- Его спросить, гли-ко! - вскипел Иван Казачихин.- Сопля ишо возгой течет, а туды же, отца родного учить!..

Хоть и ругался Иван Казачихин на сына, а в душе жалел его. Откуда только эта блажь к богомазанию напала? Старшие братья уж в конные казаки поверстаны, этому ничего не надо окромя красок... Еще мальцом, бывало, углем всю печь изрисует. Сек его немилосердно за то, а все не впрок. А после так вышло, что послушал он отца Афанасия и отправил Василия в Тобольск к мастерам по иконному писанию. Три года там пробыл, а проку нет: ни протопоп его образов не берет, ни вот теперь отец Сергей. Оба говорят, что-де не так пишет. А он, упрямый, никого не слушает, по-своему пишет. А для чего писать те образы, коли не годится молиться? Ужель гордыня обуяла малого? Хотя плохого о нем не скажешь. Отец Афанасий, когда уговаривал его отправить сына на учение, говорил, что сын его к начертанию плотского воображения Господа Бога весьма подходит. Как о том в Стоглаве-де писано,

каким надлежит живописцу быти, таков, мол, и сын его есть: кроток, непраднословец, не сварлив, не пьяница... Словом, по всем статьям подходит... Женить бы его, да и тут загвоздка. Втемяшилась ему Дашутка Чередова в голову: засылай сватов, другую не желаю. А куда полез - Чередовы-то дворяне, а он, Иван Казачихин, из детей казачьих, так и остался не поверстан. Когда же Васька Кропотов просватал его Дашутку, почернел аж... А тут еще протопоп иконы его сломал. Ушел сын в скит, да вот и оттуда вернулся.

Глава 8

Когда Петр Байгачев выехал за город из Борисоглебских ворот на кауром жеребце, с притороченной к седлу возле деревянного стремени кожаной сумкой с едой, солнце било ему прямо в глаза, касаясь верхушек елей. Справа за Иртышом и отдалении залегла тучка, окаймленная сверху золочено-красной лентой, и Байгачев опасливо покосился на нее, боясь, как бы не было дождя. Он еще раз перекрестился двуперстно на темный лик Спаса над воротами и стегнул коня плеткой. Надо было торопиться. Он прикидывал, что коли дождя не будет, то к вечеру следующего дня можно добраться до пустыни старца Сергия. Но для этого обязательно к ночи надо быть в Ложниковом погосте.

За Чекрушанской слободой дорога версты три шла на полдень. По обе стороны зеленела рожь на полях, вдававшихся широкими полосами глубоко в лес, - пашни слобожан, далее - отъезжие пашни тарских казаков и казачьих детей.

Солнце село, и воздух сразу будто загустел. Где-то рядом закуковала глухая кукушка торопливо и беспрестанно так, что, удаляясь, он долго ее еще слышал.

Пашни кончились. Дорога пошла лесом, густо сомкнувшимся над ней. Лишь изредка проглядывал из-за сплетенья хвойных лап и шелестящих березовых крон клочок неба. До Ложникова погоста оставалось верст десять. Байгачев дал коню отдохнуть, пустив его шагом, и затем вновь погнал, уклоняясь от нависших над дорогой ветвей.

Места были ему хорошо знакомы. Скоро за поворотом показалась еланка, где он обычно останавливался, но сейчас проскакал дальше. В лесу заметно потемнело, Байгачев был уверен, что к ночи будет в Ложникове. Вдруг его будто ударили в грудь, он только успел почувствовать, что летит из седла, ударился о землю и лишился памяти.

Очнувшись, увидел, как два мужика в катаных шапках - черноволосый, с выбивающимися из-под шапки лохмами, и рыжебородый - рылись в его сумке, третий, молодой парень в драном азыме, держал под уздцы его коня и жадно жевал хлеб. «Гулящие люди», - понял Байгачев и пошевелил ногой - нож за голенищем бродня был на месте, свое же ружье он увидел в руках черноволосого лохмача.

- Корней, я чаю, оклемался казачок, - проговорил парень, державший коня, - че с им делать?

Черноволосый приподнялся от сумки и кивнул на Байгачева рыжебородому. Тот поднял с земли дубинку и шагнул к лежавшему.

- Братцы, не губите, чай, вы не нехристи, но православные! Пошто жизни хотите лишить?

- Штоб не попадался! - сказал лохмач и заржал: - Ха-ха, Митька, кончай его.

- Пойдите, братцы, какая вам корысть жизни меня лишать! Есть у меня промышленная избушка, где припасов вдоволь, да и деньги у меня там припрятаны!

Рыжебородый остановился, вопросительно поглядев на лохмача. Тот спросил:

- Где же твоя избушка?

- Завтра к полудню добраться можно, - соврал Вайгачев. Избушка его была на безымянной речке в 60 верстах от Тары на север за Иртышом. Лохмач задумался и сказал:

- Живи покуда, завтра поведешь...

Подталкивая Байгачева перед собой, гулящие люди увели его вглубь леса. от дороги в ложбину, где стоял балаган из елового лапника, посадили под большой пихтой и привязали руки за спиной к стволу.

Рядом с балаганом, под навесом на шестах чуть выше человеческого роста, тлел костерок. Молодой подбросил сухих веток и стал раздувать огонь. Рыжебородый сходил к ручью с медным котелком и повесил его над огнем.

- Куды ж это ты торопишься? - с ухмылкой спросил лохмач, присаживаясь у костра и положив отобранную у Байгачева саблю на землю.

- В пустынь... К отцу Сергию. Чаю, слышали о сем праведном старце? Советую, братцы, и вам со мною пойти. Ныне вашего брата много имают. Чем поротые ноздри, лучше богу послужить и душе своей. Без отпуску много не нагуляешь...

- Мы хоть хвойку жуем, да на воле живем, день кольцом, ночь молодцом! Ты-то, верно, с отпуском, вот и выручишь нас.

- Нет у меня отпускного билета... - А мы поглядим, - встал лохмач, подошел к Байгачеву и стал его обыскивать. Письмо под подкладкой хрустнуло, и лохмач осклабился: - А баешь, нету!

Он вспорол китайку и достал бумагу.

- Не отпускной это... Письмо к старцу от казаков.

- Мы грамоте не разумеем, бумага нам любая сгодится, - сказал лохмач и засунул письмо за пазуху.

- Попа твоего я знаю, - сказал молодой, - всю зиму в его обители жил. Вредной старик! Туды не ходи, того не делай, это не жри...

- Это потому, что нету в тебе веры истинной! Небось никонианской щепотью крестишься? - сказал Байгачев.

- Во наша вера! - тронул лохмач дубинку. - Ты ж коли болтать много станешь, я тя на осине вниз башкой повешу, и пусть твой старец тебе пособит! Ха-ха-ха! Чего это казаки решили попу писать?

- Указ царский вышел безымянному наследнику присягать, мы за безымянного не идем, - нехотя ответил Байгачев. - Последнее время ныне идет...

- Бунтовать, значит, порешили? Давай, давай, он вам побунтует... Уж коли

противничать, так с топором, а не с бумагой.

- Развяжите, не убегу,- попросил Байгачев.

- И так посидишь. . . - сказал лохмач и задрал голову.

Наверху разом вдруг зашуршало, пошел мелкий дождь. Лохмач и рыжебородый убрались в балаган, оставив молодого у костра под навесом сторожить пленника. Байгачев, досадуя на себя, что поехал один, попробовал высвободить руки. Молодой заметил, подошел, пнул под ребро и пригрозил :

- Будешь ерзать, успокою по башке!

Всю ночь Байгачев провел в полудреме. Дождь шел недолго, и он остался сухим.

Утром лохмач снял с него бродни и, увидев нож, усмехнулся:

- Надежу, небось, на него имел? Гляди, коль обманул про избушку, вот этим самым ножом кишки выпущу! Есть ли избушка-то?

- Есть, есть! Кроме провианта и денег, есть там пять соболей и горносталь, - приврал еще Байгачев, все больше теряя надежду вырваться.

- Ладно, веди...

Байгачев шел впереди, по бокам от него шли рыжебородый и молодой, лохмач ехал на его жеребце чуть сзади. Небо затянуло серой мглой, солнца не было видно, и Байгачев радовался тому: он мог вести своих спутников, куда вздумается, направления им не определить.

Но надо было торопиться: веселый птичий гомон обещал ведро. Среде множества голосов выделялся пересвист дрозда и перекатистая трель овсянки-ремеза. Он шел, часто меняя направление, чтобы сбить своих ведомых. Проведя их по большому полукружью, опять вывел к той же дороге с другой стороны и пошел вдоль нее в полусотне сажений, прислушиваясь, не раздастся ли топот коня. Но время шло, а на дороге было тихо. Вот-вот кончится лес, и с опушки будет видно поле, за которым речка, а на другом берегу Ложников погост. Ждать больше было нечего, и, приблизившись к придорожным кустам, он продрался через них на дорогу и что было сил побежал к

уже виднеющемуся краю леса.

- Стой, стой, курва! - орали рыжебородый и молодой, продираясь через кусты.

До опушки оставалось сажений двести, когда лохмач догнал его, ловко метнул в ноги дубинку. Байгачев упал. Подбежавшие рыжебородый и молодой навалились на него.

- Падла, оманывать! - замахнулся на него дубинкой рыжебородый, но лохмач остановил ааі.

- Постой, Митька, это для него слишком легкая смерть будет!

Они отволокли Байгачева вглубь леса от дороги, раздели донага и повесили на веревках за руку и за ногу враскос между двумя березами возле муравейника.

- Пусть божьи твари попируют! - сказал лохмач.- Позыркай, pozyркай! Вот и пришел тебе конец света... Помолись, может, старец поможет...

Он срубил саблей молодую березку, положил вершиной на муравейник, а комелек кинул на Байгачева.

Повернулся к коню и вдруг дернулся и повалился на землю со стрелой в горле. Следом раздался выстрел, и, схватившись за живот, осел рыжебородый. Молодой взвизгнул и зайцем метнулся прочь.

Из-за деревьев вышли два человека. Это были Федька Немчинов с ружьем и Степка Переплетчиков с казацким луком.

Глава 9

Ранним утром 22 мая 1722 года по улицам города Тары шли два барабанщика, привлекая внимание жителей раскатистым дробным боем. Когда барабанные палочки ненадолго замирали, шагавший перед барабанщиками подьячий Иван Неворотов громко кричал:

- Всем быть надлежит у соборной церкви для публикации указа Его Императорского величества! Всем надлежит быть у соборной церкви немедленно...

Привлеченные криком и барабанным боем жители потянулись к соборной церкви: шли казаки нагорной части города, посадские с низов от речки Аркарки. Скоро перед церковью собралась пестрая толпа. Толковали, о чем указ. Иные говорили, что, видно, о новой какой подати, другие откуда-то знали, что о безымянном наследнике, и шептали о последнем времени. На паперти стояли уже подьячий Андреянов, протопоп Алексей, фискал Никита Серебров, земский судья Верещагин и сержант Островский. Ждали коменданта Глебовского. Скоро и он прибыл с денщиком Гаврилой Ивкиным.

Придерживая полы волчьей черевьей епанчи, комендант взошел на паперть и кивнул подьячему Андреянову. Тот развернул копию с Устава и стал громко читать.

Собравшиеся слушали молча, и лишь когда Андреянов прочитал:

- «...дабы сие было в воле Правительствующего Государя, кому оной хочет, тому и определит наследство...», - но толпе прошел шорох, но тут же затих.

Андреянов дочитал указ. Перевел дыхание и продолжил:

- К сему уставу имеется «Форма клятвенного обещания». Форма сия такова: «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь пред Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием в том, что по объявленному Его Пресветлейшаго и Державнейшаго Петра Великого Императора и Самодержца Всероссийского

Нашего Всемилостивейшего Государя о наследстве Уставу сего настоящего 1722 года февраля 5 дня, по которому ежели Его Величество по всей своей высокой воли и по Нем Правительствующим Государем Российского престола, кого похотят учинить наследником, то в Их Величества воли да будет... А ежели к сему явлюсь противен, или инако противное что помянутому Уставу толковать стану, то за изменника почтен и смертной казни и церковной клятве подлежать буду. И во утверждение сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего и подписуюсь». По указу же Сибирского губернатора Алексея Михайловича Черкасского комендант Иван Софонович Глебовский повелевает градским жителям, а также уездным, быть у присяги мая 25 дня здесь же у соборной церкви. Копия с Устава висеть будет на градских воротах. Об Уставе надлежит сообщать всем, кто по разным нуждам в

отлучке обретается.

Андреянов замолчал, и тут же из толпы кто-то звонко крикнул:

- Как же за безымянного наследника Евангелие целовать, ежели он чертом будет?

Комендант Глебовский, стоявший до этого с хмурым озабоченным видом, выступил вперед и крикнул в заволновавшуюся толпу:

- Кто сие гавкнул? На виску захотели? Всем быть у присяги, когда объявлено. Теперь расходись!

Народ медленно стал расходиться, судача о государевом указе.

К Глебовскому подошел сержант Островский.

- Господин комендант, пошто поздно срок назначил. Мне в Омску крепость надобно с присягой сей.

- Потому срок такой, чтоб уездные люди успели прийти. Сегодня пошлем служилых людей объявлять об указе...

- Градских-то можно бы с завтрева начать. - Поспеешь сержант в свою Омску крепость, аль там житье привольнее, чем у нас? - пошутил Глебовский, пряча за улыбкой досаду.

- Житье-то тут неплохое, да наше дело служилое... В Тобольске говорено было не медлить.

- Ладно, ладно, успеется...- сказал Глебовский, думая о своем.

Поздним вечером прошлого дня денщик Гаврила Ивкин доложил Глебовскому о приходе полковника Немчинова в его дом. Глебовский велел принять, хотя с угару болела голова,- дворовый человек Сашка, не привыкший к печи с дымоходом, рано закрыл трубу и едва не уморил хозяина; хорошо, денщик почуял неладное.

Когда Иван Гаврилович вошел, Глебовский в темно-синем атласном шлафоре полулежал на высокой подушке с камчатой наволокой. Войдя, Немчинов перекрестился на многочисленные поблескивающие дорогами окладами образа. Перед образом знамения святыя Богородицы в серебряном окладе горела тонкая свеча.

- С чем пожаловал, Иван Гаврилыч? - спросил Глебовский, встав с пуховика. Подойдя к столу, на котором стояло два шандала с восемью свечами, он взял медные щипцы и снял с одной нагар.

- Такое вот дело, Иван Софонович, что и не знаю, с чего начать,- сказал Немчинов, тронув пшеничную с проседью бороду.

- С дела и начни, коли так, время позднее...

- С дела, так с дела... Нынче сержант Островский вручил ли тебе Устав о престолонаследстве?

- Вручил, завтра публиковать буду...

- Что же, велишь безымянному присягать?

- Откуда знаешь, что имя наследника не означено? - нахмурил брови Глебовский.

- Молва о сем указе давно ходит. Из пустыни отца Сергия люди были, сказывали...

- Как старец, жив-здоров ли? - осторожно спросил Глебовский.

С год назад, весной прошлого 1721 года, полковник Андрей Парфеньев с отрядом шел по скитам, дабы переписать всех раскольников в двойной подушный оклад согласно государеву указу. Пришел он и в пустынь Сергия. Но пустынники не дали себя переписать и грозили сжечься. Полковник Парфеньев отступил, пришел в Тару и, постояв малое время, ушел в Барабу. Комендант же Глебовский, опасаясь смуты в уезде и городе, ибо знал, что многие у старца Сергия тайно исповедуются, для успокоения пустынников самолично послал Сергию десять пудов соли и два постова камки, а в письме просил встречи для важного разговора. Но старец поостерегся, хоть и бывал много раз в Таре, с комендантом встречаться не захотел.

- Старец Сергей жив-здоров, сказывают... Вот что, Иван Софонович, я к те пришел: решили мы с казаками миром к присяге не идти...

- Как не идти! Сие за измену почтено будет! Мы с тобой токмо в Таре люди начальные, а для государя, как и все, подневольные.

Денщик по велению Глебовского принес медную ендову с пивом, налил в оловянные кружки.

- Так оно, Иван Софонович, но мы не просто не идем, а решили письмо государю отписать. Дай время...

К старцу Сергию послал я людей совета испросить по сему делу.

- Напрасно ты, Иван Гаврилыч, затеваешь сие дело, говорю ж тебе, мы душой лишь божьи, а телом государевы. Присягнули б, и спокойнее...

- Как же присягать, коли в книге Кирилла Иерусалимского прямо писано, что придет до безымянный антихрист и восхитит власть. А о теле нашем шибко ли государь ныне печется? Казакам, сам ведаешь, каково в нынешние времена!.. Едва удерживаю, чтобы за ружья не схватились... Тебе или мне надобно сие?

- Э-э. Иван Гаврилыч, все мне ведомо... Иной раз у самого душа надвое колется... И казаков грех обижать, и царю услужить обязан... Вертись, как хошь! Чаю, царь наш иноземцев лишку слушает, - перешел на шепот Глебовский.- Инда душа закипела: увидел я, в Тобольске будучи, как прапорщик из пленных шведов над Московского полку солдатами измывается. Все бьет через одного по усам, юшку норовит пустить... Это как? Они их воевали, в плен брали, а ныне пленный тот над ними стоит! Душа иной раз не терпит...

- Верно, верно... А от веры истинной тоже церковь православную нашу иноземец, еллин премерзкий Никон, отвернул!.. Принимал Господь двуперстие наше со времен крещения и поныне бы не отверг.

- Да-а, от розни сей много еще нашему отечеству претерпеть придется.

Глебовский помолчал, сложил руки на груди и сказал: - Тесноты я вам по присяге чинить не буду, время думать дам... Но уж если из Тобольска указ будет, не обессудь... И о разговоре сем лучше никому не знать.

- Ясное дело... Опасения не держи, ежели что, ты к нашим делам касательства не имел, в том тебе мое слово верное... Когда присягать велишь?..

- Первым велю двадцать пятого, сержант Островский торопит. К сему

времени, что порешите, дай знать, письмо, чаю, лучше послать через меня...

- К двадцать пятому должны поспеть с письмом от старца,- сказал Немчинов.

- Вот и ладно... Только на душе у меня беспокойно, Иван Гаврилыч, может, присягнете, подумай ишо, время есть...

Немчинов направился к двери, думая, успеет ли Байгачев вернуться к этому сроку. Занятый мыслями, он не заметил, как от неплотно прикрытой двери тенью отпрянул не замеченный им человек.

Глава 10

- Ну, сынки, не чаял уж живу быть! - одеваясь, говорил спасителям Байгачев.- Сам господь вас послал, видно. За какими нуждами вы тут объявились? Куда едете?

- Туда же, куда и ты, Петр Иваныч, к отцу Сергию ехали,- ответил Федька.- Вот Степку отец насильно женил, и он хочет там спрятаться. Не чаля тебя догнать!

- Женил, говоришь? Шлеп-нога может... Ну а на меня-то как наткнулись?

Ребята наперебой стали рассказывать. Бежав из дому, Степка поначалу направился, было, и промышленную избушку, но потом догадался, что отец может его там быстро найти. Вернулся к вечеру в Тару и вызвал свистом из дома Федьку. Рассказал о своих делах, прося совета, куда девагся. Федька, слышавший весь разговор у отца, решил догнать Байгачева. Вывел двух коней, взял ружье и лук, сказав калмыку Дмитрию, что едет в ночное, а утром поедет на отъезжую пашню проверить работу.

Ночь застала их за Чекрушанской слободой. И хотя они решили поначалу ехать, но пошел дождь, и волей не волей пришлось ночевать. Степка загрустил, но Федька успокоил его, сказав, что, коли не догонят они Байгачева, то он проводит его до самой пустыни, что дорогу туда он еще не забыл. главное - до Ишима добраться, а далее - по берегу до Ояшенских вершин. А там уж найти просто.

Утром они ехали не торопясь, так как уже не думали догнать Байгачева. Степка, подражая, дразнил птиц. Кричал то овсянкой, до дроздом, то кедровкой... До Ложникова оставалось версты три, как вдруг Степка насторожился, услышав слева от дороги сорочье стрекотанье.

- Федька, люди там... Сойдем-ка с дороги, как бы не разбойные!

Едва успели съехать, как услышали крики, и увидели, выглядывая из-за кустов, выбежавшего на дорогу Байгачева. Когда его догнали и поволокли в лес, они, привязав коней, пошли следом...

- Ну, робята, надо торопиться, - доставая из-за пазухи убитого лохмача письмо, сказал Байгачев, - сию бумагу в Таре ждут.

- Я, пожалуй, в таком разе домой поеду. Петр Иваныч. обратно коня приведи... - сказал Федька.

- Приведу, приведу. Ивану Гаврилычу расскажи, что со мной приключилось, скажи, скоро буду, дня через три...

Они забросали убитых ветками и разъехались: Федька в Тару, Степка с Байгачевым в пустынь к Сергию.

К полудню следующего дня, когда Степка уже изрядно подустал и едва держался в седле, вынужденный все время погонять коня, чтобы не отстать от спутника, ехавшего после Ложникова погоста то вдоль речек, то вдоль болот по приметным только его глазу тропинкам, а то и вовсе без них, Байгачев

остановил коня и сказал перекрестясь:

- Добрались, слава богу!

Степка приподнялся на стременах, но ничего, кроме проглядывающего впереди просвета меж деревьями, не разглядел. И только когда проехали немного еще, увидел яркую зелень ржи на спрятанной от чужого глаза поле-еланке. Проехав краем поля, Степка пустил коня следом за Байгачевым по уже приметной тропе, идущей под уклон. Скит появился пред ним неожиданно в виде тяжелых из колотых плах ворот в бревенчатом островерхом тыне высотой сажени в две.

Пустынник, стоявший у ворот, знал Байгачева и по первому зову впустил за ограду. Скит был невелик, но и не мал. Бревенчатый тын ограждал почти всю лощину, где в центре на взгорке стояла рубленая моленная с двухскатной крышей, крытой драньем, над которой высилась круглая глава с восьмиконечным деревянным крестом. У входа в моленную висел малый колокол. Рядом с моленной стояли келейные избы, чуть дальше - келарня рядом с общей столовой. В самой низине близ ключа виднелись конюшни и амбар.

- Где отец Сергий? - спросил Байгачев привратника.

- В моленной обедню служит,- ответил пустынник. Байгачев велел ему расседлать и напоить коней, сказав, что скоро поедет обратно.

В моленной было тесно и сумрачно. Люди столпились перед иконостасом, в центре которого виднелись закрытые створчатые двери, в подобие царских врат, на которых были написаны евангелисты. По обе стороны от врат темнели ликами и тускло поблескивали в свете свечей иконы серебряными и медными окладами. С правой стороны образ Спасителя, образ Богоявления Господня, Успения Пресвятой Богородицы, преподобных Зосима и Савватия, соловецких чудотворцев с другой стороны - образ Пресвятой Троицы с венцом, образ Святого Николы Чудотворца и далее еще разных икон с дюжину, кои разглядеть было трудно.

Увидев, что отца Сергия нет на людской половине, Байгачев велел глазеющему по сторонам Степке обождать его и прошел за царские врата. Отец Сергий заканчивал проскомидию. Облаченный в полотняную ризу, обшитую желтой крашениной, он читал над готовыми просфорами и молил господа о приятии жертвенных даров. Услышав скрип царских врат, отец Сергий в гневе вскинул, было, брови на посмевшегося нарушить таинство службы, переступить недозволенное, но при виде духовного сына и ученика гневный взгляд его сменился вопросительным. Молитву же не прервал, закончил: «...помяни, яко благой и человеколюбец, тех, кои принесли, тех, ради коих принесли, и нас самих сохрани неосужденными во священнодействии божественных тайн

своих».

Байгачев перекрестился и приник к сухой руке старца, сжимавшего деревянный благословенный крест.

- Прости, отец. Дело безотлагательное. Совет твой надобен, обратно в Тару скорее надо ехать...

- Дослужи обедню, отец Софоний,- обратился Сергей к стоявшему рядом низенькому старцу, подал благословенный крест и дониконовский, печати патриарха Иосифа, служебник, снял ризу и епитрахиль, помог отцу Софонию облачиться и раскрыл пред ним царские врата.

Скоро послышалось из-за алтаря согласное пение молящихся.- Благослови душа мя, Господа...

Отец Сергей устремил на Байгачева ясный с зеленой взгляд и велел говорить о деле. Байгачев стал торопливо рассказывать, удивляясь спокойствию старца. В свои семьдесят два года отец Сергей при почти восьмивершковом росте был прям и крепок, и если бы не пышная седая борода и не высохшая до блеска слюды кожа на руках и высоком челе, то всяк дал бы ему лет на двадцать меньше.

Выслушав Байгачева, отец Сергей повел его в свою келью через боковую дверь. В келье Байгачев бывал в первых днях апреля, когда привез старца Сергия из Тары после святой недели. Многих казаков исповедывал и причащал тогда Сергей у детей своих духовных Шевелясова и Падуши.

Келья Сергия такова же, как и у других пустынников. Лишь на полу постелена медвежья шкура, добытая и врученная после долгих увещаний пустынниками, да на полках и на столе много книг печатных и рукописных в кожаных переплетах с толстыми тисненными крышками. Здесь и Книга Правой веры печати 7156 года, и Книга Кирилла Иерусалимского печати 7156 года. книга Маргарет да Псалтири, требники, часословы, триоди цветная да постная, минеи... Тут же и толкования, самим Сергием писанные: «О седми вселенских соборах, о вере, бранобритии и Антихристе», «О Антихристе, о кресте и вере» и много других, коих Байгачев не читывал. Отец Сергей сел на застеленную заячьим одеялом постель и спросил, почему лицо у Байгачева избито. Байгачев рассказал, что с ним приключилось.

- Один-то ведь со мной приехал! Отец его насильно женил, Шлеп-нога, Аника Переплетчиков...

- Сколько лет отроку? - Чаю, лет четырнадцать...

- Отца его анафеме предаю за непотребство, - возвысил голос Сергей, но тут же успокоился и спросил:

- Где противное письмо?

Байгачев достал помятое письмо. Отец Сергей, наклонившись к окну, прочитал его и надолго задумался.

- Так что, отец, верно ли удумали? - спросил в нетерпении Байгачев.- У полковника Немчинова долго спорили. Иван Гаврилыч велел у тебя благословение испросить по сему делу. Отпорное письмо-то верно ли написали?

- Удумали верно, за безымянного идти не надлежит. Токмо надобно из

письма о жалованье и подушном окладе убрать...

- Пошто так? Сие истина есть, теснят казаков...

- О душе печься надобно, не о брюхе! - возвысил голос отец Сергей, сверкнув глазами.

- Коли царь истинный будет, то народ свой теснить не станет. Посему дописать надо в письмо, что ежели-де наследник будет царского роду и устав соблюдающий святой восточной церкви семи вселенских соборов, то за такого наследника крест целовать будете.

- Растволкуй, отец, откуль нам царского роду наследника ждать, коли царь антихрист, а царица немка?

- Верно речешь, сын мой. Токмо от противности сей может царь учинить тесноту великую. Вельми за людей страшусь, вон сколь их ко мне идет... К тому ж пришел ко мне в скит с неделю как поморский старец Александр с Выговской пустыни, чудные дела поведал. Ныне братья Алексей да Семион Денисовы за государя молить собираются, дабы лишь тесноты им от пего не было. Государыне пустынные ловят оленей...

- Воистину дела дивные! - изумился Байгачев,- Уж коли Алексей Денисов за царя молить удумал, то, чаю, нам зверя дразнить не надобно. Впишу, что ты говоришь, да обратно поеду.

- Своею рукой напишу, ты ж приведи отрока, кой ты спас.

Байгачев вышел из кельи. В моленной обедня заканчивалась. Вершилось причастие. Степку он нашел сидящим на траве у входа в моленную.

- У причастия был? - спросил его Байгачев.

- Нет...

- Ладно, после причастишься. Старец тебя к себе зовет.

Стенка, робея, вошел следом за Байгачевым в келью. Кончив писать, старец встал, подошел к Стенке и сказал:

- Поживи у меня покуда. Никого не бойся, никто здесь тебе обиды чинить не будет.

Он перекрестил лоб Степки и подал письмо Байгачеву.

- Поезжай с богом, скажи всем, что буду недели через две, к присяге пусть не идут. Кто пойдет присягать, проклянута! До исповеди и причастия не допущу!

Глава 11

Город стал похож на муравейник перед непогодой. Издали кажется, ничего не поменялось, взглядишься - увидишь, как торопятся муравьи, охваченные беспокойством. И люди тоже, казалось, так же, как обычно, просыпались, и из-под крыш подымались дымы затопленных печей, так же выводили скот, и пастухи гнали его за городские ворота на поскотину в пойме Иртыша. Казаки так же несли службу: кто на таможне, кто дозорными на стенных башнях, кто у городских ворот, а кто в приказных избах. Но все жители юрода, и посадские и служилые, будто в тревожном предчувствии тянулись друг к другу, сбивались в кружки и толковали о новом указе. По базару открыто ходили пустынные Дмитрий Вихарев, Михаило Енбаков, Иван Завьялов и громко говорили о пришествии Антихриста и скором Страшном

суде, кричали, что за безымянного наследника идти великий грех, и надобно спастись в пустынях, что-де знак был господень на другой день, как указ публиковали.

На следующий, после объявления указа день налетел внезапно на Тару с полуденной стороны такой сильный вихрь, что попадали со многих домов охлупни. А уж коли слетел охлупень с крыши, быть в том доме покойнику - примета верная.

В такое вот беспокойное время и вернулся в Тару из поездки в Омскую крепость неверстаный сын боярский Василий Кропотов. Ездил он туда с пятнадцатью казаками, отвозил амуницию и провиант, пробыл в разлуке с молодой женой Дашуткой почти три недели. А повенчаны-то они были всего как два месяца, и теперь обоим казалось, будто снова медовый месяц пришел.

Василий Кропотов, хоть и был парень видный - первый силач в городе и лицом вышел,- а сосватал дочку дворянина Бориса Чередова лишь с третьего раза, и то, когда в сватах был сам полковник Иван Гаврилович Немчинов. Старик Чередов все мялся: не шибко богат Кропотов, да и на службу не поверстан. И только, когда Немчинов обещался помочь по службе Василию определиться, да когда увидел, что дочь его младшая, самая любимая, тайком проливает слезы, наконец сдался. Свадьбу сыграли сразу после Пасхи памятную. Глядя на жениха и невесту, все видели, что пара хоть куда - друг другу под стать. А невеста особо: глянет такая - дыханье перехватит. Свадьба была со всеми обычаями русскими сыграна: и сваты, и дружки, и поезжане, и гульба всей улицей, и катанье на лошадях. Одно только чуть омрачило свадьбу и сильно невесту испугало. В самый разгар гульбы, стукнув нарочито сильно дверь, в горницу Кропотова, где шла свадьба, вошел Никита Ефтин. Был он известен всей Таре и почитаем за колдуна. Ни одна свадьба без него не проходила, иначе мог он от обиды навести порчу на молодых. Да и то было верно: от одного взгляда Никиты коровы переставали доиться, и при встрече с ним шарахались в сторону кони. Хотели и его пригласить на свадьбу, да не было Никиты дома, уезжал за дровами, а вот в день свадьбы, видно, вернулся.

Когда он вошел, Дашутка в испуге прижалась к Василию, а гости все замолчали. Никита же перекрестился двуперстно, потрянул лохматой головой и прорычал, глядя па молодых:

- Не будет у них детей до смерти самой!

И вышел вон. Дашутка в слезы, сватья кинулась за колдуном с подарками задабривать. Вернулась не скоро и сказала, что зла-де Никита больше ни на кого не держит.

Стала Дашка Чередова женой Василия Кропотова, стали ее величать Дарьей Борисовной, и только для мужа своего оставалась она по-прежнему Дашуткой.

Вечером, по приезде мужа, Дашутка, увидев его, вспыхнула вся, потянулась к нему, но и шагу ступить не успела. Сбросив на порог пропыленную епанчу, Василий подлетел к ней, обхватил лицо терпкими ладонями и впился в губы.

- Фу, борода полынью пахнет...- отстраняясь, проговорила Дашутка.

- Че, вырываешься, аль не стосковалась? - глядя в глаза ей, нахмурился Василий.

- Аль Васька Казачихин утешил?

Вместо ответа Дашутка обвила его шею руками. Приехал Василий Кропотов не пустой: угадал на ярмарку в Омской крепости, матери привез косяк камки лазоревой, отцу кинжал с чеканными ножнами, а жене бархату кусок рытого малинового на кокошник да бусы из разноцветных камней.

- У бухаретина выменял на соболя, - сказал радостно Василий, видя счастливые глаза жены, примеряющей бусы.

Утром Василий повез братьям жены. Василию да Ивану Чередовым по полупуду соли, которую привез из поездки, но дома их не застал. Жены сказали, что-де мужья, видно, опять шумят на дворе полковника Немчинова. Спросил Василий, о чем шумят, и узнал о новом указе.

Немедля направился он ко двору Немчинова и застал там братьев Чередовых. Кроме них там было еще несколько десятков разного звания людей.

- Здорово, Василей,- обрадовались братья,- с благополучным прибытием! Как съездилось? Соли привез?

- Привез, по пяти алтын за пуд... Самосадная с Ямыш-озера, чиста, как лед ясенец, хоть и ломана еще в пост Успения Богородицы. А вы че тут собрались?

- Ивана Гаврилыча ожидаем,- ответил Василий Чередов, покусывая кончик черного уса.- Пошел он к коменданту отсрочку просить от присяги. Решили мы к присяге не ходить и ждем Петра Байгачева от старца Сергия с письмом...

Василий Чередов был в Таре человек уважаемый. С полгода как вернулся из калмыцкого плена. На пять лет задержал его контайша, хоть и был он посланником губернатора Гагарина. Осерчал из-за Бухолцева похода...

- Пошто к, присяге решили не ходить? - спросил Кропотов.

- Имя наследника в указе не означено... Вон, послухай, Василий Исецкий какой раз казакам толкует Кириллову книгу...

Кропотов подошел к столпившимся вокруг Исецкого казакам.

- . . .А уж как восхитит Антихрист власть, - говорил Исецкий, уже не глядя в книгу,- так не отступит от нас, бороды обреет, сатанинской печатью клеймить будет... К присяге посему идти не надлежит...

Да, дивные дела в городе делаются, покуда он, Василий, в отлучке был. С пол часа побродил по двору и многое узнал. А еще через пол часа вернулся ожидаемый всеми Немчинов с Падушей.

- Ну как, Иван Гаврилыч, че Глебовский сказал? - обступили их люди.

- Комендант сказал, что тесноты нам чинить не будет, дал отсрочку до 27 дня,- ответил полковник Немчинов.- Привезет Байгачев письмо, отдадим оно коменданту, а ныне ступайте говорите всем, что к присяге идти не надлежит.

Вернувшийся сын Федька вчера вечером принес весть о случившемся с Байгачевым, и Иван Гаврилыч пошел к коменданту Глебовскому толковать об отсрочке. И в этот раз сговорились.

От полковника Немчинова Василий Кропотов вышел вместе с Иваном

Падушей, с которым был много лет дружен, и которого уважал за грамотность и ум.

- Иван, давно ли указ опубликован?

- Третьего дня.

- Как думаешь, Иван, ужель последнее время приходит?

- Яснее некуда - так! Во всех книгах о том писано... Вот безымянный наследник и есть Антихрист. А нам присягать ему велят... Как не последнее время!

- Как же спасаться-то? - задумчиво спросил Василий.

- Перво-наперво к присяге не идти. А уж коли теснить станут, надобно о душе думать - жечься будем! О том говорили мы с Исецким да Иваном Гаврилычем...

- Пошто жечься-то?

- Чтобы душу в огне очистить и спасти.

- Эх, только ведь жить начали, Иван, как же так! - с горечью сказал Василий, с силой сжав ножны сабли.- Ужель господь допустит, дабы на земле антихрист утвердился. За что человеку наказание такое? Да есть ли антихрист-то, кто знает, каков он? - шепотом закончил Василий и перекрестился.

- Наказание человеку за грехи его, за то, что никонианской шепотью печатать себя дозволяет... Сам я не читывал, но отец Сергей сказывал, об антихристе еще у протопопа Аввакума писано. Что придет-де антихрист и коли встанет на земле ногами, то голова его в облаках будет, поведет он очами - и востряется земля, и испепелится все, и придет конец света...

Зашли к Падуше и просидели за разговорами допоздна. Жена Ивана все время тихо сидела за занавесью и нянчила годовалого сына.

Незаметно разговор отошел от указа, вспомнили кулачный бой на масленице между низовскими с посада и казаками с нагорной части города. Низовских вел Васька Поротые Ноздри, который бил своих противников наотмашь ладонью по щекам так, что кожа лопалась. Два Василия и начали бой. Васька Поротые Ноздри маханул своей клешней, целя в щеку, но Кропотов присел, ухватил его за пояс, поднял над головой и сунул в снег вверх ногами, хотя но силам, может, и равны были. Много всего еще вспомнили. Неужели этому больше не бывать?

Домой Василий Кропотов вернулся мрачным и озабоченным. Дашутка ждала его, приготовив постель.

- Че невеселый такой? - спросила она его встревоженно.

- Да так, - насильно улыбнулся Василий. Раздевшись, лег рядом с ней в натальной сорочке.- Пошто про указ-то не сказала?

- Забыла от радости, что ты вернулся,- прижалась Дашутка к его плечу щекой. Василий с силой притянул ее к себе.

- Ой! - неожиданно вскрикнула Дашутка, схватившись за плечо.

- Ты че? - отстранился Василий.

- Крест твой в тело впился,- хохотнула она и спросила:

- Че такой большой носишь?

- Крест родовой, от деда остался,- сказал Василий, откинул

полторавершковый крест на гайтане за плечо, и прижал к груди самое родное существо, отгораживая его от чуждого мира пологом нежности.

Глава 12

Отец Сергей полулежал на узеньком топчане в своей келье, закутав ноги в теплое заячье одеяло, с книгой в руках. Но его недвижный задумчивый взгляд был устремлен поверх раскрытых страниц .Эзоповых притчей. Душевное беспокойство последних дней, незаметное стороннему взгляду, после отъезда Байгачева облеклось тяжестью во всех членах и усталостью.

За столом маленький лысый старец Софоний переписывал «Толкование об Антихристе», составленное отцом Сергием сразу после отъезда Петра Байгачева. «Ныне глад но всей земле, запустение церкви, умножение ересем и неслышание слова Божия, понеже, что святые старые книги извели, сожгли, и того ради стало запустение и мерзость. Весь народ отягощен мздами, приведен к Антихристу и перепечатан его печатью...» - выводило торопливо гусиное перо. Старец Софоний собирался уезжать к себе в Конскую пустынь, дабы приготовить чад своих духовных к новым испытаниям.

- Батюшко, отпорное письмо я тоже перепишу? - обратился к Сергию старец. Сергей, не поворачивая головы, слегка кивнул, снова погрузившись в свои думы. В земной жизни в семьдесят два года человек мало чего ждет от будущего, он живет прошлым.

В начале был звук. Звук этот был в небе. Лился веселым перезвоном колоколов, опускался по солнечным нитям на землю, расцвеченную ярко-желтой пестротой одуванчиков и мать-и-мачехи. Но не мачеха, а матушка молодая держит его на руках на берегу речки Сухоны, что-то говорит, показывая на маковки куполов и кресты церквей, которыми, казалось, только и заставлен их родной город Устюг Великий. Серебряная сережка матушки задевает его щеку, и он весело хохочет...

Потом было слово. Оно исходило от отца, грамотнейшего из стрельцов устюжанских. Старший брат Матвей, тогда Матюшка, сидит рядом с ним, шестилетком, за Часословом, тычет пальцем: «Сия буква юс малый, а сия ферт...»

Далее была жизнь. Матвей по стопам отца определился в стрельцы, а для него слово отцовское стало словом Божиим. Поначалу был дьяконом в архиерейском доме, потом стал святым отцом. Но не спокойной оказалась жизнь ни стрелецкая, ни в лоне церкви.

После собора 1667 года стали гнать за веру истинную, по измышлению Никонову правили старопечатные книги, сверяя их по неправым латинской печати книгам, антихристову печать - троеперстие ввели, службу на пяти вместо семи просвир вести стали, печатая их не осьмиконечным крестом, а латинским крыжем о четырех концах, и еще много непотребств, от коих душа Сергия была в смятении. Душа не принимала новшества. А тут еще дошли до Устюга проповеди Аввакумовы, и утвердился Сергей в вере истинной. Где тайно, где явно стал он править службы по-старому, несмотря на тесноту, порой и битье.

Тридцати лет отец Сергей ушел в монастырь и стал черным попом в Москве, где к тому времени был и его брат в стрелецком полку. Сейчас пятнадцать с лишком лет монастырских кажутся пятнадцатью минутами жизни. Он провел их в смиреннии и молениях, и трудах, в трудах и постах. Но когда пришло известие о страшной кончине брата, повешенного за бунт 1682 года с другими стрельцами у кремлевской стены, он бежал из монастыря и ушел поначалу в Керженские леса, а после сюда, за Камень, подалее от вошедшего в силу Петра и его антихристовых деяний. Живал в Верхотурье, Пелыме, Тюмени и во многих пустынях. Был схвачен митрополитом Филофеем в селе Абалацком, куда пришел помолиться чудотворной иконе. Сидел в архиерейском доме, что в кремле Тобольска, и в срубе-тюрьме, откуда бежал в 1719 году на Ишим. Долго бродил полуголодный - на одних ягодах,- пока не вышел на скит Ивана Смирнова.

Иван Смирнов был беспоповец, новокрещен. Считал: чтобы душу спасти от испоганенной Никоном церкви, надобно перекрещиваться, храмы не признавал... Поначалу жилось отцу Сергию у Смирнова неплохо, но потом задумал Иван обратить Сергия в свой толк, стал уговаривать перекрещиваться.

Вышла из-за этого меж ними великая ссора, ушел отец Сергей с несколькими пустынноиками и поставил свой скит у Ояшенских вершин на Ишиме, с моленной, как и подобает. Смирнов же грозил ему в письмах, что придет со своими людьми и самолично обмакнет его в прорубь. Оттого и озлобилась душа Сергия. И когда пришел из Тобольска полковник Андрей Парфеньев, дабы положить их в двойной подушный оклад, просил у него отец Сергей «обережи» от беспоповцев: «И отовсюду нам вельми скорби и беды нынче чинятся: от вашей милости страх, от новокрещенов беда - хотят перекрещивати, а пустопопы, простые мужи, хочет бити, а священство велют отложити, нельзя что нам не горети. Токмо от вашей милости обережи не будет, в конец нас zde воры те погубят».

От государевых деяний не скрыться стало и в сибирском урмане. Уничужение перед полковником имело умысел отвести его от своего скита, но полковник Парфеньев потребовал годовой уплаты налога по десять рублей с каждого пустынноика. Таковых денег не было в пустынной казне. Отец Сергей снова писал полковнику, просил отсрочки, но и то письмо не помогло. Тогда была встреча с Иваном Смирновым, где они составили общий ответ Парфеньеву, забыв на время споры перед общим врагом. «Того ради мы не пишемся в нынешние времена, боимся ереси: зри в книге Кирилла Иерусалимского лист 342 на обороте сверху строк: та же книга глава 3, лист 16 на обороте сверху строк; та же книга лист 333, та же книга лист 334, та же книга лист 347: книга Библия, Апокалипсис, глава 13: да дал им начертание на десней руке их. или на челах их, да никто не возможет ни купити, ни продати, токмо кто их имать начертание или имя зверя; иже имать ум, да почтет число зверино, число бо человеческо есть и число его 666. Того ради мы дани не даем в нонешние времена, что у вас годы променены. А у нас люди беснотии: старой да малой, слепой да хромой. А мы живем Бога ради; хмелю не берем и не промышляем; и мы с полу страды сидим в запоре и не смеем выехать.

Аще вы нас погоните, и мы вам живы в руки не дадимся: береста и смолье и пороху с пуд приготовано. А вы творите, что вам поведено».

Это была не угроза, они готовы были гореть. Полковник Парфеньев отступился от них...

- Отец Сергей, отец Сергей,- донесся будто издалека голос старца Софония.- К новокрещену-то завернуть ай нет?

- Зайди, батюшка, зайди. Чаю, про указ он не ведает. И письмишко тарских людей покажи. Пусть знает, что не токмо пустынники супротив антихриста стали...

Он благословил старца, и тот, перекрестившись с поклоном, вышел. Отец Сергей полежал немного, вновь стал читать Эзоповы притчи. Дойдя до притчи о волке и агнце, говорящем хищнику правду, нахмурился, отложил книгу. Хоть остер умом эллин, а все - раб, ибо не зверью надлежит правду сильным мира сего глаголить, но человеку, коли он рабом быть не хочет. Ибо рабом быть ему дано токмо у Бога.

Глава 13

Замшелый срубчик промышленной избушки, стоявший на краю небольшой еланки, был незаметен для чужого глазу. Набросанная когда-то на берестяной покров бревенчатой крыши-потолка земля буйно, по-весеннему зеленела свежей травой, над которой шуршали молоденькие кустики осинника.

Аника Переплетчиков привязал коня, взятого на время у Верещагина, перед еланкой, крадучись, направился к избушке, но увидев, что дверь приперта бревешком, перестал таиться. Отвалил бревешко, открыл дверь из тесаных плах. вошел в избушку и сразу понял, что Степки здесь не было. Для уверенности разгреб затвердевшую золу и окончательно утвердился, что с зимы в избушке никто не бывал.

Прождав три дня возвращения сына, Аника на четвертый не выдержал и, чувствуя в руках зуд, поехал его искать. уверенный, что найдет здесь.

Отдохнув немного, Аника потрусил обратно и через полдня был дома, кляня Степку за потерянный день. Варька вопросительно посмотрела на него.

- Не нашел стервеца! Подай на стол,- сказал угрюмо Аника.

Варька принесла соленых грибов, подала гречневой каши, квасу. Аника отодвинул его.

- Достань водки!

Варька принесла из голбца жбанчик. Аника налил себе и ей. Выпил, сказал сердито:

- Пей!

- Аникей Иваныч, где Степушка-то? - тихо спросила жена.

- Тебе, чаю, лучше знать! - отрезал Аника и приказал Варьке:

- Пей!

Сидевшая в нерешительности Варька выпила, морщась, закусилась грибом. Аника налил еще.

- Не стану больше, охмелею...- отказалась Варька, но Аника, тяжело и пристально глядя ей в глаза, сказал:

- Пей, хозяйка, пей, говорю! А щенка все равно найду, отведает за непочтение к родителю. А ты девка ладная, за меня держись, не пропадешь!

Варька, никогда до сего дня не пробовавшая водки, зарделась. Хмель ударил в голову, и уже кажется, что и у нее жизнь будет добрая, как у людей. И снова пила и пила на равных с Аникой.

Ночью в сенях, где спала, сквозь хмельной угар почувствовала, как кто-то лег рядом с ней на большой деревянный сундук. Хотела закричать, но услышала шепот Аники:

- Варварушка, заживем мы с тобой, заживем... Скоро она подойдет, хозяйкой будешь...

Непослушные руки не в силах были справиться с руками Аники, которых, казалось, у него втрое больше, и она погрузилась в оцепененье.

Рано утром к Переплетчикову пришел свояк Гаврила Ивкин, служивший у Глебовского денщиком, и возбужденно заговорил:

- Едва достучался... Вчера тебя искал. Полковник Немчинов опять к Ивану Софоновичу приходил и опять отсрочку просил.

- Ну? - качнул не очистившейся от хмеля головой Аника.

- Чего ну! Опять дал до воскресения... Полковник-то Байгачева ждет с каким-то письмом от старца Сергия.

- Что за письмо?

- Не ведаю.

- Ладно, Гаврила, гляди, что у коменданта далее будет, да мне давай знать. У нас с Ларивоном Степанычем в накладе не будешь. Чаю, измена готовится нешуточная, так что гляди в оба!

Ивкин ушел. Аника напился квасу, зачерпнул ковш и вошел в сени. Косой столб света падал на сундук, где сидела, прикрывая грудь, Варька с опущенной головой.

- Выпей,- подал он ей ковш.

Когда сноха напилась, он потянул ее к себе, тычась подбородком под ухо. Варька вдруг чиркнула пальцем по его шее и коротко хохотнула.

- Ты че? - насторожился Аника.

- Клоп думала, а у ты тут родинка...

Глава 14

Воскресным днем 27 мая 1722 года площадь перед Успенской соборной церковью была запружена народом. Над городом весело метался перезвон колоколов, возвещавший о важном для жителей событии. На паперти церкви все было готово к торжественному началу приведения к присяге. На столе, покрытом желтым бархатом, лежали распечатанные присяжные книги, на аналое Святое Евангелие в кожаном переплете; с золоченым благословенным крестом в праздничном облачении протопоп Алексей. Тут же, у стола, придерживая эфес палата, стоит сержант Островский, то и дело утирает потеющий под треуголкой лоб. рядом с озабоченным видом крутил рыжий ус комендант Глебовский и переминался грузно и тяжело с ноги на ногу.

исподлобья глядя на толпу, земский судья Ларион Верещагин: думая о том, как бы скорей кончить дело, шмыгал носом напившийся лишку ледяного кваса с похмелья подьячий Григорий Андреянов.

Начавшие приходить в Тару для присяги из соседних деревень люди к 25 мая присягать не торопились, наслушавшись на базаре и в доме Немчинова речей пустынников.

Петр Байгачев прискакал па взмыленном копе вечером и сейчас стоял рядом с полковником Немчиновым, Василием Исецким, дворянами Чередовыми, сотниками и пятидесятниками впереди столпившихся у паперти людей.

У входа в церковь стояли священнослужители разных слобод и погостов да их дети, которые для примера должны были присягать первыми.

Наконец, комендант Глебовский дал знак подьячему Андреянову, тот прочитал еще раз Устав о престолонаследстве и Клятвенное к нему обещание, подошел к столу и раскрыл присяжную книгу.

Протопоп Алексей обернулся к церковникам, и к аналою, выставив медный крест па животе, подошел иеромонах церкви Успения Пресвятой Богородицы Спасова монастыря Иоасаф. Оттопырив толстые губы. поцеловал Евангелие, потом крест в руках протопопа Алексея и подошел к столу. Обмакнул в чернильницу гусиное перо и записал в присяжную книгу: «Спасова монастыря иеромонах Иоасаф уподлинно пишет, я Иоасаф Его Императорского Величества печатного Уставу читал и у присяги был и подписался своею рукою». После Иоасафа торжественно присягнул иеромонах Чернолуцкой слободы Феофан, за ним потянулись к столу, поочередно целуя Евангелие и крест, попы тарских церквей, Бергамацкой и Такмыцкой слобод, Знаменского, Логинова и Ложникова погостов. За попами пошли «всех церквей причетники» да поповские дети, да прибывший в гости «Тобольского архиерейского дому певчей Сава Борисов сын Удинцов»,

За церковниками расписались в присяжной книге сам комендант Глебовский, судья Верещагин, фискал Никита Серебров, таможенный надзиратель Василий Батин. Когда же расписался дергавшийся от нетерпения Аника Переплетчиков. Глебовский обратился к народу и велел без суеты подходить. Но тут на паперть поднялся Михаило Енбаков и, потрясая веригами, громко закричал:

- Люди! Антихрист грядет!.. Спасайте души свои... Нельзя присягать безымянному!..

К Енбакову подбежал сержант Островский и ухватил за цепь вериги.

- Пес смердящий, почто народ мутишь! На виску хошь!

Толпа заволновалась, колыхнулась к паперти. По деревянным ступенькам взбежал полковник Немчинов и оттолкнул сержанта Островского.

- Не тронь его, сержант... Господин комендант, Иван Софонович, народ миром решил к присяге не идти... Почему, о том мы в сем письме написали, кое хотим послать государю...

Немчинов подал Глебовскому письмо. Тот взял и, не глядя, сунул его подьячему Андреянову, велел:

- Читай вслух!

Андреянов прокашлялся и громко прочитал:

- «У присяги Клятвенное обещание определенном в наследники и о уставе означено, а от какова роду и какова чину, и кто именем и каков устав будет, и о том, имянно не означено. И мы за такова неведома наследника клятвою не клянемся, слова и креста не целуем, и рук не прикладываем. А ежели буде от царского рода наследник будет, и устав святых соборных апостольских церкви и седми вселенских соборов и помесных и евангельских проповеди и апостольским учением, и мы за такого наследника, и за устав Святых восточных соборных апостольских церкви и евангельскую проповедь и апостольское учение со всеусердием и радением с подписанием рук своих Святое Евангелие и крест целовать будем. Тарского города городовые и всех разных чинов жители с домами своими и с детьми».

Кончив читать, Андреянов вопросительно повернулся к Глебовскому. На миг на лице Глебовского промелькнула растерянность, но затем он громко обратился к Немчинову:

- От многих ли людей сие противное письмо?

- От всех,- закричал из толпы Васька Поротые Ноздри,- не желаем присягать безымянному!

- Дыхнуть не дают! Обложили податями, лошадей забирают! - крикнул ямщик Лосев.

- Так! Истинно так! - раздалось со всех сторон возгласы.

- А я к присяге иду! - взлетел на паперть пятидесятник Иван Саганов.- Не желаю, чтобы мои дети сиротами росли! Чтобы башка на колу торчала, яко тыква, не желаю!

- И я пойду! - пошел следом за ним конный казак Иван Ершов.

Глебовский приободрился.

- Кто еще будет присягать? - крикнул он, когда присягнуло еще несколько человек.

- Не желаем! Не желаем! - раздалось еще громче голоса.

- Люди! - закричал Васька Поротые Ноздри.- Сколько я железа перековал, а все без денег. Терпежу нет от поборов, а ныне еще и безымянного. Антихриста нам насадить хочет! Не бывать тому!

- Не вам государя учить! Тебе, Васька, и ноздри рвать не надобно будет - в кандалы и на галеры! - крикнул свирепо судья Верещагин. И обратился к Глебовскому:

- Переписать надо всех. кто не идет!

- Не дадим переписывать! Не дадим! - закричали в толпе.- Слова сказать не дают! Повесить их на стене вниз башкой!

Казачьи угрожающе придвинулись к паперти, и Верещагин, зло сверкнув глазами, отошел за спину Глебовского. Комендант, побагровевший, постоял, будто в задумчивости, и сказал Немчинову:

- О вашей противности отпишу в Тобольск, а теперь подите прочь!

- Не надобно о нас писать, надо наше письмо государю отправить! - сказал полковник Немчинов.

- Сие письмо за челобитную почитать невозможно,- возразил подьячий Андреянов,- от чьих рук и имен сие письмо, неведомо. Тако письмо не примут, надобно подписать.

- Верно! Надо подписать! - важно сказал Глебовский.

- Казаки! - крикнул полковник Немчинов.- Подпишемся под нашим письмом?

- Подпишемся, Иван Гаврилыч! Приложим руки!..- закричали со всех сторон в толпе.

- Коли так, подходите все ко мне во двор, там и подпишемся!

Полковник Немчинов взял у Андреянова отпорное письмо, сошел с паперти и зашагал к своему дому.

Народ двинулся за ним.

Глава 15

Второй день во дворе полковника Немчинова толпились тарские жители. Возбуждение, в котором пребывали люди после вчерашнего отказа от присяги, не ослабевало. Под отпорным письмом появлялись все новые подписи. Неграмотные просили приложить за них руки своих грамотных знакомых и родственников. Василий Исецкий и Петр Байгачев читали до хрипоты книги Кирилла Иерусалимского и Правой веры, и сомневающиеся утверждались в том, что воистину грядет последнее время, и дабы противостоять пришествию антихриста безымянного, ставили свои имена под письмом. За прошлый день подписалось более двух сотен человек.

Первыми же приложили руки дворяне Чередовы, братья Василий и Иван, и дядя их Яков. Яков Чередов, обнажив седую голову, обратился с высокого крыльца к людям и сказал, что дело затеяли нешуточное и что надобно держаться всем миром, друг за дружку стоять и за караул брать себя не давать, а коли начнут брать, то отбиваться. Вспомнил, как отказались напрочь они брить бороды в 705 году и отступился от них сибирский губернатор, что-де коли и ныне так же стоять, то будет от государя милостивый указ...

Второй день люди все подходили и подходили. Подписавшись, уходить не торопились, слушали Байгачева о том, что сказывал праведный старец Сергей. Боязливо крестились двуперстно, когда слышали, что предаст старец анафеме того, кто пойдет к присяге за безымянного.

В горнице полковника Немчинова тоже было второй день многолюдно.

- Так что, Иван Гаврилыч, когда отдадим письмо Глебовскому? - спросил Василий Чередов.

- Народ подписывается покуда, подождем.

- За две сотни перевалило,- сказал сотник казачьих детей Петрашевский - Эка силища! Разе кто посмеет тронуть...

- Иван Гаврилыч, бумаги два листа осталось, боюсь не хватит! - вбежал в горницу Иван Падуша.- Народ еще идет.

- Сбегай в канцелярию к Петру Грабинскому. Пусть даст еще. Скажи, после за все разочтемся. Да один не ходи, возьми Кропотова.

- Ладно, сбегает! С Василием, коли что, мы от десятерых отобьемся!

Едва начали подписи ставить после возвращения от церкви, оказалось, что почти нет бумаги. Немчинов послал калмыка Дмитрия в канцелярию, где писцом был взят временно Петр Грабинский, сосед Немчинова. Грабинский принес полдести листов, Немчинов попросил Петра приложить за пего руку под письмом, что Грабинский, польщенный вниманием, с охотой исполнил и за себя тоже подписался.

Но нот вышло, что и тех листов не хватило.

В Тарской канцелярии в это время было тоже многолюдно. Как всегда скрипели перьями подьячие, лишь изредка приподымая голову от бумаги, чтобы усмехнуться чьим-либо слишком смелым или дурным словам.

Сейчас же в канцелярии спорили подвыпивший Яким Шерапов и фискал Никифор Серебров. Старик Шерапов был сбит с толку вчерашним волнением и хотел добиться истины в казенном месте. Главное: идти ему к присяге или не идти.

- Ты пошто подписался, коли имя не означено? - допытывался он у Сереброва.

- То в воле государевой, о том в уставе написано,- отвечал Серебров.

- Госуда-аревой. а вот племянник мой Алешка сказывал, что-де и государь-от сам Антихрист! - таинственно произнес Яким. - Стало быть и наследника Антихриста посадить хочет...

- Кто говоришь, сказывал? - беспечным тоном спросил Серебров. - Да Алешка, племянник...

- А ему кто сказывал?..

- Почему я знаю... Да вон о том во дворе полковника Исецкий да Байгачев книги читают...

- Ты бы, Яким Дмитрич, придержал язык,- укоризненно прервал его Петр Грабинский и сказал присутствующим: - Все, казаки, время обедать, после придете, кому надобно по делам каким...

В это время в избу вошел Иван Падуша с Василием Кропотовым.

- Вы, казаки, не из двора полковника Немчинова? - спросил Яким Шерапов.

- Нет, не оттуда, Яким Дмитрич...- ответил Падуша, а Василий Кропотов едва приметно кивнул Грабинскому. вызвал на крыльцо, где сказал о бумаге.

- После обеда занесу, - сказал Грабинский. Выпроводив казаков из канцелярии, Грабинский дождался, когда уйдут подьячие Андреянов и Неворотов, сунул за пазуху несколько листов бумаги и отнес их отпорщикам.

Дома его ждал свояк Федор Зубов, служивший в канцелярии судьи Верещагина.

- Ну, Петро, едва дождался,- начал он и, понизив голос, зашептал: - У полковника, чаю, был? Письмо отпорное подписал ли?

- Подписал. Пошто спрашиваешь?

- Потому спрашиваю, что еду в Тобольск с доношением судьи Верещагина в надворный суд об отпорном письме и противности вашей. Поостерегись!

- Глебовский о том доношении знает?

- Не ведает. Судья велел тайно ехать, дабы никто не знал... Гляди, свояк, кабы худа не было, пока письмо не подали, убери свою подпись...

- Поздно теперь уж...- побледнев, прошептал Грабинский.

- Мотри, можа придумаешь че, покуда до Тобольска еду. Прощевай.

Едва только толпа двинулась за полковником Немчиновым, Ларион Верещагин, свирепо поглядывая им вслед, сказал, обращаясь к коменданту Глебовскому:

- Иван Софонович, немедля надобно отписать в Тобольск. за измену сию поплачут казачки кровавыми слезами! Главных смутьянов тайно схватить и на дыбу!

- Пусть подпишутся, тогда отпишу... Хватать пока никого не надо, дабы не озлоблять, у Немчинова людей поболее нашего...

- Судья верно говорит, комендант, в Тобольск надобно срочно писать,- поддержал Верещагина сержант Островский.

- Сказал отпишу, когда подпишутся!.. - Гляди, тебе виднее, покуда ты у нас голова! - раздраженно сказал Верещагин.

- Ведаю, давно на мое место метишь! Да не по сеньке шапка! И впредь в мои дела носа не суй! - взбешенно крикнул Глебовский.

- Как знаешь, как знаешь, - пряча прищуром ненависть, пробормотал Верещагин.

Домой от церкви судья вернулся в бешенстве. Выпил стакан водки, но и это не помогло. Подвернувшийся под руку денщик получил тяжелую оплеуху и скрылся от греха подальше. «Ну, погодите, начальные тарские люди: один бунтовщик, другой поноворщик... Будет вам...» Верещагин достал бумагу и, обмакнув гусиное перо в медную чернильницу, стал писать промеморию своему начальству: князьям Козловскому и Водбольскому в надворный суд: «Всепресветлейшего державнейшего императора и самодержца всероссийского Отца отечества государя всемилостивейшего надворного суда господам судьям князю Семену Михайловичу, князю Михаилу Ивановичу с товарищи Ларион Верещагин челом бьет. В нынешнем 722 году мая в 29 день послал я с Тары вам, господам судьям, збору за два месяца девять рублей два алтына две деньги, понеже ли дел мало было: у тарских жителей в граде и уезде дума худая: мае месяце 27 день градские и уездные люди к присяге не пошли, а из них небольшие люди к присяге пошли, а возмутил ими тарского ж города полковник Иван Гаврилов с небольшими людьми. Да к нему ж в думу и в сейму недобрую приехали с пустыни. И я тарского города полковника и градских жителей весьма уговаривал, и оно ж меня не слушали и посланному императорского величества указы сержанту отказали в том, что к присяге не идут. а слова их непотребные и писать невозможно. К милости вашей и впредь я от них добрава нечаю, а опасение о зборе казне императорского величества имею немалое, и о том надворного суда господа судьи князь Семен Михайлович, князь Михаил Иванович с товарищи что укажете...»

Не найдя денщика, сам пошел в дом писаря своего Федора Зубова.

- Федор, давно просил у меня отпуску помолиться Абалацкой

чудотворной, хочешь ли съездить?

- Как не хотеть...

- Завтра езжай! Отвезешь поначалу сию отписку в надворный суд, подашь князю Козловскому. Уезжай только тайно от казаков, поймают - не помилуют и тебя. Отписка об их измене, понял!

- Понимаем, понимаем.- поклонился Зубов.

- Ну так я тут вот о том и дописал: «А сию отписку послал тайно градских жителей сего мая в 29 день с тарским служилым человеком Федором Зубовым и велел ему явитца и отписку подать и деньги объявить надворного суда вам господам судьям князю Семену Михайловичу, князю Михаилу Ивановичу с товарищи. У подлинной отписки пишет тако Ларион Верещагин».

Глава 16

В среду 30 мая казачьего полка полковник Иван Немчинов в окружении двух десятков верных людей,- среди которых были люди как начальные видные: дворяне Чередовы, сотники Борис Седельников и Яков Петрашевский, пятидесятники Иван Жаденов, Иван Белобородов, так и рядовые казаки Федор Терехов, Иван Падуша,- подал в Тарской канцелярии коменданту Глебовскому отпорное письмо за подписью двухсот двадцати семи человек.

Комендант, мрачней, просмотрел несколько листов, передал всю бумагу подьячему Андреяпову и кратко сказал отпорщикам:

- Ступайте!

- Иван Софонович, хотим знать, что учинено будет по сему письму? - спросил полковник Немчинов.

- В Тобольск направлю, в губернскую канцелярию князю Черкасскому, а уж коли Алексей Михалыч похочет, то государю ваше письмо пошлет...

- Так же вели своим людям, чтобы подписавшихся под письмом не хватили и за караул не сажали, иначе смятение выйдет.

Глебовский сердито зыркнул на Немчинова и, тронув рыжий ус, сказал:

- До указу из Тобольска тесноты вам чинить не буду. Подите прочь! Когда отпорщики вышли, пропустив вперед полковника Немчинова, Глебовский сказал подьячему Андреянову:

- Сними с отпорного письма две копии, одну для сержанта Островского, другую для канцелярии. Имена всех подписавшихся доподлинно укажи. Противное письмо до моего указу в Тобольск не отправляй...

Комендант вышел из канцелярии. Андреянов положил письмо перед Грабинским и сказал:

- Все слышал? Давай списывай копию!

- Сделаю, сделаю,- скрывая радость, закивал головой Петр Грабинский,- что наперед переписывать: с присяжных книг список аль письмо?

- Список с присяжных книг Неворотов составит,- ответил Андреянов и сел за свои бумаги. Торопливо скрипя пером, Грабинский едва досидел до вечера в ожиданье, когда все разойдутся. Наконец, все подьячие и писцы пошли по домам, и только подьячий Иван Неворотов сидел за присяжными книгами, принесенными от соборной церкви, и списывал присягнувших за прошедшие

два дня, то и дело поглядывая на Грабинского. Кляня его, Грабинский пошел домой.

К полудню следующего дня Грабинский снял одну копию, вернувшись с обеда, принялся за другую и тут, дойдя до третьего листа, вдруг заметил шершавую полоску поперек листа там, где раньше значилась чья-то фамилия. Он заглянул в копию и увидел, что и там фамилия стерта. Кто-то в обед постарался. Вспомнил, что последним оставался Неворотов. «Так, так, - подумал Грабинский, - сей случай нам на руку». Он вызвал Неворотова на улицу.

- Кого, Иван Васильевич, в отпорном письме выскреб, а?

Неворотов смешался так, что лысина побагровела, и пробормотал:

- Че мелешь, Петро? Не клепай на старика!

- Че мне клепать, я на обед уходил, ты один оставался, кроме тебя некому. Так кого? Ай донос написать?

- Помилуй старика, Петро! Вот возьми десять алтын, возьми, возьми... Каюсь, брата своего Григория выскреб... Пришел он ко мне и слезно просил убрать его имя с-под письма, пьяным-де обычаем подписался, глядя на других... Смилуйся, Петро!

- Григория, говоришь?..- задумался Грабинский.- Ладно, Иван Васильевич, о нашем разговоре никто знать не будет. Только оставь седня после службы на столе присяжные книги незапечатанными...

- Оставлю, оставлю,- закивал головой обрадованно Неворотов.- Христа ради не сказывай никому.

- Значит, сговорились,- сказал Петр Грабинский, и они вернулись в канцелярию.

Едва дождавшись, когда вечером подьячие и писцы ушли. он раскрыл присяжную книгу, выбрал просвет между записями о приложении рук побелее других и вписал: «Неверстаный сын боярский Петр Грабинский Его Императорского величества печатного уставу читал и у присяги был и подписался своею рукою».

Затем взял листы с подписями под отпорным письмом и копии и склонился над ними с острым ножичком для заточки гусиных перьев.

Глава 17

Фискал Тарского фискального ведомства Семен Шильников вернулся из Омской крепости в последний майский день. В крепости Шильников был для определения в ней человека на должность фискала. С делом этим он справился, и теперь в Омской крепости есть недремное государево око. Но радость от возвращения домой омрачилась известием об отпоре тарских жителей. Хотя и не было его во время этой смуты, но теперь никуда не денешься, придется ввязываться в это дело, на то ты и фискал, чтоб обо всех злоумышлениях и противностях государю извещать. Опять заботы.

На другой день он пришел на службу. На съездем дворе фискального ведомства навстречу ему кинулся подчиненный фискал Никифор Серебров с угодливой улыбкой.

- С благополучным возвращением, Семен Матвеич!

- Здравствуй, Никифор, как дела?

- Заждался скорейшего возвращения вашего, Семен Матвеич, дела у нас в городе худые.

- Об отпоре ведаю... Писал ли провинциал-фискалу Замошикову в Тобольск о сем деле?

- Трофиму Григорьевичу не писал, понеже не успел... А что, Семен Матвеич, определил ли в Омску крепость фискала ай нет?

- Определил... Кто пушие заводчики в противности от присяги были?

- Заводчики больше начальные казачьи люди, полковник Немчинов, сотники, пятидесятники... Да пустынные возмущали тож...

- Комендант о сем деле писал ли в Тобольск? - О том я, Семен Матвеич, не ведаю. Третьего дня, когда отпорщики письмо ему подавали, скатывал он, что писать будет, а писал ли, не ведаю... - Ладно, сам к нему схожу.

- Семен Матвеич. прими от меня ведение на Алексея Шерапова в великом государевом слове! - протянул Серебров лист бумаги. Шильников нахмурился. Промедлений государево слово и дело не терпит, будь ты хоть сам губернатор - са промедление ответ держать будешь! В фискал-ведении Никифора Сереброва Шильников прочитал о том, что «прошедшего мая 29 дня тарский атаман Яким Шерапов говорил ему, Никифору, при многих людях в Тарской канцелярии, племянник-де ево неверстаный сын боярский Алексей Яковлев сын Шерапов говорил ему, Якиму: пошто-де ты крест целовал и называл Алексей императорское величество непрямым царем Антихристом.»

Через час Шильников был уже в канцелярии и подал ведение Никифора Сереброва коменданту Глебовскому.

Глебовский, прочитав бумагу, подумал: «Пропадет парень за долгой язык». Он знал племянника Якима Шерапова.

- Иван Софонович. Лешку Шерапова надобно немедля взять за караул и допросить.

- Возьмем,- сказал Глебовский и велел денщику Ивкину позвать поручика гарнизонного Княгинкина.

Когда поручик пришел, комендант распорядился:

- Господин поручик, немедля взять за караул неверстаного сына боярского Алексея Шерапова и заковать в железы.

- Слушаюсь, господин комендант,- вытянулся поручик и, придерживая шпагу, выбежал из канцелярии.

- Когда изменника допрашивать станем? - спросил Шильников.

Глебовский поморщился недовольно и сказал:

- Сейчас некогда, дел много в канцелярии... Завтра скажу.

Но и в следующие два дня комендант отговаривался делами и вовсе не показывался Шильникову, хотя Алексей Шерапов сидел под арестом.

Раздосадованный и обеспокоенный беспечностью коменданта Шильников пришел в фискальное ведомство, сел за стол и пробормотал:

- Ладно, господин комендант, коли одного доноса мало, будет тебе второй... Взял перо и бумагу и написал:

«Его императорского величества в Тарскую канцелярию

Доношение

722 года июня в 1 день на Таре на съезде на дворе фискального ведомства подчиненный фискал Никифор Серебров подал ведение. Прошедшего мая в 29 день тарский атаман Яким Шерапов говорил ему, Никифору, при многих людях в Тарской канцелярии, племянник-де его Алексей Яковлев сын Шерапов говорил ему, Якиму, почто-де ты крест целовал и за ково и называет Императорское Величество, что непрямой царь Антихрист. И оной Алексей Шерапов по доношению вышеупомянутого фискала держится в Тарской канцелярии под арестом, и в таком великом слове и по сей день нерасспрашиван, и в Тобольск не послан. Ну и благоволите с Тарской канцелярии оного Алексея Шерапова послать в Тобольск в губернскую канцелярию и повышеписанному писать.

Фискал Семен Шильников 1722 июня в 3 день».

Получив донос, Глебовский пометил в присутствии Шильникова на доносе: «По сему доношению допросить и писать в Тобольск».

Допрос Алексея Шерапова был назначен на вечер того же дня.

Закованного по рукам и ногам Алексея Шерапова ввели в канцелярию денщики Глебовского Гаврила Ивкин и Петр Вставской. За столом сидел комендант и приготовившийся писать расспросные речи подьячий Иван Неворотов. Сбоку на лавке сидели сержант Островский и фискал Семен Шильников.

- Какого звания и фамилии, отвечай? - начал допрос Глебовский.

- Неверстаный сын боярский Алексей Яковлев сын Шерапов...

- Ведаешь ли, по какому делу взят за караул?

- Не ведаю.

- Взят ты в великом слове на государя нашего отца отечества Петра Великого! Говорил ли дяде своему Якиму, почто-де ты крест целовал и что государь-де непрямой царь? Антихристом называл ли?

- Называл...- побледнев, после некоторого молчания выдохнул Шерапов.

- Своим ли разумением к тому пришел или с чьих слов! - спросил

Шильников.

Арестант вдруг упал на колени и взмолился: - Смилуйся. Иван Софонович, Христа ради, неразумением своим сказывал те слова, а слышал их на базаре от пешего казака Василия Исецкого при многих людях, как слушали его речи...

- Кто сии речи слушал? - спросил Глебовский.

- Не упомяну...

- Говори, пес возгрявый! - подлетел к нему сержант Островский.- Аль в пытошную избу свести?

- Ей-богу, не упомяну, кто слушал...

Сержант ударил Шерапова в лицо кулаком, из разбитого носа на усы потекла кровь.

- Не бей, господин сержант, все скажу... Те же речи слышал я от дяди своего по матери Ивана Кононова сына Завьялова, который живет сейчас в пустыне Сергиевой на Ишине. Приезжал он недели с три к отцу моему тайно и

называл при нем императорское величество Антихристом... Смилуйтесь, Христа ради...

- Слышал ли еще от кого такие речи? - спросил Глебовский.

- Такие же речи слышал от пустытника Дмитрия Золотова, когда был в доме Немчинова... А Иван Падушa говорил, что коли брать будут, друг друга не выдавать и из караула отнять, о том же Исецкий Василей говорил...

- Где ныне Завьялов да Золотев?

- Не ведаю.

- Кто во дворе Немчинова слушал те речи?

- Сотники Седельников, Петрашевский, пятидесятник Белобородов. казаки Терехов, Лоскутов, Неустроев...

Шеранов торопливо называл фамилии, держась за разбитый нос, то приостанавливаясь, припоминая, то тараторя так, что подьячий Неворотов не успевал записывать. Наконец, он замолчал.

Глебовский велел приложить руку под расспросными речами, и денщики увели арестанта.

- Иван Софонович, изменника Исецкого прикажите взять,- сказал Шильников.

Сержант Островский, потупясь, молчал: вспомнился вечер у Лоскутова, как бы не ляпнул Исецкий лишнего. Притворно зевнул, скрывая беспокойство. Но когда Глебовский спросил, что он по сему делу думает, решительно сказал:

- Брать вора!

Василия Исецкого и отца Алексея Якова Шерапова арестовали около полуночи. По указанию Глебовского, на цепь, как следовало по закону, не посадили, а заперли на гарнизонной гауптвахте и приставили караул.

Глава 18

Перед обедом следующего дня коменданту Глебовскому подали два доноса на Петра Грабинского.

Утром, придя на службу пораньше, Иван Неворотов нашел в присяжной книге запись Грабинского и спросил пришедшего подьячего Гаврилу Перминова:

- Что, Гаврила, Грабинский опосля тебя у присяги был?

- Не был он, чаю, у присяги еще вовсе...

- Как не был? Вот тут в книге присяжной руки его приложение имеется,- притворно удивился Неворотов.

- Ну-ка,- подлетел к нему Перминов,- воровство сие! Вчера не он ли из канцелярии последний выходил?

- Так, так, значит, сам и внес имя в книгу... Ладно, надо дать знать коменданту.

- Мое дело сторона.- усмехнулся Неворотов.

А Гаврила Перминов сел за стол и немедля настрочил в Тарскую канцелярию доношение: «Сего 1722 года по указу его императорского величества ведено всякого чина людей кроме крестьян и ясашных татар привести к присяге по печатному уставу, и я нижепоименованный посылан был

ис тарской канцелярии для записки у присяги всякого чина людей. И оные присяжные книги вынесены были ис церкви в канцелярию и лежали на судейском столе незапечатанными, а ныне явилось в означенных присяжных книгах неверстанного сына боярского Петра Грабинского рука, что будто он был у присяги и подписался своею рукой, а у присяги не был. Дабы оного Грабинского допросить в котором числе у присяги был и в книгах рукой подписался..О сем доносит Тарской канцелярии подьячий Гаврила Перминов.»

Второй донос был от подьячего Григория Андреянона.

Он писал, что «в том подлинном письме и прикладывании руки явилось в трех местах чищение, так же и в копиях от руки его Грабинского чищено же. И чтоб оного Петра Грабинского, для чего он того письма в прикладывании руки очищал и кого именно и но чьему научению, допросить.» Андреянов заметил «чищенье» случайно. Понес, было, отпорное письмо и копии коменданту и рассыпал листы, стал складывать и увидел. Заглянул в копии, и там то же.

Глебовский велел денщику Вставскому позвать Грабинского к себе в кабинет.

- На тебя два доношения! - сурово сказал комендант, глядя на вошедшего Грабинского.

- Кого вычистил из письма и для чего?

- Не чистил никого, Иван Софонович,- смешался Грабинский.

- Не верти хвостом! В моей власти покуда миловать тебя ай нет! - закричал комендант.

- Иван Софонович! Безо всякого умысла, страха убоясь! Перед Богом клянусь страха ради, - забормотал Грабинский.

- Пошто убоялся? Я сказал, что тесноты отпорщикам чинить не буду...

- Ты-то, может, и не будешь, да послал судья Верещагин тайно донос со свояком моим Федором Зубовым в Тобольск... Смилуйся, Иван Софонович!..

-Я те не Иван Софонович, а господин комендант! - закричал Глебовский и, отворив дверь, закричал:

-Увести изменника! На цепь! В пытошную избу! Позвать сержанта Островского и фискала Шильникова для допроса вора!..

Комендант был в ярости. Как старый служака, он понял, в какую опасность себя вверг. Ну, Верещагин!

И впрямь первым в городе метит быть... Только дело теперь, только дело! И чтоб и сержант и фискалы видели, что он государю верен и сейчас, и всегда был.

Несмотря на солнечный день, в пытошной избе было сумрачно. У единственного оконца, прорубленного в стене, сидел за столом подьячий Иван Неворотов, записывал расспросные речи.

С перекошенным от боли лицом, в поту на дыбе висел уже почти четверть часа Петр Грабинский.

- Говори, пес, кого вычистил? - допытывался у него сержант Островский.

Грабинский, свесив кудрявую голову, молчал. Казалось, он был в беспамятстве, но когда Островский потянул веревку, перекинутую через

бревно, и руки, схваченные хомутом за спиной, хрустнули в плечах, Грабинский прерывисто выдохнул:

- Скажу... все скажу... Сымите...

Опущенный на земляной пол, он, свесив голову на грудь, прошептал:

- Из письма... страху убоясь... вычистил брата Михаила... и себя, и отца своего...

- С каким умыслом учинил сие,- спросил комендант Глебовский.

- Учинил сие не по умыслу,- облизывая пересохшие губы, проговорил Грабинский,- а простотою своею и молодуюмием...

- В присяжной книге твоею рукою означено, что у присяги был, а у присяги ты, вор, не был! - продолжал допрос комендант, - Когда сие воровство учинил и занимался ли таким воровством ранее?

- Имя свое внес в присяжную книгу вечером, страха убоясь... Ране таким воровством не занимался... Смилуйтесь! - кинулся вдруг на четвереньках к коменданту, но вывернутые на виске руки подломились и он ткнулся в пыльные сапоги Глебовского.

- Пошел!..- отпихнул его брезгливо комендант ногой. - Ранее надо было думать...

- Кого внес заместо вычищенных из отпорного письма имен? - спросил фискал Шильников.

- Заместо вычищенных вписал Матвея Байгачева, Василия Евгаштина да Петра Ситникова...

- Кого четвертого выскреб? - вступил в расспрос подьячий Григорий Андреянов.- В письме четыре чищения явилось...

- Четвертого не чистил, - по-прежнему стоя на коленях, ответил Граби некий.

- Кто же? - опять повел допрос комендант. - Вот он,- кивнул Грабинский на Ивана Неворотова, при этих словах вскочившего с бледным лицом.

- Врет, вор. не чистил я никого!..- закричал он.

- Чистил...- устало проговорил Грабинский.

- Так ли было, отвечай? - обратился к Неворотову Глебовский.

- Каюсь, господин комендант, брата своего двоюродного Григория спасал, пьяным обычаем под письмом руку приложившего...

- За воровство ответишь! Покуда пиши... Смахнув со лба пот, Иван Неворотов склонился над бумагой.

Кончив допрос Грабинского, комендант велел привести Василия Исецкого.

Исецкий держался спокойно, без тени страха, только слегка покосился на сидевшего в углу на соломе Петра Грабинского. Комендант начал допрос тем же суровым голосом правого человека, каким

допрашивал Грабинского. Спросил, ходил ли он, Василий, по базару и называл ли государя при многих людях непрямым царем антихристом. Исецкий в расспросе заперся и сказал, что государя антихристом не называл.

Фискал Шильников шепнул коменданту, что надо бы устроить очную ставку Алексея Шерапова и Исецкого. Комендант согласно кивнул. По его

приказу денщики привели Алексея Шерапова.

- Подтверждаешь ли ты Алексей, что в расспросе прошлого дня сказывал? Называл ли Василий Исецкий государя Антихристом? - спросил Шильников.

- Называл! Называл! - воскликнул он. будто обрадовавшись,- Открыто кричал такие речи на базаре!..

- Так что, Исецкий, будешь и дале запираяться? Называл государя Антихристом?

- Не токмо не называл, даже умыслу такого не было,- спокойно ответил Исецкий.

- Называл! - кинул в его сторону в озлоблении Шерапов. - И отбиваться, говорил, надо, коли брать зачнут...

- Видишь, господин комендант, парень не в себе...- усмехнулся Василий Исецкий.

Комендант подошел к Исецкому и вдруг ударил его.

Потрогав разбитые губы, Исецкий также спокойно сказал:

- Зря, господин комендант, бьешь... Сегодня ты голова, а завтра, может, и тебя на виску потянут... Не говорил я против государя непотребных слов, и отбиваться чтоб, тоже не умышлял!

- Увести всех! - крикнул Глебовский.

Из пытошной избы комендант Глебовский заторопился в канцелярию и засел там за челобитную в Тобольск.

«Всепресветлейшего и державнейшего императора и самодержца Всероссийского Петра Великого отца отечества государя всемилостивейшего ближнему стольнику и губернатору Сибирскому князю Алексею Михайловичу Черкасскому с товарищи Иван Глебовский челом бьет...» - написал он, когда дверь осторожно отворилась и в кабинет заглянул подьячий Иван Неворотов.

- Иван Софонович, что по мне учинено будет?

Комендант исподлобья глянул на него и проговорил:

- Сиди, не высовывайся! Кораблик у ты был соболий добрый. Неси!

- Принесу, Иван Софонович. принесу...

- Вот и ладно... Да найди Ивана Гребенщикова, повезет завтра колодников в Тобольск для розыску.

Неворотов вышел, но не успел Глебовский написать о доносе на Алексея Шерапова, как Неворотов прибежал обратно.

- Господин комендант, полковник Немчинов с казаками сюда идут!

Глебовский взвел курок пистолета с длинным стволом и положил справа на край стола за книги и бумаги. Полковник Немчинов и с ним с десяток казаков ввалились к нему в кабинет.

- Иван Софонович, пошто людей берешь за караул? Письмо наше не отослано - пошто людей за клин садишь? Пошто Василия Исецкого на цепи держишь? Глебовский вскочил и грозно крикнул:

- Бунтовать! Пошли вон все, окромя полковника, иначе людей крикну!

Иван Падуша, бывший среди казаков, вопросительно поглядел на Немчинова. Тот кивнул, и казаки нехотя вышли.

- Всё, всё, Иван Гаврилыч! Лешку Шерапова и Исецкого по великому государеву слову взяли... Аль прикажешь мне свою голову подставлять?
- Василия отпусти! - угрюмо проговорил Немчинов.
- Всех, всех отправлю! И ты больше ко мне, Иван Гаврилыч, не ходи.-
Иначе и тебя за караул возьмут без моего ведома!..
- Кто это возьмет?
- Найдутся... Хоть Верещагин, сукин сын! В Тобольск без моего ведома доношение подал об отпорном письме... Понял теперича?..
- А Петра Грабинского пошто взял?
- Два доноса на него! Два! Себя выскреб из отпорного письма, а в присяжные книги внес... Обязан я розыск по нему учинить. Всех отправлю в Тобольск. Всех!
- Отпусти Исецкого! Пусть будто бежит...
- Не могу! Голову с меня сымут! - воскликнул Глебовский и, подумав, - понизил голос. - Пока могу только в Тобольск не посылать, может, не потребуют... Покуда же не обессудь, ступай...

Когда Немчинов вышел, Глебовский вызвал поручика Княгинкина, велел усилить караулы у арестантов.

Потом снова сел за челобитную. Дописав, что колодников Алексея Шерапова, отца его и Петра Грабинского послал в Тобольск, «а Василия Исецкого в Тобольск послать не смел, опасаясь, чтоб его, Василия, не отбили. До указу удержал, оковав, за караулом».

Глава 19

Петр Байгачев ладил в огороде летнюю печь-временку, ибо с неделю как вышел указ коменданта, чтобы печи и домах более раза в неделю не топить, опасаясь пожаров. Сбил печь эту еще вчера: на каменный под, огороженный клеткой из колотых плах, положил мешок с туго набитой соломой, и, трамбуя, наполнил клетку глиной с навозом. Глина подсохла, и Петр доставал солому из мешка, чтобы обжечь, протопить печь, как нечаянно заметил семящего от малого города по их улице пристав Калашникова и денщика земского судьи Верещагина. Сердце дрогнуло от тревожного предчувствия, и Байгачев спрятался за банькой, бывшей у них с соседом Михаилом Данилцовым на двоих, дабы не платить лишней банный налог. Жене, поливавшей капусту, велел сказать, коли пристав завернет к ним, что-де уехал на рыбный промысел с сыном. Калашников, придерживая саблю на боку, и правда остановился перед их воротами и застучал.

Маремьяна не спеша подошла и отодвинула засов.

- Где мужик? - рыская глазами по двору, спросил пристав.
- Да вечер ишо на Иртыш уехал.
- Врешь, баба! - замахнулся на нее пристав кулаком.- Тут он!
- Да нету дома, нету...

А Байгачев, увидевший, что от гостей таких доброго ждать нечего, перемахнул через прясло и выбежал на берег Аркарки, где обычно стояла его лодка. Но сейчас ее не было, сын Матвей ушел на рыбалку.

Неподалеку увидел лодку соседа Михаила Данилцова. столкнул ее в воду, запрыгнул в нее и, вставив весла в уключины, широко и торопливо стал грести по течению к Иртышу. В это время незваные гости вышли из клетки.

- Надо б баньку проверить,- сказал денщик судьи и, взглянув на Аркарку, вдруг воскликнул: - Никак вон на лодке уходит!

Теперь и пристав заметил лодку с Байгачевым. - Лошадь ищи, лошадь,- закричал пристав денщику.

Но тот только бестолково метался - никого на улице с лошадьми не было. Они бросились в погоню по берегу к устью Аркарки, где у пристани было обычно много лодок, но Байгачев заметил преследователей и приналег на весла. Когда они подбежали к устью Аркарки, то увидели, как он уже греб по Иртышу, сильно и размашисто, помогая быстрому течению.

Земский судья Ларион Верещагин был в страшной ярости. Упустить одного из главных отпорщиков, злолаятеля Байгачева. Дармоеды толстомясые! Службы не знают! Калашников с малиновым лицом только разводил руками, поддергивая на пузе сползавшую портупею с саблей, а денщик, зная, как скор хозяин на расправу, вообще спрятался с глаз долой.

Аника Переплетчиков, видя это, подумал, хорошо, что он не пошел с приставом, иначе б и ему досталось. Аника поотстал малость от дел. Три дня назад умерла у него жена, и он занимался похоронами. Перед смертью целую неделю жена ничего не ела и кричала от боли. И без того высохшая, она стала совсем - кожа да кости. Крики ее сильно досаждали по ночам, и Аника матерился и молил Бога, чтобы он скорее прибрал душу рабы своей.

Варька пыталась давать ей воду, но больная отворачивалась, не принимала. Варька вспыхивала, думая, что смертница догадывается обо всем.

Так вот и вышло. Для кого смерть жены - горе тяжкое, а для Аники так вроде и радость. Хотя радости он, конечно, не выказывал. А только сжег постель покойницы: одеяло старое, подушку да матрац, соломой набитый... Сжег и велел Варьке стелиться на место хозяйки. Варька уже пообвыкла в доме, чувствовала себя вольнее. Без больной меньше забот, хотя, конечно, и жалко ее. Но повздыхав, заняла место хозяйки. Только часто накатывал страх - вдруг Степка объявится, что тогда?..

Похоронив жену, на другой день Аника направился на службу. Проходя мимо Тарской канцелярии, увидел спешившего туда Ивана Гребенщикова, соседа по прошлогоднему покосу. Поздоровался, спросил, куда так торопится.

- Дак, куды, куды!.. В Тобольск вот арестантов повезу по указу коменданта, - ответил с досадой Гребенщиков.

- Кого повезешь? Шерапова что ль? – поинтересовался Аника.

- Обоих, отца и сына, да Петра Грабинского...

- А Василия Исецкого?

- Комендант его вроде не отправляет...

- Что так? Чаю, наиглавнейший он смутьян!

- Откуль мне знать, дело комендантово...

О встрече этой, как пришел, сразу Аника Верещагину рассказал.

- Значит, зашевелился господин комендант,- усмехнулся Верещагин,- запоздал малость. Когда собирается Гребенщиков выезжать с колодниками?

- К полудню, сказывал...

- Вот и ладно... Нам тоже спать не годится. Отправим с ним записочку, только поначалу надо одно дельце сделать, Байгачева взять...

И Верещагин рассказал, что вчера пришел в канцелярию земских дел пеший казак Софрон Бурнашов и говорил, что слышал он на базаре от Петра Байгачева, Василия Исецкого и Дмитрия Вихарева, будто тех, кто пойдет крест целовать, будут заставлять есть в посты мясо и крест отнимать будут.

Потому и разъярился Верещагин, что хотел взять одного из трех главных возмутителей, и тот ушел.

- Так говоришь, без Исецкого Гребенщиков колодников повезет? - спросил Верещагин.

- Говорил, без него... Чаю, в том умысел коменданта, не зря к нему еще до публикации указа полковник Немчинов хаживал, и он им отсрочку давал и говорил, тесноты чинить не будет...

- Откуда тебе сие известно? - Верный человек сообщил...

- Не кричи о том!.. Не время покуда... Исецкого нам надо было брать, мы же проворонили! Отнесешь Гребенщикову отписку, пусть подаст в губернскую канцелярию. Чтоб комендант только не ведал, денег пообещай...

- Сделаю. Ларивон Степаныч, сделаю...

Ларион Верещагин сел за доношение, в котором писал об устном доносе Софрона Бурнашова, и в конце доношения будто между прочим обронил: «а Василий Исецкий по неведомо какому делу держится в Тарской канцелярии».

Глава 20

День пятый июня 1722 года начался для Тобольска - столицы Сибирской губернии - как обычно. Поднялось над лесом солнце, и заблестели золотые маковки на башенках звездно-синих куполов Софийско-Успенского собора, гордо возвышающегося над белокаменным кремлем, единственным таковым на всю матушку Сибирь. Спустится человек вниз по Прямскому взвозу с нагорной части города, глянет вверх, и душа замрет в радости - так красивы стены кремля, будто корона белокаменная, по краю высокого обрыва возвышаются; отойдет чуть дальше, к базару, и покажется: плывет кремль в облаках, будто птица сказочная. Перекрестится в умилении христианская душа и помянет добрым словом мастера Семена Ульяновича Ремезова и пожертвует денежку на поддержание сего благолепия во славу имени русского.

Еще не ударил благовест пятисотпудовый колокол - опять-таки единственный на всю Сибирь,- а уж на Гостином дворе зашевелились торговые люди: купцу ли покупателей просыпать!

Как обычно начинался пятый июньский день, но уже к полудню наблюдательный взгляд заметил бы непонятное оживление среди военных. Замелькали красные мундиры вестовых Московского полка, придерживая шпаги, забежали штаб-офицеры то в губернскую канцелярию, то в надворный суд, то к Рентерее. Потянулись к пристани подводы со служилыми татарами...

В Тобольск пришла весть о Тарском бунте.

Федор Зубов к дому Тобольского надворного суда добрался до восхода солнца, когда подле канцелярии никого, кроме сторожа, не было.

Прошел без малого час, как пробили к заутрене, когда денщик, выйдя на крыльцо, крикнул:

- Кто тут из Тары по важному делу к князю?

Федор обрадованно вскочил и последовал за денщиком.

- Ну что у тебя? - брезгливым голосом спросил его князь Козловский, недовольный тем, что его вызвали на службу много раньше обыкновения.

- Отписка от земского судьи Лариона Верещагина, ваша светлость,- поклонился Зубов и подал письмо.

Когда Козловский дочитал доношение Верещагина до половины, он с удивлением воззрился на Зубова.

- Сие ведь бунт? Много ли людишек отперлось?

- Доподлинно не ведаю, ваша светлость, чаю, несколько сотен, служилые казаки и из посадских немалое число...

- Приехал один?

- Вдвоем на подводе с казачьим сыном Сушетановым.

- Так, так...- забарабанил князь по столу холеными пальцами и крикнул денщику:

- Подать лошадей!..

Через час Федор Зубов был допрашиван перед самим губернатором Сибири стольным князем Алексеем Михайловичем Черкасским. Кроме губернатора и надворного судьи князя Козловского, при этом были вице-губернатор Петрово-Соловова и полковники Московского и Санкт-Петербургского полков Сухарев и Батасов.

- Ну, так что у вас, милейший, там стряслось, бунт? - обратился к Зубову губернатор, поглаживая на животе серебряную витую пуговицу парчового камзола. От страха пред множеством вельможных особ у Федора Зубова отнялся язык.

- Сказывай, сказывай его сиятельству, как зовут, откуда, что ведаешь о бунте! - прикрикнул вице-губернатор Петрово-Соловова, уставившись на Зубова.

Окрик подействовал, и Зубов пробормотал:

- Федор Терентьев сын Зубов, грамоте не обучен... Из Тары приехал от земского судьи Лариона Верещагина с отпиской...

- Так кто же к присяге не пошел и почему? - опять спросил губернатор.

- Не пошли полковник Немчинов Иван Гаврилов сын и с ним соцкие и пятидесятники, конные казаки, и другие жители,- затараторил Зубов,- а говорят для того, что-де в той присяге, за кого целовать и кому присягать, того-де имянно не означено... А его-де императорскому величеству и сыну его, и внуку целовать и присягать готовы и для того они с Тары хотят послать челобитчика.

- Кто был в умышлении с полковником? - спросил Петрово-Соловова.

- Я ведаю токмо, что дворяне Чередовы с ним заодно были... - сказал Зубов.
- Больше никого не ведаю.

Судья велел только отписку передать... Знаю, что несколько сотен отперлось...

- Уведите его, - приказал губернатор.

Когда Зубов вышел, князь Черкасский встал из кресла и сказал: - Господа, по сему делу наисрочнейше надобно отправить команду в Тару для наведения порядка. Государь должен каждодневно зреть нашу ему преданность, дабы не постигла меня участь моего предшественника князя Гагарина. - Князь ухмыльнулся. - А посему приказываю немедля найти тарских жителей, кои ныне в Тобольске обретаются на базаре или на постое и доставить ко мне для допросу. Зубова держать за караулом до ясности сего дела. С командой в Тару пойдет... - тут князь Черкасский приостановился, посмотрел на полковника Сухарева, затем на полковника Батасова и закончил: - Пойдет полковник Батасов. Прошу полковника Батасова и вас, Александр Кузьмич, - обратился он к вице-губернатору, - через два часа доложить мне, какое число солдат возможно послать немедля в Тару и каким путем... Все, господа.

К назначенному сроку в губернскую канцелярию были доставлены четверо тарских жителей. Первым допросили неверстаного сына боярского Михаила Афанасьева сына Чередова. Он показал, что прибыл из Тары в первых числах апреля, что у присяги был в соборной церкви в Тобольске, а в Таре все ли у присяги были, он не ведает, оттуда никого не видал и за родственников своих не ответчик. Далее призвали к ответу казачьего сына Дмитрия Красноярова. Он в допросе сказал, что приехал для свидания с братом своим гобоистом Санкт-Петербургского полка Михаилом Краснояровым, у присяги был, а на базаре слышал, что не пошли к присяге полковник Немчинов и казаки.

Иван Сушетанов показал, что прибыл на одной подводе с Федором Зубовым по торговому делу, присягать готов, и больше от него ничего не добились.

Четвертым был казачий сын Алексей Маладовский. Уверенно сказал, что приехал помолиться Абалацкой чудотворной иконе в лодке, а то, что без отпуска от правителя Тары, так «для того, что был на рыбном промысле и с рыбного промыслу зговорясь с товарищи поехали. А на Таре о наследстве по присланному его императорского величества указу у присяги не был для того, что не успел», что, мол, «присягу учинить он готов, в единоумышлении ни с кем не был, а и того у присяги были или не были того де он не знает, для того, что он был на промысле рыбном». Хоть и отвечал он это с невинным видом, по то и дело отводил глаза под пристальным взглядом вице-губернатора Петрово-Соловова.

- Где ж твои промысел рыбный? - подойдя вплотную, спросил вице-губернатор.

- Дак под Тарой и десяти верстах...

- А коли был ты на рыбном промысле, откуда ведаешь об указе и

противности учиненной?

- Мужики проплывали, от них и узнал...
- Какие мужики, называй поименно!
- Не упомню, что за мужики, не знакомые мне...
- Врешь, вор! - ударил вице-губернатор Маладовского по скуле.
- Отвечай, кто учинил противность в Таре кроме полковника Немчинова?
- Не ведаю...

Вице-губернатор схватил было его за клинышек бороды, но князь Черкасский остановил:

- Александр Кузьмин, велите отвести в застенок, там и расспросим...

Когда Маладовского увели, Черкасский обратился к полковнику Батасову:

- Доложите, Иван Титович, каким числом намерены выступить?

Батасов, тронув пшеничные усы, ответил:

- Поскольку подлинное число отпорщиков нам неведомо, чаю, надобно взять всех свободных солдат Московского и Санкт-Петербургского полков, всего около четырех сотен человек, также два капральства гренадеров. Кроме того, предлагаю послать двести служилых татар под началом капитана Рублевского...

- Сие верно,- вступил вице-губернатор, - заставы лучше держать татарами.

- Да, да. и отправку произвести всех солдат надобно тайно. Какие распоряжения сделаны, господин полковник?

- Под командой капитана Нея грузятся дощаники провиантом якобы на смену в Семипалатную крепость. С ним же хочу отправить четыре пушки, к каждой по 20 ядер и бомб, да четыре мортиры малые. 10 пудов пороху пушечного, да пятьсот гранат для гренадеров... Кроме служилых татар, все пойдут сухим путем.

- Сегодня же надобно оформить подорожные, получить в Рентерее жалованье для солдат на два месяца вперед и для оплаты лошадей.

- Алексей Михайлович,- сказал вице-губернатор,- на всех лошадей верховых не достанет, чаю, послать на верхах авангард человек в сто, дабы ехать ему с великим поспешением.

- Под чьим началом, Иван Титович, намерен послать авангард?

- Капитан Ступин подойдет,- ответил полковник Батасов.

- Что ж, ладно... Идемте, господа, к нашему арестанту, - сказал князь

Черкасский,- может, он что вспомнит на виске!

И все трое направились из канцелярии в застенок.

Иван Яковлев был воистину заплочных дел мастер. Не про него сложил народ поговорку: кнут не ангел - души не вынет, а правду скажет. Яковлев с десяти ударов кнутом у самого дюжего мужика мог на виске душу вынуть. Да то ему неинтересно. Главное, правду спытать. Вот здесь-то он уж настоящий заплочных дел мастер: то в полную силу удар отпустит, а то и в четверть силы. чтоб не задубел раньше времени допрашиваемый - тогда от него никакой пользы не сыщешь... А уж перед самим губернатором Яковлев старается вовсю. Не было еще такого арестанта, который бы во всем не повинился.

Хотя нет, был года с три тому один старец, которого Яковлев едва жизни не лишил на виске, но правды спытать не успел. Запомнил он того старца, Сергием звали. Эх, попадись он ему еще раз! Одно ладно, что не перед губернатором то случилось. Призвал его владыко в архиерейскую тюрьму, где содержался тот старец. Ярый раскольщик, мучил тот старец народ в селе Абалацком да Аремзянской слободе, возводил хулы непотребные на православную церковь, и был схвачен по доносу митрополитом

Филофеем, Вздернули на дыбу раскольщика, а он висит да сквозь зубы всех поносит. Десять минут висит, полчаса висит - все хоть бы что. легкий да сухой, тертый... Тут и Яковлев за него взялся. Двадцать пять ударов вполсилы отмерил, висит старец в поту, не винится. Упрямый старик...

«Пойдешь в церковь к причастию?» - спросил его владыка. А он ему: «Ср... я на твою церковь! Собака долгоносая! Кобель сухокожий!» - «Всяк человек божий обшит кожей,- говорит ему владыка,- гляди, как бы с тебя ее не спустили!»

Стал Яковлев старца опять бить, а тот ярится, на него накинулся: дубина, грит, рябая, рожа вспахана, развяжи руки, я те ее засею... Не стерпел Яковлев насмешек, ударил в полную силу, и старец сразу лишился памяти. Пришлось снимать. Владыка же ему, Яковлеву, выговорил, что-де старец нарочно злил его, чтоб не висеть. Яковлев сказал, что в другой раз будет с ним аккуратнее, никуда, мол, он не денется, повинится. Но другого раза не было. Бежал старец в урман...

Алексей же Маладовский сознался на допросе с пристрастием быстро. Хотя десять минут виски и вытерпел, но после третьего удара кнутом взмолился, чтобы с дыбы его сняли. И рассказал, что не пошел к присяге и другим советовал и воспрещал идти полковник Немчинов, пятидесятники Иван

Жаденов и Василий Сборщик, дворяне Чередовы, посадский Василий Лозанов... И как пришли-де противники к церкви, полковник Немчинов подал коменданту Глебовскому отпорное письмо от всего народа, и тот велел прочесть вслух подъячому Андреянову. После того комендант, мол, сказал полковнику: «Поди прочь от церкви, коли противен учинился». Полковник пошел, и за ним весь народ к присяге не пошел.

Но сколько ни пытались узнать у Маладовского, почему комендант велел читать письмо вслух и что в том письме было написано, ничего добиться не могли. Свесив голову, арестант шептал: «Не ведаю, не ведаю...»

Велев посадить Маладовского на цепь, князь Черкасский с вице-губернатором и полковником Батасовым вышли из пытошной избы и вернулись в губернскую канцелярию.

- Иван Титович, коменданта Глебовского возьми под арест,- сказал князь Черкасский.- Всех начальных людей и советников, кого назвал Маладовский, и прочих брать за караул, держать порознь и глядеть, чтоб себя не умертвили. Так же всех, кто к присяге не пошел, арестовать, «допрашивать, почему не пошел, дома арестантов запечатывать. Только смотри на месте, коли отбиваться оружием не будут, сильно не пытай, дабы лишнего озлобления не вышло, и отправляй арестантов к нам за крепким караулом. Теперь же ступай

проверь, все ли готово к отправке. А ты, Александр Кузьмич,- обратился он к вице-губернатору, - составь для полковника и капитана Ступина инструкции да не забудь указать, чтоб по прибытию в Тару лошадей, взятых у ямщиков, отправили бы обратно. Да пошли в помощь полковнику подьячего, хоть того, что сегодня пытошные речи писал.

- Илья Резанов...

- Вот, вот... Дела у него будет много... .

Отряд под командой полковника Батасова из солдат Московского и Санкт-Петербургского полков Тобольского гарнизона числом более четырехсот человек выходил из Тобольска за полночь, тайно. Лил дождь, и желтый свет от двух фонарей у городских ворот растворялся в этом дожде, вяз и не достигал земли. Скоро усталая битым камнем дорога кончилась, и солдаты, шедшие пешком порядком, позавидовали тем, кто сидел в телегах и верхом на лошадях. Дождь был теплый, но грязь месить - кому охота.

- Господин сержант, куда же идем-то? - в который раз спрашивал солдат Московского полка Исак Микулин сержанта Данилу Львова.

- Наше дело малое, надо будет, объявят,- также в который раз невозмутимо отвечал сержант.

Через час после утренней тапты солдатам вдруг объявили, чтобы к вечеру были готовы выступить в боевой поход. Солдаты кинулись готовить амуницию. Драили фузеи и мушкетоны, точили штыки к ним и палаши, получали и набивали сумы патронами с фузейными пулями, латали камзолы и кафтаны... Солдат Исак Микулин долго провозился, сшивая совсем развалившееся нагалище для фузеи, и теперь, шагая под дождем, жалел, что не проверил как следует кафтан. Видно, где-то порвался обшлык, и вода протекала за ворот. Он беззвучно ругал всех, кто придумал идти в такое время, считал, что в Сибири любое дело может обождать... Где-то далеко в голове колонны промелькивали два желтых глаза - жгли факелы, чтобы не потерять дорогу,- остальные же шли вслепую. И хотя прошли всего около двух часов, казалось, что идут всю ночь. и конца этому не будет. Но Бог, видно, сжалился над служивыми: подул ветер, в тучах стали проглядывать звездные провалы, и дождь скоро перестал. А когда на первом яму получили шесть подвод, и в одну из них попал Исак Никулин, он и вовсе повеселел. Только интересно было, куда же они идут.

Наконец, когда отошли от Тобольска верст на тридцать, было удовлетворено любопытство не только Микулина, но и всех остальных. Полковник Батасов приказал построить солдат, встал перед строем и громко закричал:

- Солдаты, для соблюдения военной тайны выступили ночью. Идем на город Тару, в коей казаки и прочие жители учинили противность государю! По указу и данной мне инструкции от ближнего стольника и губернатора Сибири господина князя Черкасского нам надлежит взять начальных той противности людей, а коли отбиваться станут, усмирить их, действуя военным порядком. Посему приказываю идти спешно днем и ночью. Докажем верность присяге и

государю нашему всемилостивейшему Петру Великому!

Через полчаса полковник Батасов провожал авангард капитана Ступина.

- Все готово, Лев Петрович? - спросил он Ступина.

- Готово, господин полковник,- ответил Ступин,- сотня солдат, два сержанта, один поручик.

- Так, ладно... Провианту сколько взял?

- На семь дней... Верно, дойдем за это время.

- Как дойдешь, сразу не лезь в город, оглядись... Войди, коли удастся, внезапно и сразу возьми полковника Немчинова и коменданта Глебовского, да о ком в инструкции тебе писано... Токмо гляди, коли отбиваться начнут, на рожон не лезь. обожди меня. Схватишь кого, до меня не пытай, дабы лишнего озлобления не вышло. Арестантов держи порознь. дабы не сговорились. Солдат до меня держи в одном месте. Ну, поезжай с богом. Да гляди за поручиком Маремьяновым. молод да ретив, как бы дров не наломал...

- Будет сделано, господин полковник...

Мимо Батасова и Ступина в темноте торопливо прошагали два человека.

Один говорил другому:

- Я с полковником Парфеньевым на Ишим ходил усмирять мужиков, хуже нет на своих руку подымать.

- Бунтовщики не свои...

- Все русская кровь, господин сержант... Это были сержант Данила Львов и солдат Исак Микулин, которые в последний момент попали в авангард капитана Ступина.

Глава 21

В день, когда отряд Батасова вышел из Тобольска, земский судья Ларион Верещагин справлял свои именины. Гостей было приглашено не так чтоб и много, но и не мало. Разные были гости: тут и поручик Княгинкин. и фискал Семен Шильников, и дети боярские Василий Сумин и Иван Костылецкий, подьячий Сабуров и пономарь церкви Николая Чудотворца Иван, геодезист Чичагов и иеромонах Иоасаф. солдат Петр Попов и Аника Переплетчиков...

Медные часы в деревянном футляре показывали восьмой час вечера, и пиршество было в самом разгаре. Именинник разморенно откинулся толстым телом на резную высокую спинку кресла с бархатными подлокотниками и, подслеповато щурясь, поглаживал то вишневый камчатый камзол, туго обтянувший живот, то седые, смазанные маслом волосы. Иногда лениво брал с оловянной тарелки пестрое перепелиное яйцо, надкусывал с острого конца и, облупив скорлупу, кидал целиком в рот. Хотя в горнице было светло - свечей в шандалах на столах стояло в избытке,- одутловатое его лицо казалось выкованным из красной меди, светилось маской вседовольства. Да и может ли не быть довольным богатый хозяин, зная, что и гости уйдут он него довольными. Снеди и хмельного на столах тоже было вдоволь.

Несмотря на раскрытые окна было душно. Налетевшая мошка кружилась вокруг дрожащих язычков свечей и зажженной жестяной лампы, озарявших множество образов с окладами и на краске, стоявших в киотах за слюдой

вокруг большого образа Казанской Богородицы в серебряном окладе с финифтями и золоченым венцом.

Человек Верещагина поставил на стол енды с пивом, накачав его насосом из бочки в поварне. Иеромонах Иоасаф проглотил большой кусок пирога с нельмой, вытер жирные руки о белую свисавшую на колени скатерть и поднял стакан с водкой за здоровье именинника.

- Крепости тела и духа тебе, Ларивон Степаныч! Дому твоему прибытку и неоскудения во веки веков, - он хотел сказать «аминь», но передумал и только чмокнул толстыми и красными не по летам губами.

- Спасибо, отче! Благодарствую вас всех, гости дорогие, что пожаловали ко мне, - благодушно поблагодарил Верещагин и вдруг, резко поднявшись, воскликнул: - За меня уж довольно выпито, выпьем за здоровье всемилостивейшего государя императора, отца отечества нашего, Петра Великого, делами коего и наше благополучие обретается!

- Виват! - крикнул заметно охмелевший поручик Княгинкин. Его поддержали нестройными возгласами и выпили стоя.

- А что. Ларион Степаныч, не ведаешь, отправил ли комендант отпорное письмо противников государеву указу, - спросил Шильников.

- Не ведаю. - нахмурился Верещагин: знает ведь, небось, фискал все, а спрашивает. - Звал я на именины подьячего Андреянова, да что-то не пришел... Он, поди, знат.

- Изменник Немчипов после подачи письма к коменданту хаживал, - сказал поручик Княгинкин, - просил Исецкого отпустить...

- И что комендант? - насторожился Аника Переплетчиков, переглянувшись с Верещагиным.

- Держит Исецкого за караулом...

- Вора давно бы надо в Тобольск отправить для розыску, - пробормотал зло Аника и потянулся за пивом.

Во дворе залаяли цепные псы. Мелькнула в окне голова - кто-то подымался по лестнице на крыльцо. В горницу вошел подьячий Григорий Андреянов, поздоровался со всеми, поздравил хозяина.

- Че так припозднился, Григорий, уж восьмой час доходит? - спросил Верещагин, наполнив водкой кружку и протянув опоздавшему. - Штраф, пей до дна!

- Так мы ж люди подневольные, комендант сидел, и нам пришлось... Помилуй, Ларион Степаныч, велика посудина!..

- Пей. пей, не то я с тобой и говорить не стану!

Андреянов вздохнул, перекрестился, выпил, не отрываясь, и накинулся на еду.

- Комендант-то что стал допоздна засиживаться? - спросил Верещагин.

- Поначалу со списками сидел, которы пошли к присяге... А после полковник Немчинов пришел, уж о чем они там говорили, не ведаю! Слышно было только, кричал шибко Иван Софонович, да и полковник тоже...

- Дивны дела, господи, изменник на управителя кричал...- пробормотал, перекрестясь, иеромонах Иоасаф, - властям ноне нет почтения...

- Кабы комендант честный был, так и почтенье было б! А наш комендант самый наиглавнейший вор и изменник,- пьяно пробормотал Аника Переплетчиков.

- Окстись, Шлеп-нога, - отмахнулся от него подьячий Сабуров, - что несешь!

- Я те, блядин сын, не Шлеп-нога, но Аникей Иваныч! - дернул Сабурова Аника за бороду.

Сабуров вцепился ему в волосы, выдрал клочок на затылке. Драться им не дали - растащили.

- Аникей, так ты хозяина уважил! - укоризненно произнес Андреянов.- Да и с чего ты взял, что комендант изменник? За сии слова и к ответу призвать могут.

-А я и отвечу! - брызгая слюной, закричал Переплетчиков.- Мы слов на ветер не бросаем, ишо говорю раз, комендант изменник хуже полковника. Доподлинно мне известно!.. С пустынными снюхался, потатчик им во всем...

- Остынь, остынь, Аникей,- посмотрел на него, будто придавил, Верещагин, и Переплетчиков осекся, замолк.

- Хочу я новую запашку сделать ноне, - перевел разговор на другое Верещагин и обратился к геодезисту Чичагову:

- Нет ли у тебя, Петр, на примете еланки какой?

Геодезист Чичагов, сухой тридцатилетний малый, ходивший к Зайсан-озеру два года тому с майором Лихаревым и задержавшийся для описания пути, пьяно ответил:

- Земли-то кругом вдоволь... Есть, есть...

Поздно вечером, провожая гостей, Верещагин остановил сильно качавшегося Анику, встряхнул его так, что подбородок того ударился сильно о грудь, и прошипел:

- Ты че петухом голосишь? Я те вторую ногу обломаю... Коли ведомо что про коменданта, мне доношение подавай, понял! Собьем комендантешку с насеста, наша власть будет! Завтра же ниши донос! Угу,- мотнул головой Аника,- подам, п-подам...

Слово Аника сдержал, доношение на Глебовского принес Верещагину через день, и судья стал готовить отписку в Тобольск.

Но на этот раз он не был первым. Когда он еще готовил бумагу, в Тобольск отправился тайком человек фискала Шильникова Максим Петров с отписками провинциал-фискалу Замощикову. Одна отписка была готова у Шильникова еще до именин Верещагина. В ней на трех листах подробно он описал, как произошло смятение, писал об отпорном письме. Вторую же отписку заготовил сразу после именин:

«Провинциал-фискалу Трофиму Григорьевичу Тарский фискал Семен Шильников челом бьет. Сего 1722 году июня в шестой день был я на обеде у судьи земских дел Лариона Верещагина. И тарский житель Аника Переплетчиков говорил с яростью, с тарских жителей случилось смятение и от коменданта Глебовского. Он де Глебовский прямо изменник. И в то время

были за обедом и услышали те слова тобольский поручик Федор Княгинкин да дети боярские Василий Сумин, Иван Костылецкий, да солдат Петр Попов...»

Глава 22

За день до Петрова дня на опушке густого взрослого ельника, откуда уже виделись башни городских ворот, появились два путника: старец в монашеском одеянии с посохом в руке и подросток. Это были отец Сергей и Степка Переплетчиков.

- Сбегай, Степушка, я тут обожду... Да с оглядкой смотри, бог весть, что там делается. Спаси ты Христос! - сказал старец и снял скуфейку, обнажив седые волосы и щурясь от горячего солнца. - Я мигом, батюшка...

Все время по прибытии в скит отец Сергей держал Степку подле себя. Малый приглянулся ему своей сметливостью. За короткое время он узнал всю округу, со всеми пустынноиками перезнался и удивлял их своими способностями дразнить птах... После отъезда Байгачева на душе старца было беспокойно.

Вестей из Тары не было, и, беспокоясь, - не присягнули ли тарчане - отец Сергей не выдержал и решил сам прийти в Тару к Петрову дню. Степка запросился с ним проведать мать и братишку. Сергей поначалу не хотел брать, но потом пожалел: малому к пустынной жизни привыкать трудней.

Отец Сергей сел в тени берез и задумался. Над разнотравьем, что пестрело перед ним, слышно было гуденье лета. Он задремал, не обращая внимания на комаров, которые стали донимать в тени. Было жарко, он же не чувствовал жары - в любой зной телу его было просто тепло и благостно. Но и в полудреме приходили, хоть и отрывочные, но ясные мысли. Иногда он приоткрывал глаза, и эта полянка на краю леса казалась ему райским уголком. Он давно отвык умиляться такой красотой, но всегда радовался согласию, в коем пребывал лесной мир вокруг, и досадовал, что нет такого согласия меж людей. Волк-хищник по природе, а человек - по зависти. И полнится земля хищниками: вероотступниками, гонителями и тайнохулителями. ругателями и ненавистниками рода христианского, кои влезли татски в овчье стадо и отторгли немалую часть душ христианских. Ему иногда хотелось сделаться лесным деревом, дабы не чують душой злобы сего мира. Но это было только в минуты слабости и усталости, ибо каждый день в груди горел огонь, который жег его и подымал голос пророчества. Этот огонь толкал его к людям и повелевал открывать им истину, открывать Христом Богом изреченное слово, дабы помочь людям победить злокозненную силу и воспринять в будущем радость и бессмертие души...

А истина же человеку непросто дается, за истину и пострадать иной раз надобно. Даже среди пастырей, за истинную веру радеющих, случаются затмения и рознь на радость врагам-никонианам. Так было тут, за Камнем у него, Сергея, с Иваном Смирновым, а еще памятнее была рознь у него в бытность на Керженце, куда пришел он из монастыря. Тринадцать лет тому было то...

Великая распря шла по скитам Керженским в те годы между Ануфриевым

согласием и Софонтиевым да Дьяконовым согласиями из-за спорных писем протопопа Аввакума и такого же страдальца за веру истинную дьякона Благовещенского собора Федора. Аввакум писал о Пресвятой Троице, будто она трисушная, рассекается на три равные естества. И Отец, и Сын, и Святой Дух сидят, как три царя небесные. О Христе Спасителе писал, будто он сидит на престоле, соцарствуя Святой Троице как Бог особый, будто Бог воплотился в утробе Девы только благодатью своею, а не ипостасью...

Отец Сергей, еще в монашестве будучи, выучил наизусть те письма. «Федька, а Федька! Ох, собака, блядин сын, гордый пес, помнишь лаишь: ты, Аввакум, свинья, что знаешь. А я небесныя тайны вещаю. Мне дано. Словом говорю троицу, а умне во отце сына и духа верую...» Велик был страдалец, а тут истину не узрел. Отверг отец Сергей письма те, ибо не в согласии они с учением Апостольским.

В Керженских же лесах, куда пришел Сергей, много лет старец Ануфрий те письма за вечное евангелие почитал, сея меж скитников разлад и смуту. Не на одном соборе православные керженские старцы осуждали Ануфрия, тот давал им слово, даже раз заручное письмо написал, что отрекается от писем, но затем снова начинал мутить пустынников, сбивал в свой толк.

Не вынесли такого лукавства отцы и скитники, ожесточились на коварного старца. Собравшись по благословению отца духовного священноинока Сафония у отца Никодима, числом около семидесяти, послали они к старцу Ануфрию, чтобы он к ним пришел для духовного совета и объяснения. Но Ануфрий сказал гонцу, чтобы отец Никодим пришел с немногими отцами к нему в келью.

Отец Никодим взял с собой отца Васанофия, Феофила, Иова, Селиверста и Сергия.

Келья старца Ануфрия - большой пятистенок на подклете с окнами, затянутыми круглый год прозрачной слюдой,- стояла на самом высоком сухом месте. Не зря старец почитался самым богатым скитником на Керженце. Еще кельи за деревьями не видать, а уж тропинка выложена колотыми плахами и подводит к самому дому. Рядом с ним часовня с остроконечной под крестом башней, далее амбары, сараи...

С высокого крыльца под навесом с резными причелинами к пришедшим спустился старец Паисий и, ответив на приветствие «Спаси Христос!», сказал, что в келье старца Ануфрия нет и что он в служебне вершит молитвы, отдает поклоны и будет не скоро.

- Недосуг нам ждать, ибо по посланию собора мы тут,- сказал отец Никодим и направился к часовне.

Старец Ануфрий с лицом, будто вылепленным из воска, худой и жилистый, не обернулся, когда отцы вошли в моленную. Он лишь быстрее зашептал молитву и, перебирая затертые до лоска кожаные лепестки лестовки, еще усерднее стал бить поклоны. Постояв немного, отец Никодим решительно остановил его:

- После домолишь, отец Ануфрий, нас собор ожидает.

Ануфрий, недовольно зыркнув черными глазами, выпрямился и молча

повернулся к отцам.

- Пошто ты Аввакумовы письма за вечное еуангелие считаешь, пошто опять скитников мутишь? - в сердцах спросил отец Никодим.- Мы по заручному писанию твоему поверили. А в том письме написано, кто те письма станет чести и толковати, тех от церкви отлучать и ни в чем не общаться с таковыми!

- Мы Аввакумовы письма никогда не отложим! - мрачно сказал старец Ануфрий.

- Не «мы» глаголь, но «аз», ибо подаяниями своими миру свое согласие держишь! Тебя скитники за ересь не отлучают, убоясь скудости телесной и дабы не обнищати,- сердито сказал отец Феофил.

- Не место тут лаяться, в мою келью пойдете,- оборвал его старец Ануфрий.

По пути к дому Ануфрий приостановился, окликнул работника и что-то негромко проговорил ему.

- Так пошто ты не отложишь те Аввакумовы письма? - спросил отец Никодим, когда отцы расселись по лавкам в келье.

- Не подобает отложить те письма, ибо страдалец велик писал их, - сказал старец Ануфрий и упрямо сжал губы.

- Мы веруем божественному апостолу глаголющу или ангелу, кой благовестит,- вступил в спор отец Сергей,- хотя Аввакум и многострадальный муж был, но в писании его много хульных речей на православие и святые книги. Не по писанию в сих письмах его вера!..

- Горе нам и времени сему! - ехидно усмехнулся старец Ануфрий.- Дитя ты молодехонькое, хоть и борода с сединой, дерзаешь высоко, а нам право и слушать не хочется учительства твоего! От кого ты учительской-от сан восприял и кто тя в учителя-то поставил? Спаси, Бог, от поученья твоего, а хорошо бы, друг, меру знать! Высоко летаешь, да лишь бы не свалиться с твоей высоты!.. Ты в наших лесах давно ль?..

- Где те письма! - вскипел от обиды отец Сергей. - Покажи нам их. да покажи, где в Священном писании писано о Святой Троице, что-де три царя или три существа и естества равные особо сидят?

Покажи, где писано, что Бог везде благостию и промыслом, а не существом? Кто сказал, ежели еуангелию поклоняетесь написанному чернилами, то татарский обычай?..

Старец Ануфрий достал из-за деисуса на тязбле сверток бумаги, сунул его под мышку и, дразнясь, протянул:

- Вот они, письма! Не вашим скудным умишком их толковать! И диакон Федор, и вы все против Аввакума тля. И не тебе, Сергиюшко, с его словами спорить. А коли Святого писания не ведаешь, ступай к матери Голодухе, она тя наставит!..

Сергий задохнулся от подобной наглости. Отец Никодим, вскочив, закричал:

- Отец Сергей, хошь и недавно у нас, а зело многие книги и писание священное знает! Слушай! Покажи, где в святом писании за Аввакумово

учение писано!

- Показывай! Или отложи письма, нето отлучим! - закричали враз отцы. - Исторгни из себя ересь!

- Не правильно веруешь! О святой троице три царя небесные и сына Божия воплотившегося кроме существа!

- Мятежник ты и смутитель веры христианской!

Но упрямый старец не сдавался, спорил до хрипоты. Помогал ему в споре ученик его старец Паисий и старец Арсений.

Старец Паисий вскакивал и визгливо кричал:

- Я за три равные существа умру! Огнем из души не выжечь!

Подскочив к нему, отец Сергей яростно закричал:

- Безумный калугер! Вязовой дубинкой те бока-то обмять, так ты скажешь истинную веру, трисущную или единосущную! А то бредишь, че хошь!

- В моей келье грозиться! - брызгая слюной, бешено заорал старец Ануфрий.- Подите все вон!

Отцы, ругаясь и размахивая руками, вышли во двор. Неожиданно из-за амбара вышли человек десять, вооруженных ружьями, луками и рогатинами. Это были бортники и скитники старца Ануфрия.

- Держи их, лови! - закричал Ануфрий с крыльца.

Раздался выстрел, отцы бросились к лесу. Ануфрий, хохоча, кричал: - Стреляй, стреляй! Уйдут!

Старец Никодим упал, споткнувшись, чем вызвал приступ смеха у Ануфрия.

Только отец Сергей не бежал. Поначалу, как все, заторопился, но, видя насмешку, остановился и закричал Ануфрию:

- Еретик, арианин! Отлучим от церкви!

- Вяжите его! - крикнул старец Ануфрий бортникам.- Поглядим, крепка ли в нем вера истинная!..

Два дюжих бортника ловко заломили отцу Сергию руки за спину и подвели к старцу Ануфрию.

- Ну, как, у-чи-итель, верны ли Аввакумовы письма?

- Трисущная аввакумова троица - ариева ересь есть, - твердо ответил отец Сергей.

- Э-э-эх.- презрительно протянул старец Ануфрий,- поглядим, как ты под батогами запоешь... Вздернуть его под стреху!

Бортники связали отцу Сергию руки над головой, подвели к крыльцу, накинули петлю на кисти рук, и перекинув через конец верхнего бревна сруба, подняли на пол-аршина от земли. Подошел старец Ануфрий, ткнул в живот посохом.

- Повиси, можа, поумнеешь, а мы покуда отдохнем...

Старец Ануфрий и отец Паисий ушли в келью. Вокруг на глазах стемнело. В келье слышался смех. Кто-то выплеснул на отца Сергия лохань помоев. Одежда отяжелела, и веревка еще сильнее впилась в кисти рук.

Прояснилось, и над высокими елями зажглись звезды. Руки давно онемели. Одежда, схваченная морозцем, задубела.

Вышли из дома Ануфрий с Паисием, прикрывавшим ладонью язычок свечи. Ануфрий, подойдя, спросил:

- Поприбавилось ли ума? Верны ли письма страдальца?

- Сие ересь... В святом писании не писано о трисушной троице...

- А ты зри прилежней и углядишь! Прислонись к нашему согласию, нужды знать не будешь... Деньги у меня есть,- ласково заговорил старец Ануфрий.

- Купить меня хочешь, собака! - прохрипел отец Сергей и плюнул в его сторону.- Тебе ли, слепому, истину узреть! Хоть режь меня, падла, а быть тебе от церкви отлученным!..

Лицо Ануфрия передернуло, он зло пробормотал отцу Паисию:

- Поучи, Паисий, его батогами, яко он тебя собирался... Ануфрий вернулся в дом. Паисий ударил несильно палкой Сергия по спине, с хрустом брызнули ледяные чешуйки, одна попала в бороду Паисию. Он брезгливо вытряхнул ее, постоял в нерешительности, оглянулся на дверь дома и спросил:

- Пошто ты, отец, искушаешь о письмах Аввакумовых и страдание за них емлешь? Ужель в них такая ересь, что терпеть не можно?

- Потому искушаю, что Господь повелел: искушайте писание и апостолом изреченное, - морщась от боли, проговорил Сергей,- и Златоуст глаголет: вся искушайте и ложно, и истинно...

- Верно ли, что Аввакумовы письма против святого писания неистинны, откуль сие видно?

- Аввакум пишет, сидят три царя небесные, святой же Иоанн Дамаскин глаголет: сын едиnorodный из отца родившийся неразлучно и неразстоянно и в нем пребывал присно...

Отец Паисий, поколебавшись, опустил Сергия на землю, развязал руки и с сожалением сказал:

- Как велик страдалец не узрел сей истины... Чую, правда твоя... Есть ли еще какие хулы на церковь в тех письмах? Ануфрий честь не давал, говорил, так веровать надо...

- Там же книги святых отцов похулил... Книгу великого святителя Григория Амиритского да преподобного Иосифа Волоколамского чудотворца испоганенными называет, плевать в них велит и в огонь кидать...

- Свят, свят, свят! - перекрестился Паисий.- Прости мя, Господи, грешного! И ты, отец, прости. В ложном забвении пребывал от скудоумия своего... Отсекаюсь ныне от Ануфрия навеки, с тобой уйду к миру истинному и вере православной...

И они ушли в Ларионовский починок, где шел собор. Старец Ануфрий, убоясь отлучения, от писем отрекся и подписал мировой свиток. Но недолго царил мир и согласие в Керженских лесах. В 1718 году пришел сюда поручик Юрий Ржевский для переписи в двойной подушный оклад. Тесноты и гонения нашли на скитников, и ушел отец Сергей в Сибирь.

Из полузабытья его вывел шорох над головой: по стволу вниз мордкой сбегала белка, заметив человека, перелетела на соседнее дерево. Судя по солнцу, прошло уже часа три, и старец слегка заволновался: нора бы парню уже вернуться. Отец Сергей хотел, было, пойти в город один, но решил еще

подождать. Степка вернулся, когда солнце уже зависло над лесом, готовое закатиться. В руках он держал узел. С горестным видом сел молча рядом с отцом Сергием и потер красные зареванные глаза.

- Пошто долго? - спросил отец Сергей.

Степка не ответил, отвернулся и зарыдал.

- Ты чей-то? Стряслось чего?

- Ма... маманя померла,- всхлипывая, выдохнул Степка.

Отец Сергей положил на голову ему ладонь и, перекрестившись, сказал:

- Упокой, Господи, душу рабы твоея Матрены Семеновы дочери... Не слезись, парень, не реви, матушка твоя, чай, уж в царствии небесном, понеже душа ее безгрешной на земле пребывала... Не слезись, сказывай, что в городе... Успокоившись, Степка сказал:

- В город тебе, батюшка, опасно... Комендант Исецкого посадил на цепь, Шерапова Лешку и отца его с Петром Грабинским отправил в Тобольск для розыску в застенке. А Петр Байгачев бежал неведомо куда... Иван Гаврилыч сказал, чтоб ты, батюшка, в город сразу не ходил, а шел бы, как стемнеет, к Ивану Шевелясову, вот те и кафтан передал, дабы мене приметным быть...

- К Ивану Гаврилычу сам ходил?

- Нет, Федьку нашел... Он и рассказал, как отпорное письмо коменданту подавали. - К себе домой заходил?

- Не заходил... Токмо к мамане на могилу...- потупился Степка, и плечи его затряслись.

- Буде, парень, буде... Сходи домой, а после, к ночи, приходи к Шевелясову, дай знать, пойдешь со мной обратно аль нет.

Тихий голос старца Сергия был слышен всем собравшимся в доме Ивана Шевелясова. Потрескивала лампада перед Спасом, горел в камельке светец...

- Бог сотворил человека по образу и подобию своему и самовластно повелел ему быть. Удивления достойна такая от бога дарованная нам честь, человеку быть уподоблену ангелам! Но зрите, правоверные, как мы от завистца и губителя своего дьявола древлего, нашего супостата от оного божественного дара отрезаемы и свободной жизни лишаемы. Супостат сей антихрист есть. О пришествии его в 7230 году в книге Кирилловой писано. Прокляну всякого, кто к присяге пойдет! К причастию и исповеди не допущу! Ибо сказано в книгах правильных, что восхитит антихрист безымянный власть в мире и несть спасения душам христианским. Мы уж и ныне страдания от предтечи его приемлем, гонимы из дома в дом, из места в место, из града в град! Слова и звания нашего языка и платья переменили. Страдальцам за веру старую ведено ходить в платье со стоячим красным козырем, яко кочету безмысленному! За Камнем брады обрили всем и к нам в Сибирь добираются, обесчестит мужей лютый царь-дьявол. Везде в беды погружаемый, на правежах стонет люд христианский от великих и несносных податей! Гладом христиан бедных поморили, святые церкви опустошили. Лучше в огне горети, чем под антихристом быти!

О благочестивые и христоролюбивые избранники божий, многотрудники и

страстотерпцы, не ужасайтесь и не отчаивайтесь! Милостью божиею по воле его за умышление наших грехов и страдание отпустит создатель наш, Бог наш долг и ущедрит великими своими богатыми дарами и неизреченной милостью своей. Токмо потерпите! Всегда по печали жди радости, ибо не оставляет Христос жезла по жребию своему, где умножится грех, преизобилует благодать. И бог на грешные свои люди кающиеся хочет благодать излияти... Верьте сему и спасетесь о Христе Иисусе Господе нашем купно с отцом и Святым его Духом, слава и держава во веки веков. Аминь.

Кончив говорить, отец Сергей устало присел на лавку. Хозяин возжег тонкую восковую свечу, задернул женский угол холстиной на деревянных кольцах и, подойдя к Сергию, шепнул, что все готово. Старец, сжимая двумя руками благословенный крест, прошел за занавесь, сел на стул и приступил к исповеди.

Первым приблизился полковник Немчинов.

- Раб божий Иоанн, не чуешь ли бесовским наваждением ослабления духа?

- Не чую, святой отец.

- Готов ли страдать за веру истинную и к присяге за безымянного наследника не идти до смертного часа?

- Готов...

Отец Сергей благословил Немчинова и велел сесть напротив его на лавку.

- Не переменил ли кто намерение к присяге не идти из подписавших отпорное письмо?

- Есть такие, святой отец, убоялись коменданта Глебовского да судьи Верещагина. Комендант Василия Исецкого схватил, судья Дмитрия Вихарева заковал...

- Всем сказывать,- возвысил голос отец Сергей, - проклянута! К причастию не допущу! Сказывать, что тесноты нам комендант чинить не будет, что посылал он мне в пустынь десять пудов соли...

- Будем сказывать... А коли учнут тесноту чинить да силой гнуть, что тогда?

- Сомнение в душе держишь, а говоришь, что-де страдать до конца готов!

- Не за себя боюсь... Живые души под моим началом, могу ли велеть им страдать до смертного часа?

- Не ты! Не ты велишь - господь! Не за тебя помирать должны, за веру истинную, за спасение душ своих греховных! Посему - не давать себя слугам антихристовым. Запираться, а будут силой забирать - гореть! Ибо в огне токмо душа очистится от грехов, вознесется в обитель божью и вкусит блаженство райское. Огонь - друг наш! Защита наша! И ступай, ступай, Иван Гаврилыч, без сомнения: богоугодное дело под твоим началом - и не смущайся духом и другим не давай! Спаси Христос!

Старец перекрестил Немчинова и поцеловал в лоб. Следом за Немчиновым поочередно подходили к исповеди другие казаки. Но всем исповедаться не удалось. Часа через три по полуночи вошел взволнованный Михаило Енбаков и, приблизившись к старцу, прошептал:

- Отец, уходить надобно. . . Парень Шлеп-ноги прибежал, сказывает, что-

де слышал он, будто отец его поразнюхал о твоём приходе и к судье Верещагину за людьми побежал, чтобы взять тебя...

- Где отрок? - спросил Сергей.

- На дворе ждет. Через ворота нам, пожалуй, небезопасно... Он, грит, будто лаз знает, где нам пройти можно...

Лаз, к которому привел Степка отца Сергея и Михаила Ембакова, был под угловой башней острога. Сделал тот лаз Степка с год тому, сообразив, что необязательно обегать, делая крюк, через ворота к речке, когда можно попасть напрямую. Сначала надо было отодвинуть полусгнившее бревно у земли, подлезть под настил, где пахло пылью и мышами, потом пролезть через вырытую Степкой нору под бревнами с наружной стороны. Лаз был скрыт от людского глаза обычно буйно разросшейся крапивой и репейником.

Степка слазил туда и обратно, прочистил лаз и только после этого позвал своих спутников. Когда оказались за стеной, отец Сергей сказал:

- Ну, пошли с Богом...

- Остаюсь я, батюшка,- потупясь, сказал Степка.

- Че, не поглянулось в лесу?

- Поглянулось... Братан у меня малой ревет, просит, чтоб я не уходил, жалко его, без мамки ему вовсе ныне худо.

- А жена твоя?..

- Ну ее...

- Ладно, Спаси тя Христос!.. Коли надумаешь, дорогу знаешь... Пойдем, Михаило, потихоньку.

Глава 23

На четвертые сутки пути погода наладилась. Дорога затвердела и на открытых взгорках даже начала припыливать под копытами. А до того лежала загустевшей грязью, изрытой лошадиными ногами, похожая на мятые старые соты, и оставалась за спиной Исака Микулина, ехавшего сзади отряда, прерывистой - поблескивали лужи во впадинах - лентой. Отряд шел теперь ходкой рысью, и только, когда дорогу обступали с обеих сторон высокие ели и пихты, под копытами чавкала грязь.

Ехали днем и ночью, делая короткие остановки в попутных деревнях, где меняли по возможности лошадей. На остановках солдаты валились вповалку спать. Но капитан Ступин много спать не давал - не успеешь глаз сомкнуть, опять ехать. Потники не успевали просыхать и источали резкий запах пота и преющего войлока. Иные солдаты умудрялись подремывать даже в седлах.

Дорога то уходила в сторону, огибая многочисленные протоки, соединенные еще водой с Иртышом, то прижималась к самому Иртышу, как сейчас, и шла вдоль берега. Давно все ждали остановки, чтобы размяться и сварить наскоро кашу, хотя и знали, что до привала еще далеко.

Неожиданно отряд стал. Поручик Маремьянов подал команду спешиться. Исак Микулин привязал коня к кусту и прошел вперед, разминая ноги. Невдалеке он увидел лодку у берега, на берегу костер, возле которого сидели какие-то люди. От костра к капитану Ступину подбежал сержант Данила

Львов.

- Господин капитан, из Тары колодники под охраной...

- Из Тары? - оживился капитан и направился к костру, где сидели скованные по рукам и ногам арестанты. Рядом с ними стояли сопровождающие с ружьями и саблями.

- Кто такие? - подойдя, спросил капитан Ступин. - Тарские мы, господин офицер, - поклонился слегка Иван Гребенщиков, - по указу коменданта Глебовского везем колодников в Тобольск для розыску в великом государевом слове...

- Кто из вас начальник человек будет?

- Я и буду, - ответил Гребенщиков.

- Подойди ко мне...

- Слушаю...

- Послан я с командой в Тару для усмирения бунтовщиков, кои отпор противу государева указа учинили. Сказывай, что ныне в Таре обретается, что комендант учинил для усмирения бунтовщиков? Есть ли у оных умысел оружием отбиваться?

- В Таре три дня тому было тихо. Отпорщики, как под письмом подписались, ждут из Тобольска указа и, чаю, отбиваться не умышляют.

- Где ныне главный бунтовщик полковник Немчинов?

- Был на Таре в доме своем...

- Пошто Глебовский не возьмет его за караул?

- Доподлинно, господин офицер, о том я не ведаю... Чаю, опасается комендант, кабы озлобления не вышло середь отпорщиков.

- Не заодно ли комендант с бунтовщиками? - перешел на доверительный шепот капитан Ступин.

- Бог с тобой, господин офицер! Иван Софонович?.. Нет... Даже и в мыслях того не держите.

- Ладно! Придержи язык, холуй!

- Воля ваша, господин офицер, токмо говорю, о чем своим умишком разумею...

- Что за колодников везешь?

- Отца и сына Шераповых, да неверстаного сына боярского Петра Грабинского, взятых за караул комендантом. Иван Софонович государю верен...

- Ступай! За колодниками гляди в оба, иначе не сносить тебе головы!..- оборвал его капитан Ступин и, повернувшись к поручику Маремьянову, приказал:

- Подымай людей, господин поручик. Надобно спешить...

Как ни торопился капитан Ступин, отряд его был под Тарой только после Петрова дня поздно вечером 13 июня. Еще верст за шесть до города капитан приказал снять нагалища и зарядить фузеи. В виду города пустили коней в галоп, намереваясь войти за въездные Борисоглебские ворота с ходу. Но ворота были уже заперты. Капитан велел стучать. На площадку башни над воротами вышел дозорный с ружьем и крикнул:

- Кто такие?

- По его императорского величества государеву делу от стольника князя Черкасского капитан Ступин с командой! Открывай немедленно! - крикнул Ступин, приподнявшись на стременах.

- Бумага есть?

- Есть указ за печатью стольника! Открывай немедленно, шкуру спушу!

- Не шуми, господин офицер, ключи только понесли коменданту.

- Ступай немедленно к коменданту, ежели через полчаса не откроете, буду ломать!

Дозорный исчез. Минут через двадцать зазвенели ключи и ворота распахнулись. Ступин приказал:

-Поручик Маремьянов, поставь у ворот наших людей! Где комендант? - спросил он открывавшего ворота.

- В хоромах своих...

- Веди!

Узнав о приезде команды из Тобольска, комендант Глебовский побледнел, перекрестился и стал одеваться. Перед капитаном Ступиным он предстал в накинутом на плечи кунтыше. Дабы скрыть дрожь, руки в прорези по бокам не просунул.

- Господин комендант,- подошел к нему капитан Ступин, - по причине учинившейся смуты город до прихода полковника Батасова с главными силами будет под моим началом. Посему быть тебе неотлучно дома, полагая себя до прихода полковника под арестом. Ключи от всех градских ворот, канцелярии и тюрьмы передать поручику Маремьянову. Везде будут стоять наши люди, а сейчас вели немедленно кому-либо вести меня к дому главного вора и изменника полковника Немчинова, коего велено взять в первую голову!..

- Денщик проведет, - осевшим вдруг голосом сказал Глебовский.

Иван Гаврилыч Немчинов вышел во двор проверить, все ли готово к близкому сенокосу. Калмык Дмитрий складывал отбитые им косы и горбуши в телегу. Иван Гаврилыч пробовал жало косы, когда в ворота сильно застучали. Дмитрий открыл калитку, и во двор вбежал запыхавшийся Федор Терехов.

- Беда, Иван Гаврилыч!.. Солдаты... С Тобольску...

- Где?

- Стоят у Борисоглебских ворот...

- Много ли?

- Не ведаю... Шел я по улице, гляжу: свояк мой торопится... Куды, говорю, ай отстоял... Нет, отвечает, за ключами к коменданту, гости-де из Тобольска пожаловали... Я сразу сюда... Уходить надобно!

- Не след нам зайцами бегать, чай, у себя дома... Ступайте с Дмитрием, созывайте ко мне казаков, да узнай, сколь солдат-то...

- Ладно, Иван Гаврилыч, бегу...

Первыми прибежали Иван Падуша и Иван Казачихин. Падуша с ружьем, опоясанный саблей.

- Отбиваться будем, Иван Гаврилыч? - залихватски спросил он. - Погоди, народ обождем...

Подошли казаки Андрей и Иван Бушневы, сотники Борис Седельников и Яков Петрашевский, знаменщик Усков... Вскоре вокруг полковника Немчинова стояло уже несколько десятков человек.

- Че делать станем? - спросил сотник Седельников, обращаясь к Немчинову.- Может, уйти в леса, ай в Барабу?..

- Кто знает, сколь их там, подождем Федора Терехова... - Я покуда за ружьем сбегая да сынов приведу, - сказал Иван Казачихин и заторопился со двора. Прибежавший вскоре Терехов сообщил:

- Сотня их, Иван Гаврилыч!.. К коменданту пошли...

- Коли сотня, чаю, не посмеют теснить. Вместе держаться надобно и ждать,- сказал полковник Немчинов.

- А коли брать зачнут? - спросил Падуша.

- Запираться будем...

- А ежели штурмовать станут?.. В урман, в пустынь к отцу Сергию надобно уходить, там не достанут...

- Казаки! - воскликнул полковник Немчинов.- Я вам перед Богом не голова, такой же христианин. Коли порешите пробиваться - прольется кровь русская. Не хочу брать греха на душу! Братья мои, коли тесноту чинить будут, решил запереться и ждать государева указа по письму нашему.

Коли имя наследника будет означено, службу свою отечеству нести буду. А вы как похотите!..

- Остаемся! Остаемся! Вместе надобно держаться! - раздались возгласы.

- А коли остаетесь, то тут я вам голова! - сказал Немчинов.

- Солдаты! - вбежал во двор казак Степан Неустроев.- Улицей сюда идут...

- Закрывай ворота! - скомандовал Немчинов.- С ружьями кто, на поленницу!

Казаки вслед за Иваном Падушей взобрались на поленницу дров у заплота, положили ружья на верхнее бревно. В небе, хоть и стояла половина луны, но было светло. Солдаты, увидев ошетилившийся ружьями заплот, остановились. Капитан Ступин, выйдя вперед, закричал:

- Не стрелять! Говорит капитан Ступин! Пусть выйдет полковник Немчинов для разговору...

- Какой разговор в ночной час, он те не девка! - крикнул Иван Падуша.

- Сибирский губернатор желает с ним говорить лично!..

- О чем говорить? - крикнул Иван Падуша.

- Пошто он, полковник, учинил отпор государеву указу?

- О том в письме нашем написано!

- Письмо до губернатора не дошло, посему ведено привести полковника Немчинова в Тобольск.

- Не отдадим вам Ивана Гаврилыча! - крикнул Васька Поротые Ноздри, вскарабкавшись на поленницу.

- Не отдадим! - закричали казаки.

- Не отдадите добром, силой заберем! - расвирипел Ступин.

- Не возьмешь! Тут нас поболее вашего!

- Советую противность не чинить. Завтра будет полковник Батасов с пушками и солдатами!..

- Не отдадим полковника! - крикнул Падуш.- Вели своим солдатам ближе полсотни шагов к воротам не подходить, стрелять будем...

Ступин вспомнил наставления полковника Батасова и велел солдатам стоять и зажечь факелы. Вынырнув из темноты, от соседнего дома к капитану Ступину подбежал Исак Микулин.

- Господин капитан, господин капитан!.. Там еще бунтовщики заперлись, - доложил он, отпыхиваясь,- сержант просит еще людей...

- Где заперлись?

- Через три дома... Сюда бежали... Нас увидели и заперлись, человек с десять...

Капитан Ступин послал вестового и приказал поручику Маремьянову привести еще двадцать солдат.

Иван Казачихин. вернувшись в дом, сорвал со стены ружье и разбудил сыновей:

- Собирайтесь живо, оружие берите! Солдаты пришли... Старшие сыновья сразу стали собираться, и только Василий стоял столбом в нательной рубахе, не двигаясь.

- Че торчком встал, одевайся! - прикрикнул на него отец.

- Для чего?

- Да ты казак, аль баба! - плюнул со злостью в пол Иван Казачихин.

Понутив голову, Василий пошел одеваться. А отец и братья тем временем выскочили, цепляясь оружием за косяк двери, на улицу.

Известие, что пришли солдаты, как-то не тронуло Василия Казачихина вовсе. Пришли и пришли, и что из этого следует, ему не хотелось выводить, ибо голова была занята другим, занята мыслью, озарившей его днем, и теперь он думал, как приступить к ее воплощению.

С раннего утра он пошел на Аркарку сакать по заводям щук. Пройдя к верховью с версты две, он насакал их полтора десятка и повернул к дому. Щучья желчь шла добро на краску. Поднявшись от часовни Сергия Радонежского к городским воротам, он столкнулся почти сразу за ними у самой острожной стены с Дашуткой Кропотовой. Смутившись, поздоровался и заторопился дальше, но Дашутка остановила его, весело улыбаясь:

- С добрым уловом, Василий Иваныч! Одолжи щучку, муж наловит, отдам...

- Для тебя, Дарья Борисовна, знаешь, сердца своо не жаль, не токмо рыбины,- как можно шутливее сказал Василий, остановившись.

И, взглянув на Дашутку, остолбенел. Падавший из бойницы стены столб света восходящего солнца на кокошник Дашутки казался нимбом, тем самым беспримесным золотым светом, что дается на образах от твореного золота. Показалось даже на миг, что такой свет именно видел он во сне. Но даже не этот свет, воплотить который мечтает всякий мастер-иконник, а именно глаза

Дашутки, излучавшие любовь и радость, поразили тогда Василия. И неважно было, что не на него, а на вернувшегося мужа Василия Кропотова была направлена эта любовь. Василий вдруг ощутил острое блаженство в груди... Таким именно, таким должен быть лик Богоматери!

Одевшись, Василий направился, было, к выходу, как во дворе залаял кобель, грохнул выстрел. В избу вбежал брат Петр:

- Не успели к полковнику... Солдаты! Василий вышел на крыльцо и увидел, как несколько человек запирали ворота, подпирая бревном.

- Пособи! - крикнул ему кто-то.

Спустившись, Василий узнал казаков Георгия Каргина и Егора Гладского. Едва успели запереться, как увидели движущуюся цепочку огней факелов по улице и на огороде.

Это солдаты обложили их двор и двор полковника Немчинова. Перекрыли улицу.

Глава 24

Перед заставой, перекрывающей улицу, недалеко от дома полковника Немчинова, толпились колгоча бабы, остановленные солдатами, среди которых был Исак Микулин.

- Че фукалку-то выставил, пуцай! - напирала на него жена Терехова.

- Осади! Не ведено! Бунтовщики там...

- И-их, ежели б наши забунтовали, так ты тут не стоял бы! Кочан-то с плеч живо снесли б! - продолжали напирать на Микулина бабы.

- Прочь! Стрелять буду!

- Стреляй, стреляй, Аника-воин, те только с бабами воевать, голорожий! - крикнула жена Падуши, стоявшая чуть сзади с годовалым сыном на руках.

- Да он, чай, и не мужик вовсе, на щеках-то ни волосинки! - крикнула жена Терехова.

- А ты возьми на постой, узнаешь, мужик я ай нет! Защекочу усами! - огрызнулся Микулин.

- Больно нужен, у меня свой мужик, не чета тебе, голорожему! Борода в честь, а усы и у кошки есть!

- Седня - мужик, завтра - на колу!

Последние слова разъярили баб, и они навалились на цепочку солдат, перегородивших улицу фузеями с примкнутыми штыками.

Вдруг раздался выстрел. Из соседнего дома выбежал поручик Маремьянов с пистолетом и шпагой и скомандовал:

- Фузеи к бою! Пали!

Но выстрелов не последовало. Матерясь, поручик взмахнул шпагой:

- Первый выстрел над головой, пали!

Прогремел нестройный залп, и бабы с воем и причитаниями кинулись врассыпную.

Услышав выстрелы, Немчинов выбежал во двор, опасаясь, не начался ли штурм.

- С бабами воюют,- объяснил Иван Иадуша, оставшийся в дозоре на пленнице у заплота.- Пужанули...

Ночь для всех собравшихся во дворе выдалась бессонной, хотя Немчинов расставил охрану у ворот, на конюшне у окна, и остальные могли бы и спать. Но никто не ложился. Завалили поленьями и чурками въездные ворота. Соединенные бревенчатым высоким заплотом дом на подклети, сараи, амбары, конюшня надежно оградили укывшихся. Двор стал похож на крепостцу. Иван Гаврилыч прикинул, что провианту на всех должно хватить более, чем на месяц. Во дворе собралось, не считая его семьи, шестьдесят девять человек разного звания: здесь и дети боярские, и сотники, и рядовые, и отставные казаки, и дети казачьи... Немало людей. Можно б и пробиться, но куда идти, коли дело правое, да и ружей-то всего двадцать. Знать бы, что сейчас в городе, да не выйдешь... Думая обо всем этом, Иван Гаврилыч вспомнил, что ни в эту суматошную ночь не видел сына, ни сейчас, утром.

- Катерина, где Федька? - спросил он жену, войдя в дом.

- На сеннике, верно, с дружкой своим...

- Шлеп-ноги парнем?

- С им... Умоталась я ноне, забыла о них вовсе.

Иван Гаврилыч залез на сеновал и увидел, что Федька и Степка безмятежно спят на медвежьей полсти.

Он разбудил их.

- Че, тять? - спросил спросонок Федька.

- Идемте в избу.

Шагая через двор, друзья с удивлением таращились на стеченье народа на заваленные ворота... Дома узнали о приходе солдат.

- Уйти бы вам с матерью отсюда, Федор, Бог знает, чем все это кончится. Боюсь только, как бы вас не схватили, за конюшней два солдата всего стоят, вроде бы... Коли б точно знать, что двое, так ночью и проскользнуть бы вам можно...

- Дядя Иван, давай я выйду и все узнаю... Коли пристанут, скажу, что приходил вчера, заигрался и остался ночевать, а ночью вернусь, я ловкий, меж ног проползу, не почувешь,- гордо сказал Степка.

- Ладно, попробуй...

Расставшись с отцом Сергием, Степка вернулся домой, чем несказанно обрадовал братишку. Варька же, как и в первый раз, днем, испугалась. Был дома и отец. Отнесся он к Степке равнодушно.

- Беглый явился!..- глянул он на него, обсасывая рыбью кость.- Че, ай жрать захотел?

Степка смолчал.

- Че насупился? Где шлялся?

- В лесу,- коротко ответил Степка.

- Окажи, Варвара, честь блудному сыну и мужу, накорми да приласкай, как жене полагается!..

Варька вспыхнула, а Степка проговорил:

- Не стану с ней жить!

- И она, чай, плакать не станет! - ехидно сказал Аника. Степка удивился спокойствию отца, но через два дня, застав их с Варькой, пришел в ярость. И, испугавшись собственных мыслей, ушел утром из дому.

Весь день просидел у могилы матери, а вечером, пострекотав сорокой, вызвал Федьку Немчинова из дома и сказал, что завтра решил уйти снова к отцу Сергию. Федька накормил его, и они пошли ночевать на сенник...

Проскользнув в прорубь оконца из конюшни, Степка присел и прислушался. Было тихо. Ярко светила половинка луны. Держась в тени конюшни, он дошел до ее угла и, выглянув, увидел в конце огорода силуэты солдат с поблескивавшими штыками. До соседнего двора было шагов полсотни. Степка прополз их, прячась за грядками с луком и морковью. Нырнув в тень сарая соседнего двора, обогнул его, перевалил через заплот и оказался на другой улице.

Поздно вечером вернулся тем же путем и предстал перед ожидавшим его в нетерпении полковником Немчиновым.

- Можно ли пройти?

- Можно... Покуда только с трех сторон обложили. Был я у Шевелясова, заарестовали его... Чередовых также взяли тайно... Из города не выпускают, ворота закрыты...

- Солдаты из Тобольска еще были ли?

- Не видать покуда...

- Ты молодец, Степан. Веди Федьку с матерью, покуда можно...

- Я с тобой останусь!..- подбежал к нему Федька.

- Знаю, сынок, что ты у меня казак настоящий. Да кто о матери позаботится?.. Опасно вам здесь ныне... Пробирайтесь в пустынь к отцу Сергию, там не пропадете... Спаси вас Христос!

Немчинов перекрестил сына, обнял подошедшую жену и проводил до оконца. Сначала вылезли ребята, за ними спустилась Катерина. Небо было затянуто облаками, и им не пришлось даже ползти, стояла сплошная темь.

Федька с матерью остановились у брата Ивана Гаврилыча Максима, а Степке ничего не оставалось делать, как идти покуда домой.

Глава 25

- Ко времени, ох ко времени, господин капитан, к нам пожаловали. Не чаял уж, как с бунтовщиками совладать, а теперича они запоют у нас! - говорил оживленно земский судья Ларион Верещагин, шагая в Тарскую канцелярию рядом с капитаном Ступиным.- Людишек у меня мало верных, а комендант своими распоряжаться не давал. Вот я и взял только одного из начальных изменников - Дмитрия Вихарева. Кабы людей комендант давал, так всех бы на цепь посадил! А кого и на кол, чтоб не повадно было!.. Хорошо, что пожаловали... Коль уж по моей отписке за бунтовщиков взялись, то дозволейте мне самолично над ними розыск учинить.

- Сие полковнику Батасову решать. Он прибудет сюда скоро с главными силами. До его прихода без моего ведома никого за караул не брать, понеже

солдат у меня малое число... Посему помощь от тебя, судья, нужна... Возьми верных людей и поставь в помощь моим солдатам у ворот до прихода полковника Батасова.

- Сколь же у тебя солдат, господин капитан? - Сотня... Главное, сей день продержаться без смуты, а там и Батасов будет. А ныне большее число солдат поставлю на удержь запершихся изменников, чаю, главные смутьяны там засели...

- Главный-то изменник тут сидит,- пробормотал Аника, хромавший следом за Верещагиным. Ступин услышал и строго спросил:

- Ты про кого?

- Про коменданта, кого ж еще...- кивнул Аника на Тарскую канцелярию.

- Коменданта я заарестовал. Ныне покуда не до него, коли знаешь что, доложишь полковнику Батасову,- приказным тоном сказал капитан Ступин Анике.

- Доложим, доложим! - весело ответил Аника, взглянув на Верещагина, который при словах Ступина перекрестился едва приметно, и даже сквозь щелки прищуренных маленьких глазок его пробивалась нескрываемая радость.

В Тарской канцелярии сидели созванные капитаном Ступиным сержант Островский, фискал Семен Шильников, поручик Княгинкин, пристав Калашников.

- Господа, понеже почти все мои силы ныне вокруг дома изменника Немчинова, где заперлись бунтовщики, вам надлежит обеспечить спокойствие и порядок в городе, и охрану ворот... Поручик,- обратился он к Княгинкину,- назначаю тебя до прихода главных сил в помощь прапорщику Этекраусу отвечать за ворота. Поставишь людей, коих господин судья укажет... Тебе, сержант Островский, отвечать за охрану гарнизонной гауптвахты и тюрьмы. Судье и приставу надлежит обеспечить порядок на базаре, у церквей и на всех улицах... Дабы сговору меж отпорщиками не было, в кучи более трех собираться не позволять! Главное, не дать смуте быть день-другой, а там и полковник придет... Все, господа!

Весь день капитан Ступин пребывал в беспокойстве. Как бы не надумали изменники пробиваться из города с оружием. Но на улицах было тихо. Стояли только расставленные судьей пикеты и караулы из верных присягнувших людей. Отпорщики, отделенные от начальных людей, не выглядывали из своих домов.

А через два дня с главными силами в Тару вошел полковник Батасов.

Глава 26

К деревне Мешковой Петр Байгачев подошел далеко за полночь, продрогший и промокший до костей. Дождь застал его еще в середине дня в одной из проток Иртыша на левом его берегу, где он бросил лодку и направился на полдень, решив пробираться к учителю своему, отцу Сергию. Но без коня и еды туда дойдешь не скоро. По дороге Петр заголодал, и только подкопав саранки, заглушил сосущую тошноту и дошел к ночи до деревни из

трех дворов, в которой жил кум его Иван Кубышев, тридцатилетний хозяйственный мужик из захребетных переселенцев.

Чтобы не подымать шума, Байгачев зашел с огорода, перелез через прясло и, скользя сапогами по разбухшему от воды междугрядью, зашагал к едва приметно чернеющему дому. Проходя мимо баньки, он почуял, как на него пахнуло приятным теплом, и продрогшее тело так потянулось к желанному теплу, что Байгачев, забыв про голод, решил тут переночевать. И хозяина беспокоить среди ночи не надо. Он вошел в предбанник, распахнул двери баньки и оцепенел от увиденного. В свете горячей лучины взгляд выхватил сначала выпирающий чудовищной репой живот, затем над грудью, перехваченной из-под мышек холстиной, искаженное страданьем лицо под самым потолком. Он только успел сообразить, что перед ним нагая баба, как злой старушечий окрик вывел его из оцепенения.

- Закрывай, сатана!

Ошалело захлопнул дверь, выскочил из предбанника и едва не столкнулся с подошедшим к баньке мужиком. Шарахнувшись в сторону, спросил:

- Иван, ты?

- Он... А ты кто, чей-то не признаю? - спросил Кубышев.

- Петр я, Байгачев... Ф-фу, че это у тебя в баньке-то? Едва не помер со страху...

- Баба моя разродиться не может... Подвесить пришлось, не знаю уж, поможет ай нет, беда... С вечера мучается...

- А-а... Заглянул я, как кто-то гаркнет, вот и бежать...

- То мать ейная... Ладно, идем в избу, щас только узнаю, че там...

В баньке раздался вдруг дикий крик, и Иван, заторопившись, исчез в темноте. Тут же Байгачев услышал голос новорожденного. Через некоторое время вышел Иван, перекрестился, облегченно и радостно сказал:

- Сына господь послал... Обошлось, слава Христу... Идем в избу, теперь уж без меня мать тут управится...

- Детва-то спит? Как крестник мой?

- Спят... Крестник Ивашка-то, слава богу, растет, ноне бороновать уж помогал... Проходи, проходи, Петр Иваныч,- открыв дверь, пропустил хозяин Байгачева вперед.

- К радости большой, вишь, пожаловал... Ой, да я не спросил, че ты в таку пору и одежка не по погоде, ай стряслось че?

- После, после расскажу, а сейчас согреться бы мне да поесть, с утра ни маковой росинки. Иван сменил догоравшую в деревянном, из расщепленной палки, светце лучину и, порывшись, на печи, сказал:

- Возьми от сорочку мою, зипун накинь да садись к столу, сейчас шти подам.

Он убрал с шестка деревянную заслонку, достал из печи горшок с постными щами из капусты и ячменной крупы, налил в деревянную чашку.

- Постное все ноне, не обессудь... Шти съешь, так паренки доставай, а я узнаю, че в бане деется.

Байгачев с наслаждением съел щи и почувствовал, как сразу склонило в

сон. Наверное, так и уснул бы прямо за столом, но вернулся хозяин.

- Щас паренку подам. В прошлом году репа-то была славная и хлеб был ладный, а уж ноне. как будет, господь ведает. Вишь, на Мокия-то дожжило, так, пожалуй, все лето мокрень простоит, не дозреет хлебушко, беда... Ишь, глубник опять задул... Ешь, ешь...

Байгачев отказался от репы, выпил квасу и спросил:

- Как там пополнение-то?..

- Ниче, слава богу, скоро в избу перенесем... Ты че это, Петр Иваныч, без лошади, и одежда на тебе, гляжу, не дорожная?..

- Заарестовать меня хотели, бежать пришлось... Никого чужих нету в деревне?

- Нету.

Байгачев рассказал об указе и отпорном письме.

- А нашего брата, крестьянина, гришь, не трогают? - спросил Кубышув.

- Ты вот мне, Петр Иваныч, растолкуй насчет подушного окладу... Не то в прошлом годе налетели, переписали, а платим все со двора четыре с полтиной да запросные деньги, коих боле двух рублей набирается. Вон три года тому не хватило денег, пришлось лошадь продать за полтора рубля, и отнес комиссару... Не в тюрьму ж садиться! Спасибо тебе, выручил тогда, ежели б не ты, быть мне той весной без лошади - пропадать! Сколько ж ноне с души брать хотят, ведаешь ли?

- По рублю с пятиалтынным без копейки с каждой мужской души...

- Ишь, как... Погоди, погоди, вот он только родился, не работник ишо, и за него сполна плати? Можя, его за четверть души почесть можно будет?..

- Ива-ан, че несешь-от?

- Тьфу, унеси те леший, попутал окоянный! - перекрестился Кубышев. - Все одно, погоди... Стало быть, вот меня взять: три мужские души ноне, ведь меньше выходит, чем со двора платить... Скорей бы уж тогда по-новому что ль отдавать... Чаю, царь понимает, что коли мы будем в разоре, то и ему прибытку не будет...

- Не то говоришь, Иван, толкую ж тебе: в книге Кирилла Ерусалимского прямо писано, что воцарится в 7230 году безымянный Антихрист, и через три года станет конец свету... А переписывают всех, дабы клеймить его антихристовой печатью...

- Свят, свят, спаси Христос!..- перекрестился Кубышев.- Че ж делать-то?

- Не даваться слугам антихристовым. В пустынях спасаться, аль огнем жечься, ибо токмо в огне душа очищается...

- Сжечься-то немудрено... Скинули б вот налог, и тут жить можно. Токмо на ноги дали б стать, корни пустить... Ежели тут не получится, уйду дале на восток, вон ее там, земли, сколько!

- Куда бы мне лечь, притомился я, в сон клонит,- зевнул Байгачев, не в силах вести далее разговор с хозяином.

- Дак вот на печь к ребятишкам ложись, места хватит, прогреешься... А я пойду за своими... Байгачев влез на печь и мгновенно заснул. Проснулся он от нудного скрипа где-то возле самого уха.

- Прости, Петр Иванович, что потревожил,- сказал Кубышев, увидев, что Байгачев проснулся.- Вот так и живем: щас радость, тут же и забота. Чтой-то с кобылой неладно. Зашел утресь, вся дрожит, на месте не стоит, в руки не дается... Хочу древесный огонь добыть да обкурить. Чай, нечистая сила, ай хозяин балуется.

Было уже светло. На кровати рядом с туго спеленутым младенцем спала жена Кубышева. Сам хозяин тёр сосновой палкой о деревянный кутный брус печи, держа наготове трут.

- Коли соседушко баловать начал, дак лучше ему саломаты на ночь положить,- сказал Байгачев.- Раньше так было ль?

- С той лошадушкой, что у тебя брал, не бывало, жаль, задрал медведь... А эту в позапрошлом годе уж каку паршивеньку купил, а как на опаре выкисла, веселая сделалась да гладенькая... Каку ведь шерсть полюбит хозяин-то. Кому идет гнедая масть, кому серая... А у нас вороная, так, может, и не глянется...

- Пойдем глянем, коли ране не баловал, так, может, и не соседушко.

Когда вошли в конюшню, кобыла передернула мокрой от пота кожей. С трудом обуздав, вывели ее во двор. Обойдя вокруг лошади, Байгачев сказал:

- Вздутие в паху у нее... Кабы не язва, пасть скотина может... Сулема есть у тя? Аль у соседа Мешкова?

Сулемы у Кубышева не было, а у Мешкова, говорит, даже ежели сам подыхать будет, не выпросить. Полаялись-де они крепко: захватил Мешков лучшие еланки в округе, распахал, а слова не скажешь. К Верещагину, судье, подкатил, то соболя пошлет, то на сохатого наведет...

- Вот что, Иван,- оборвал его причитания Байгачев,- возьми у него коня, коли что, пообещай пятиалтынный да поезжай ко мне домой. Я отпишу жене Маремьяне, чтоб дала тебе сулемы, есть у меня порошком, в волновом жару выстояна на вине. Сыну Матвею передай: пусть приведет коня, привезет оружие, денег и одежду. Коли его не будет, тогда сам уж привези. Токмо тайно...

- Дак ведь по дому делов много, баба ничего не может еще...

- За домом я догляжу... Пока принеси мыла кусок да огарок. Ежели изурочепа кобыла, то я наговор знаю.

Кубышев принес обмылок и наполовину сгоревшую лучину. Петр подошел к привязанной лошади, спутал ноги. Обвел вокруг припухлости обуглившимся концом лучины, другим концом начертил на куске мыла восьмиконечный крест и, намаливая опухоль, забормотал:

- Благослови, Господи, раба божьего Петра. Встану, благословясь. пойду, перекрестясь, в чистое поле, широко раздолье, под восточну сторону. Под восточной стороной стоит белая береза, под березой белый камень, под белым камнем рай-щука; у рай-щуки жабры медны, зубы железны, глаза оловянны.

Сними, рай-щука, с кобылы раба божьего Ивана уроки и призоры, и щепоту, и ломоту, и раны, и язвы...

Кубышев уехал после полудня, а вернулся утром следующего дня.

- Матвей-от с рыбного промыслу еще не вернулся, - стал он рассказывать.-

Дак вишь, Петр Иваныч, караулят ведь тебя выблядки Верещагина... Все от меня допытывались, пошто я в твой дом приходил.

Сказал им. что долг отдал... Чаю, уходить те надо отсель, могут по моим следам прийти... Сулемы-то, однако, привез, как лошадушка-то?

- Покуда без сулемы, кажись, обойдется нашими молитвами... Приспала опухоль, может, жилу какую натрудила... Так, значит, ищут?

- Ищут, ищут... Так что из одежды только кафтанишко привез, а оружие Маремьяна дать не посмела, догадаться, грит, могут, увидавши... Нож вот только передала.

Кубышев протянул Байгачеву нож с костяной ручкой. Таких ручек много прошлой весной понаделали, когда сын его Матвей нашел торчащий из крутого подмытого вешней водой берега Иртыша огромный рог неведомого зверя. Ладные ручки выходят из рога того.

- Спасибо и за то, что принес,- сказал Байгачев хозяину, - пойду я, стало быть, далее. Неровен час, и правда, схватят тут... А коли язва появится у лошади-то, проколи шилом, вотри порошок-то и сверху сала привяжи... Но, чаю, и без этого жива будет лошадка...

- Бог тебя послал, Петр Иваныч, кабы не ты, бознать, как бы оно вышло... Помогите те Христос!.. Щас харч на дорогу соберу...

Через час Петр Байгачев с котомкой за плечами ушел от Кубышева.

Глава 27

Полковник Батасов вошел в Тару с тремястами солдатами Московского и Санкт-Петербургского полков 16 июня, и в городе сразу стало теснее. Запестрела улица возле Тарской канцелярии от красных и васильковых мундиров, изредка мелькали высокие зеленые шапки гренадеров, которых пришло с Батасовым два капральства. Солдаты, отряхнув с камзолов пыль, искали тень и садились, кто на завалинке, кто на земле, ждали, когда капралы и сержанты определяют их на постой.

А в канцелярии капитан Ступин докладывал полковнику Батасову о делах.

- Опасение, господин полковник, имел я немалое, кабы не надумали засевшие заводчики пробиваться, ведь и в городе отпорщиков более шести сотен... - Какое число бунтовщиков засело с полковником? -

Доподлинно покуда не ведаю, чаю, более полусотни, с крыши за двором его, полковника, наблюдаем...

- Проводите меня к тому дому.

Взяв с собой троих солдат, капитан Ступин повел полковника Батасова к дому Немчинова.

- Верно ли, что под письмом отпорным более двух сот тарских жителей подписалось? - спросил Батасов, шагая рядом со Ступиным.

- Верно, господин полковник... Письмо то у коменданта Глебовского в канцелярии было, я взял... Да копия у сержанта Островского есть...

- Плохо будет Глебовскому... Зачем отпорное письмо велел читать вслух, о том не допрашивал?

- Нет, понеже делов много было...

У поворота к дому Немчинова со стороны Пятницкой церкви им встретились

четыре человека: Аника Переплетчиков с денщиком судьи тычками гнали перед собой со связанными за спиной руками Якова Чередова. Судья с багровым лицом шел за ними следом.

- Кто такие? - остановил их полковник Батасов.

- Сие мои люди,- важно сказал Верещагин, подходя к офицерам.- Пушего заводчика среди бунтовщиков схватили по моему велению, вместе с главным изменником Немчиновым народ мутил! - ткнул кулаком в бороду Чередову Верещагин.

Поникшая голова мотанулась к правому плечу, и Чередов процедил:

- Побойся бога, господин судья, безвинного бьешь!

- Молчи, собака! - пнул его в ногу Верещагин.

- Господин судья,- сказал Батасов,- впредь без моего ведома народ не хватать!

Дознание о бунтовщиках ведено губернатором Алексеем Михайловичем вести мне, и городу быть под моим началом. Капитан, отведите арестанта на обахту!

- Постой! - вышел вперед Верещагин, щурясь в приступе ярости.- Не дело творишь, господин полковник, арестант сей мой и мне розыск по нему чинить! И ты здесь по моей отписке! Всех бунтовщиков хватать надо! На дыбу! На кол!

- Озлобления среди жителей чинить не велю! На то я стольником сюда поставлен и инструкцию, данную мне, исполнять буду! Капитан!..

Ступин приказал двоим солдатам отвести арестанта в канцелярию.

Глядя со злобой вслед уходящему Батасову, Верещагин процедил с угрозой:

- Ладно, господин полковник, поглядим, чья возьмет...

Возле рогатки перед домом Немчинова Ступин остановил полковника Батасова.

- Далее небезопасно, Иван Титович, у них ружья. Поначалу я с ними поговорю... Эй, вы там! - крикнул капитан, подходя чуть ближе к воротам.

Над бревенчатым заплотом показалось несколько голов.

- Из Тобольска прибыл по повелению стольника губернатора Сибири князя Черкасского полковник Иван Титович Батасов. Он желает говорить с полковником Немчиновым! Пусть Немчинов выйдет для разговору.

Одна голова исчезла и через некоторое время показалась вновь. Это был Иван Падуша.

- Полковник Немчинов за ворота не выйдет,- крикнул он.- Пусть полковник подходит к заплоту без солдат, тогда ему Иван Гаврилыч покажется...

Ступин вернулся к полковнику Батасову. Тот сказал:

- Слышал... Оставайтесь тут, я подойду.

- Опасно, господин полковник, стрельнуть могут...
- Не стрельнут, коль до сих пор не стреляли,- сказал Батасов и, придерживая шпагу, направился к воротам и остановился шагах в двадцати от них. Над заплотом показался полковник Немчинов.

- Пошто, полковник, противность чинить удумал? - спросил Батасов.
- О том в письме нашем писано,- хмуро ответил Немчинов.
- Как можно противиться воле государя и отца отечества!
- Не отец он - антихрист!
- Не то говоришь, полковник! Нешто тебе плохо жилось, ты ж голова казачий!

- Ладно жилось, да не желаю душу свою антихристу продавать.
- Зачем заперлись, выходите! Вины ваши прощены будут... Не вносите смуты средь жителей.

- Без указу милостивого выходить не будем! И покуда имя наследника не означат, к присяге не пойдем!

- Сколь вас в доме заперлось!
- Много, господин полковник, много...
- Коли не выйдете, стану поступать с вами военным артикулом,- повысил голос

Батасов, и его зеленоватые глаза потемнели.

- Ежели штурмовать будете, жечься станем! Слава богу, пороху в погребе моем немалое количество наготовлено... Души свои не отдадим!

- Думай, полковник, думай... Провианту ненадолго хватит, выходите!..
- Без указу милостивого не выйдем, и вели своим солдатам ближе полсотни шагов не подходить - дом запалим! Слово мое последнее!

Батасов вернулся к рогатке и сказал Ступину:

- Караулы усилить! Чтобы мышь не проскользнула!
- Сколько поставит вокруг двора? - спросил Ступин.
- Четыре десятка хватит, пробиваться не посмеют! Расставить по улицам пикеты и караулы. По земляному городу по два человека, чтобы друг друга видели! Без моего ведома из города никого не выпускать! Объявить, чтоб после одиннадцати вечера никто из жителей на улице не являлся!

Полковник Батасов вернулся в канцелярию, вызвал полкового писаря Паклина и стал диктовать ему отписку в Тобольск на имя губернатора. В отписке он извещал о благополучном своем и капитана Ступина прибытии, об аресте коменданта Глебовского, о засевших во главе с Немчиновым отпорщиках и спрашивал, каким порядком с ними поступать. Запечатав пакет, приказал подьячему Резанову оформить подорожную нарочному солдату, вручить ему обе бумаги и велеть скакать наискорейшим образом в Тобольск и подать пакет губернатору.

Затем Батасов созвал офицеров и прапорщиков и, опершись ладонями о стол, сказал:

- Господа, уведомляю вас о несении службы в городе. Службу почитать гарнизонной, посему согласно «Уставу воинскому» ключи от всех ворот

сдавать на ночь мне в канцелярию. Караулы поставить у всех градских ворот, у магазинов с провиантом, у тюрьмы и гауптвахты, а также на базаре и у церкви... За город никого без моего ведома не выпускать... Караулы менять трижды согласно уставу: поутру, в десятом часу перед обедом и в третьем часу пополудни. Солдат, дабы сподручнее было, поместить на постой в домах, что к канцелярии ближе. Тапты и ревелии бить барабанным боем обычным порядком. От тапты до ревелии семь часов, противу уставу на час менее, понеже положение так велит... Рунды производить трижды согласно уставу. Понеже штаб-офицеров мало, разрешаю караулы ставить под началом сержантов и капралов, кроме канцелярии, где начальником караула всегда офицеру иль прапорщику надлежит быть. Все! Вопросы имеются?

- Коли не пожелают хозяева брать на постой, как быть? - спросил прапорщик

Этеркраус.

- Тесноты особой не чинить, однако и не церемониться!.. Приступайте, господа! Капитан Ступин, подайте мне письмо отпорное.

Ступин принес письмо и вышел. Полковник Батасов остался один.

Он несколько раз перечитал отпорное письмо и, просматривая ниже многочисленные рукоприложения, позавидовал полковнику Сухареву, оставленному в Тобольске. Тому не надо будет вести розыск, который наверняка затянется, и сидеть тут ему от лейб-гвардии капитану полковнику Батасову, неведомо какое время без семьи. Эх, казачки, казачки, не жилось вам... Не все одно, за кого крест целовать, с именем или без... Хотя рассудить, так, конечно, непривычно - присягать неизвестно кому. Не сделал ли государь тут промашки...

Тут Батасов невольно оглянулся, испугавшись собственных мыслей. Сплюнул, крикнул денщика и велел принести водки. Денщик принес полуштоф, полковник выпил стопку и принялся составлять реестр тех, кого, по его разумению, следовало арестовать и допросить первыми. За списком просидел дотемна. Взяв денщика и двух солдат, прошел сначала к соборной церкви, затем к городской тюрьме. У избы, где держались колодники, его остановил окрик:

- Кто идет?

- Полковник Батасов...

- Кто на часах?

- Солдат Московского полку Исак Микулин.

- Ну, ну,- одобрительно сказал Батасов.- Кто за караулом?

- Изменник Исецкий, господин полковник.

- Глаз не спускайте, сей вор среди смутьянов наиглавнейший.

Микулин вытянулся, а Батасов пошел дальше. Проверил караул у Спасских ворот и отправился спать. Утром ему доложили, что прибыл капитан Рублевский.

Войдя, капитан Рублевский доложил:

- Господин полковник, согласно данной мне инструкции, по прибытию велено быть под твоим началом. Привел с собой двести служилых татар. Всю

ночь ехали, не спали...- потер Рублевский покрасневшие глаза.

- Ладно, капитан... Где люди?

-- У посада но бухарским и татарским юртам стоят. - До обеда пусть спят, после же послать конные заставы по уездным дорогам. Заставы те держать по три человека. Такие ж заставы поставь но земляному городу вокруг острога... Никого не выпускать. Теперь отдыхай сам...

Рублевский вышел. Полковник Батасов подумал: «Более шестисот человек на городишко... Ермак Тимофеич с таким числом пол-Сибири воевал...»

Глава 28

На ямском дворе, обнесенном двухсаженным глухим тыном. у крыльца рубленого дома солдат в красном камзоле трясет за грудки хозяина:

- Коня подавай, сучий сын! Не подашь - заколю без пощады,- угрожающе хватается солдат то и дело за эфес палаша.

- Помилуйте, господин солдат, нетути коней. С неделю прошли ваши солдаты на Тару, всех позабырали... Отдохните, господин солдат, и конь, глядишь, отойдет... Попасется, да овса заложу...- оглядывается хозяин на взмыленного коня у ворот.

- Не имею ни часу ждать! Наисрочнейшее дело! Читай! - сунул солдат хозяину подорожную.

- Грамоте не обучен,- отстранился хозяин.

- Так слушай! Другой раз читать не стану! «От Тобольска, куды путь надлежит от села до села, от деревни до деревни, и до Тары и назад до Тобольска, давать посланному солдату Ивану Стрелкову уездную одну подводу, везде не держать ни часа. Послан он, солдат, на Тару для его императорского величества наисрочнейшего дела. У сей подорожной ближнего стольника и губернатора Сибирского господина князя Черкасского печать. Июня 15 дня 1722 года». Уразумел, мужик! Давай коня!

Хозяин поднял сбитую с него катаную поярковую шапку и уныло пробормотал:

- Нетути коней...

- Веди на конюшню!

Они вошли в конюшню, и, увидев вороного коня. Стрелков обрадованно закричал:

- Эт-то что не конь? Блядин сын!

- Господин солдат, на сем коне комиссар поедет.

- Что за комиссар?

- Земских дел комиссар из Тобольску по деньги, сказыват, едет с подушных податей...

- Комиссар обождет, отдашь ему моего коня, велю! - угрожающе полюбнажил из ножен палаш Стрелков.

- Э-эх,- махнул рукой хозяин,- прогоны готовь, солдат...

Стрелков устало опустил на конец долбленной колодины с водой, и переместив кожаную сумку с правого боку на живот, ощупью проверил, на

месте ли пакет, что ведено ему вручить полковнику Батасову на Таре. Любопытно бы знать, о чем в бумаге речь, какие вести. Но красный сургуч намертво скрепил бумагу, а печать на сургуче - два скачущих коня и стрела меж ними - будто напоминают ему: скорей, скорей! И торопится солдат Стрелков, вот уже почти сутки без сна, старается.

Давно мечтал капральский чин поиметь, а ныне самое время себя показать...

Хозяин подвел заседланного коня. Стрелков заплатил прогонные деньги, вскочил в деревянные стремена и поскакал по дороге, взбивая легкую пыль.

За день до вступления полковника Батасова в Тару провинциал-фискалу Трофиму Григорьевичу Замощикову подал отписки из Тары от фискала Семена Шильшкова человек его Максим Петров. Замощиков немедля подал отписки князю Черкасскому. Губернатор, презрительно морщась, с трудом разбирая почерк, долго читал оба доношения и. наконец прочитав. сказал вице-губернатору Петрово-Соловово:

- С обеих отписок снять копии и послать оные полковнику Батасову. Написать ему указ, дабы всех, кто в отписках помянут, взял бы под арест. Коменданта

Глебовского велеть за крепким караулом прислать к нам в Тобольск... Нарочному солдату выписать подорожную, и скакать ему наисрочнейше...

Быть нарочным выпало солдату Стрелкову.

Губернатор и вице-губернатор были немало удивлены. когда через два дня получили челобитную Глебовского и присланных с Иваном Гребенщиковым колодников. Подозрения в измене коменданта, хоть и не прошли, но стали меньше. Прежде чем отправиться в застенок, губернатор принял его императорского величества посланника к калмыцкому контайше Цеван-Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского. Посланец калмыцкий Буркоган объявил в Москве, что будто бы контайша намерен принять Российское подданство. и по сему делу отправлено было с ним посольство. Хотя князь Черкасский и был в великом сомнении насчет одного намерения, однако посольство, прибывшее из Москвы в Тобольск апреля 12 дня, надобно было отправлять. Капитан Унковский уже подавал в губернскую канцелярию два доношения. чтоб посольство его отправлено было без замедления, грозил подать доношение самому государю. Сегодня губернатору доложили, что дощаники посольские погружены и готовы к отправлению с конвоем из шестидесяти солдат. На этих же дощаниках отправлялся провиант для отряда полковника Батасова. Губернатор думал, что Унковский пришел откланяться, но ошибся.

- Ваше сиятельство, опять моему посольству чинится задержка,- сказал Унковский.

- Мне ведомо, что дощаники готовы! - раздражился Черкасский.

- Однако потребных ведомостей из губернской канцелярии не выдано, и от вашего сиятельства лист контайше не подан...

- Лист о спорах по Кузнецкому острогу и о Бухолцевом походе напишу,

хотя о том писано было контайше и послано в свое время с Василием Чередовым... Того для, что дощаники к отправлению собраны, надлежит их отправить с начальником конвоя. Кто оной начальник, поручик Санг?

- Точно так, поручик Михаило Санг. - Ты же, господин капитан, задлись на седмицу, а после налегке нагонишь остальных... Сам зришь, что в канцелярии дел много по Тарской противности...

- Ваше сиятельство, посланник калмыцкий Буркоган, что со мной едет, жалуется, что провинциал-фискал Замощиков сторговал у контайшиного бухарца черно-бурую лисицу, лисицу взял, а денег дал токмо четверть противу торгу. Сие может осложнить посольство...

- Подай доношение, я разберу, - сухо сказал губернатор, заканчивая прием.

В застенке первым на виску подняли Петра Грабинского. Он повторил те же речи, что и в расспросе у коменданта Глебовского, и через двадцать минут Черкасский велел Яковлеву снять его.

Алексей Шерапов на виске каялся и лил слезы. Говорил, что называл на базаре царя антихристом по младоумию и наущению раскольников Ивана Завьялова да Дмитрия Золотова, да Василия Исецкого. Что Иван Завьялов приезжал в дом отца его и жил с неделю, а Дмитрий был в прошлом году и приставал у брата своего Алексея Золотова, который был у коменданта Глебовского в поварах, а после уехал, а куда, он не ведает. Показал также Алексей, что в марте на святой неделе был из пустыни старец, кто именем не знает, и что стоял старец у Ивана Андреева сына Падуши, и что многие к нему для читания книг и причащения ходили. Дмитрий Вихарев был у того старца доподлинно, а остальных не упомнит...

Старик же Яков Шерапов, отец Алексея, поначалу заупрямился, на все вопросы отвечал «нет» да «не ведаю»... Вице-губернатор Петрово-Соловово, теряя терпение, ходил взад-вперед по пытошной избе, то и дело после очередного удара подсакивал к Шерапову-старика и спрашивал:

- Кто о его императорского величества непристойные слова сказывал, говори!

- Не ведаю... - отвечал Яков, уронив седую бороду на грудь. И опять Иван Яковлев отмеривал удар. После десятого удара он сказал, повернувшись к князю Черкасскому:

- Больше нельзя, богу душу отдаст...

- Приспусти,- приказал Петрово-Соловово.

Яковлев освободил веревку, на которой в хомуте висел Шерапов, и опустил так, чтобы ноги касались земли.

- Говори, старик, кто называл царя антихристом, кто среди отпорщиков первые заводчики? - потряс его голову, ухватив за волосы, вице-губернатор.

Но Яков молчал. Свирепея, выпучив лягушачьи икринки глаз, вице-губернатор схватил сухой веник, сунул в горящую печь, запалил и поднес к бороде Шерапова.

И вмиг то, что было бородой, осело на щеках и подбородке горячей пузырящейся пеной.

- Говори! - закрипел зубами вице-губернатор, приближая опять к лицу

полыхающий веник.

- Обожди, Александр Кузьмич,- остановил его князь Черкасский и велел стоявшему у двери прапорщику привести Алексея Шерапова. Когда Алексея ввели, он с ужасом уставился на отца.

- Гляди, старик, сын твой ни одного удара не отведал, во всем повинился, все рассказал. Будешь молчать, за тебя его пытаться будем. Чаю, внуков он тебе не родил еще, так, может случиться, и не родит. Железом каленым жечь будем из-за тебя, старика. Не будет ему пощады...

- Тятя, скажи им, скажи, пропадем ведь... Не мы бунт учинили, пошто нам отвечать!..

Старик отвернулся, пряча слезы, и тяжело заговорил:

- Непристойные слова об императоре слышал от Золотова без посторонних в доме своем... Отпорщики собирались до подачи отпорного письма много раз в доме полковника Немчинова, где Петр Байгачев и Василий Исецкий книги читали, а какие, о том не ведаю... Там же были Иван Шевелясов, Иван Жаденов, Иван Падуша, Василий Лозанов...

- Ведал ли комендант о том, что раскольщики открыто по базару ходят и речи непотребные говорят о государе? - спросил вице-губернатор.

- Ведал ли, не знаю...

- Что за старец был на святой неделе у Падуши?

- Старец Сергей из Ишимской пустыни...

- Где сия пустынь, знаешь?

- Не ведаю...

- Было ли умышление у отпорщиков отбиваться ружьями?

- Говорили, коли будут брать, отбиваться дубьем, про ружья не говорили...

- Кто говорил, чтобы отбиваться дубьем? - продолжал допрос вице-губернатор. Но Яков Шерапов внезапно обвис на связанных сзади руках в беспомощности.

Колодников увели. И через два часа в Тару поскакал солдат Василий Рудов с указом Батасову взять всех, кого назвали арестанты в застенке, Глебовского держать за крепким караулом, и по возможности сыскивать пристанища раскольников и особенно узнавать о пустыне старца Сергея.

Глава 29

Три дня полковник Батасов почти не выходил из Тарской канцелярии. Запрет выпускать из города обернулся для него хлопотливым делом. С утра на другой день потянулись к канцелярии жители с просьбой выпустить за стену, поскольку наступила сенокосная пора, каждый денек дорог. Известное дело, что до Ильина дня в сене пуд меду, а после - пуд навозу. И хотя до Ильина дня целый месяц, но покуда горбушей намашешься, покуда высохнет - а лето по всему мокрое будет, - так и пролетит времечко. А не приведи, господи, без сенца остаться на зиму.

Поначалу шли только принявшие присягу, остальные опасались. Батасов разделил в уме всех жителей на три части: принявшие присягу, не присягавшие

по каким-либо причинам: отлучка за дровами или по болезни, или еще по каким делам, и отпорщики, под письмом подписавшиеся.

Первых он выпускал без задержки, выписывая отпускной билет, вторых допрашивал, по каким причинам и где был во время присяги, готов ли присягнуть...

Ежели получал ответ, что присягать готов, - отпускал. Не согласных - сажал под арест. Но таковых почти не было. Отпорщики к нему с просьбами не шли, сидели по домам, и Батасов приказал приводить их силой.

Но допросить всех было некогда. Еще не были допрошены главные арестанты, с коих следовало начать: комендант и Василий Исецкий. Их полковник собирался допросить сразу, но отвлекли заботы о провианте. Оказалось, что казенные тарские магазины пусты. Купить у жителей тоже не на что, ибо в спешке выдать жалованье солдатам в Тобольске не успели. Провиант, взятый с собой, был на исходе. Потому полковник весьма обрадовался, когда ему доложили, что пришел на дощаниках и больших лодках капитан Ней.

Батасов велел подать коня и поскакал к пристани на Иртыш. У причала было шумно и суетно. Разгружали лодки. Солдаты тащили мешки с мукой и крупой, волокли на дроги четыре пушки, грузили ядра и бомбы к ним. Паруса на всех лодках были убраны, деловито хлюпали длинные весла...

Увидев подъехавшего полковника, капитан Ней доложил о прибытии.

- Сколько с тобой провианту? - спросил Батасов. - Муки ржаной и круп на четыреста пять человек, всего 101 четверть, - ответил капитан Ней.

- Почему малое количество? По полуосмине на человека... Сего провианту на июнь месяц едва хватит. Где провиант на июль, который еще при мне в Тобольске получил капрал Дмитрий Чагин? - сердито спросил Батасов.

- Сие не ведаю, господин полковник, верно, не успели подвести на пристань, а мне было ведено вице-губернатором без промедления отплыть...

Батасов выругался и поскакал обратно в канцелярию. Заботы о провианте не кончились.

Вернувшись в канцелярию, послал денщика за поручиком Маремьяновым и велел тому привести на допрос коменданта Глебовского.

Глебовский за последние дни похудел и осунулся. Под глазами чернели вдавленные до кости круги. Пряча дрожь, сжал пальцами полы камзола.

- О присяге Устав его императорского величества в котором числе прислан тебе и котором числе опубликован всякого чина людям? - спросил сухо Батасов.

- Его императорского величества печатный устав о присяге получил я из Тобольска через сержанта Ивана Островского мая 21 дня и того же мая 22 дня с письменного устава копию опубликовал в народе и выставил у градских ворот, - ответил, потупясь, Глебовский.

- Которого числа приказал приходить к помянутой присяге?

- Того же числа посылаю служилых людей в деревни и села для созыва в город к присяге... Приходить же стали к 25 мая по 2 июня.

- Какого числа подал полковник Немчинов письмо о противности, и при ком зачтено оное письмо пред народом у церкви было, и по чьему велению?

- Как пришли к присяге, полковник Иван Немчинов подал письмо о противности при судье земских дел Ларионе Верещагине, при поручике Федоре Княгинкине, при сержанте Иване Островском, при таможенном надзирателе Василии Батине, при фискале Никифоре Сереброве, при попе Пятницкой церкви Афанасии и при многих разных чинов людях...- комендант приостановился, будто задумался, и продолжил: - А как они письмо подали, я оное письмо, приняв, отдал подьячему Григорию Андреянову и велел прочесть вслух, для того, что не ведал, что в оном письме написано... И опой подьячий читал то письмо перед народом вслух...

Глебовский замолчал. На миг стало тихо так, что было слышно, как скрипит пером записывавший расспросные речи писарь Паклин.

- Ну-ну, далее, - подтолкнул его Батасов, - как прочли, что против того всяких чинов люди сказали?

- Подьячий усмотрел, что рук и имен под письмом не означено, и отдал то письмо мне. Я отдал то письмо полковнику Немчинову и велел всем подписать свои имена... Оное письмо взяв, они сказали, что подпишутся. Я приказал противников переписать, но они переписывать себя не дали и пошли от церкви... 30 мая пришли в Тарскую канцелярию полковник Немчинов, дворянин Василий Чередов, сотник Борис Седельников, пятидесятник Иван Жаденов, казачьих детей сотник Яков Петрашевский, при них несколько человек и подали противное письмо...

- Что ты им против того сказал и в Тобольск о их противности писал в котором числе?

- А как они оное письмо принесли, сказал им, что пошлю то письмо в Тобольск... И послал письмо 10 июня...

- Для чего через такое долгое время сообщил о том письме? - удивленно вскинул брови поручик Маремьянов.

- Для того, чтоб они того своего письма дорогой не отбили, да люди многие стали к присяге приходить, некогда было.

- Зачем им свое письмо отбивать, как ты им сказал, что пошлешь в Тобольск, и они сами того ж хотели? Не покрывал ли ты, господин комендант, противщиков?

- Не было такого умыслу никогда...- пробормотал Глебовский.

Батасов велел увести Глебовского и подумал, что, пожалуй, комендант нечист и юлит... Полковник собирался прилечь отдохнуть, но тут доложили о прибытии нарочного из Тобольска.

Прочитав поданный солдатом Стрелковым указ и копии с доношений Шильникова, Батасов велел найти фискала. Когда Шильников пришел, приказал опять привести коменданта Глебовского. Промедления дела в великом слове не терпят!

Писарь Паклин прочитал поданный ему Батасовым указ из Тобольска и, готовясь записывать расспросные речи, торопливо написал: «1722 года июня 20 в полученном ордере и из Тобольска от ближнего стольника и губернатора Сибирского князя Алексея Михайловича Черкасского с товарищи велено, сыскивая, допрашивать против присланного с отписки копии тарского фискала

Семена Шильникова. И тарский комендант Иван Софонович Глебовский при оном фискале допрашивай, и что в распросе сказал, при сем явствует.» Он разделил под записанным лист на две неравные части: слева поменьше - для вопросов, справа пошире - для ответов.

Глебовский был заметно встревожен и растерянно поглядывал то на Шильникова, то на полковника Батасова.

- Подчиненный фискал Никифор Серебров в великом слове атамана Якима Шерапова тебе объявлял ли и в котором годе, месяце и числе? Что оной Шерапов и свидетели сказали? Алексей Шерапов под арестом был и для чего дней шесть не допрашиван?

Глебовский облегченно вздохнул: в сем деле верность государю его явная. Он стал рассказывать, что Серебров приходил к нему мая 20 дня сего года, и он-де ему, фискалу, говорил, что в том великом деле он подал нам в письме, а Шерапова Алексея велел того ж числа арестовать и, как его привели, велел сковать, держать под караулом. А Якима Шерапова не держал под караулом для того, что свидетели за него сказали и племянник его Алексей не заперся. И как фискал Шильников подал доношение, оногo Шерапова допрашивал и допросные речи послал в Тобольск июня 10 дня...

Однако облегчение Глебовского было недолгим, второй вопрос вновь поверг его в уныние.

- Был ли ты июня 6 дня на обеде у судьи земских дел Лариона Верещагина и говорил ли тарский житель Аника Переплетчиков, в тарских-де жителях сталось смятение от коменданта Глебовского и называл ли тебя прямым изменником,- спросил полковник Батасов.

- У судьи земских дел на обеде не был... А о таких словах слышал от поручика Княгинкина. В том на меня Аника Переплетчиков подал июня 8 дня земскому судье Верещагину доношение. А смятения от меня никакого не было и измены за мной нет...

Полковник Батасов велел увести коменданта и заковать в ножные кандалы.

Следующим, кого следовало допросить по великому делу государеву, был отставной пеший казак Василий Исецкий.

- Вору Исецкому чериый распрос в пытошной учинять будем или сюда вести? - спросил поручик Маремьянов.

- Веди сюда покуда...- велел Батасов.

Василий Исецкий держался не в пример Глебовскому спокойно и уверенно. И эта уверенность невольнo задевала присутствующих допросчиков, непривычно было, чтобы закованный по рукам и ногам колодник не чувствовал страха, и хотелось этот страх у него вызвать.

- У полковника Ивана Немчнова в дому в собраниях бывал ли, книги какие читал ли, и толковал ли? - спросил Батасов.

- Читал книги Кирилла Крусалимского и Правой Веры и толковал их Немчинову с товарищи...

- Возбранял ли идти к присяге и отпорное письмо о присяге писал ли и подавал ли за руками коменданту Глебовскому?

- К присяге идти возбранил и отпорное письмо писал я же и при том письме подписался своею рукою...

- Пошто сию измену супротив императорского величества измыслил? - вспыхнув румянцем, подскочил к нему поручик Маремьянов.

- О том в письме указано,- не глядя на поручика, ответил Исецкий.

- Говори, вор! - оскалившись, с яростью схватил его за черную с проседью бороду поручик и потянул к себе, выкручивая.

- Говорил ли ты Алексею Шерапову и называл ли при нем императорское величество антихристом, а не прямым царем? - спросил Батасов.

- Говори! - дернул с силой бороду поручик Маремьянов и выдрал клоч.

Склонив голову, Исецкий потерся подбородком о плечо и, едва разжимая зубы, проговорил:

- Его императорское величество антихристом не называл и таких слов Алексею Шерапову и никому не говаривал... Оной Шерапов сказал на меня напрасно...

- Он же, Шерапов, слышал от тебя, что ежели будут брать за караул, чтобы друг друга не выдавать и отбиваться. Такие слова говорил ли? - продолжал допрашивать Батасов.

- Таковых слов не говаривал... Посему у коменданта в допросе был и все ему сказывал... Шерапов показал на меня напрасно!..- стоял на своем Исецкий.

- Говори, вор, называл ли отца отечества, императора нашего антихристом? - подлетел к нему опять Маремьянов и ткнул кулаком в лицо.

- Не называл,- глядя мимо Маремьянова, ответил Исецкий, промокнув разбитые губы о рукав.

- Говори! - задыхаясь от ярости, крикнул поручик Маремьянов и, схватив со стола пистолет, ударил тяжелой рукояткой Исецкого в лоб. Исецкий медленно осел на колени и ткнулся, звякнув цепями, окровавленным лбом в пол.

- Господин поручик! - брезгливо поморщился полковник Батасов. - Сего арестанта надобно доставить в Тобольск живым! Впредь запрещаю без моего ведома пытаться кого-либо! Не пристало то офицеру... Для сего мастера заплечных дел есть...

Глава 30

- Братья миряне, с пастырским увещанием пришел я к вам... Обратите взоры свои к истине, обратитесь в недра ея, обуздайте дух противности свой, и сойдет на вас дух святой, и правда пред очи ваши. ослепленные ложью, предстанет! - подняв в правой руке крест, обращаясь протопоп Алексей, посланный полковником Батасовым, к засевающим отпорщикам.

В прошедшие два дня Батасов посылал для переговоров не раз капитана Ступина и капитана Нея, но засевающие выходить отказывались, и он решил повлиять на них божьим словом. Из Тобольска же пока, что делать с засевающими, указа не было. Протопоп в святом облачении стоял уже с полчаса перед воротами дома Немчинова. При последних словах над заплотом по грудь

высунулся полковник Немчинов, до того не появлявшийся. Увидев его, протопоп воодушевился.

- Именем Иисуса Христа заклинаю вас, православные, растворите ворота, и вины ваши прощены будут, яко господь грехи наши покаянные прощает!..

- Какому богу зовешь, отец, пас кланяться? Наричаешь Христа-бога Иисус, наш же бог Исус есть,- сердито сказал Немчинов.

- Ересью раскольщицкой уста твои, раб божий Иван, разверзаются,- повысил голос протопоп.

- То твои уста ересь никонианскую изрыгают! - воскликнул Немчинов.- Все книги церковные попортили, вокруг купели церковных крещений не по солнцу, но против солнца ходишь, латынским четвероконечным крестом просвиры печатаешь, «аллилуя» в молитвослове церковном во Псалмах тоекратно глаголешь, до Никона же испокон дважды глаголемо было, в знамении крестном троеперстной антихристовой печатью креститься велишь! А ныне и вовсе безымянному наследнику присягать заставляете, а оный безымянный - антихрист есть! Лучше в огне сгорим, антихристу присягать не станем! Пред Богом души свои сохраним...

- О безумные! - прервал его протопоп. - Пошто, глупые, от плоти своея возмечтали о Бозе. Разе бедство и болезни ваши Богу сами собою приятны есть? О тreakаянные безумцы, Бог наш не мучитель есть, но отец щедрот и Бог всякие утехи! Выйдите за врата, зане, кто себя погубит, вечной муки не избежит! Христом Богом заклинаю вас и указую яко пастырь овцам заблудшим путь к спасению истинный! Выходите!

- Слушай, отец,- решительно прокричал Немчинов,- и скажи полковнику, что без милостивого указа не выйдем!

- Скорблю и за грехи ваши молюсь пред господом всемилостивейшим,- перекрестил протопоп ворота и пошел к пикету, где его ждал полковник Батасов с офицерами.

Вдруг кто-то спрыгнул с заплота и, размахивая руками, закричал:

- Я выщела, я выщела... Не стирляй! Не стирляй!..

- Никак калмык твой. Иван Гаврилыч,- сказал Иван Падуша и взялся за ружье.

- Не надо! - остановил его Немчинов. Я сказывал, кажный может выйти. Вольному воля... Том паче он... Кроме дозорных все отошли от заплота. Из амбара выбежал встревоженный Федор Терехов.

- Беда. Иван Гаврилыч, кто-то хлеб спортил!..

- Как спортил!?

- Пошел я в амбар, чтобы мешок с мукой принести, дабы хлеб испечь седня, а там скверна...

Немчинов в окружении десятка казаков вошел в амбар, где хранилась мука. К нос ударил неприятный запах. Приглядевшись, все увидели, что больше половины из десяти мешков рассыпано на полу и смешано с жижей из отхожего места.

- Иван Гаврилыч, что же это? Ведь это он, Димка-калмык. Зря ты мне не дал его пристрелить... Гад, гад ведь под самое больное место ударил...

Немчинов помолчал, затем глухо сказал:

- Все. что не осквернено, перенести в сени. С сего дня долю на каждого делать в два раза меньше...

- Кто такой? - спросил полковник Батасов запыхавшегося беглеца. Тот, тяжело дыша, крутил руками, силясь сказать, но только помычал невразумительно.

- Полковника Немчинова человек, калмык Дмитрий,- пояснил протопоп Алексей,- крестник евонный.

- Пошто вышел? - обратился к калмыку Батасов.

- Моя к присяге пойдет... Моя царь-бачка любит... Хозяин царь не любит... Старик Серьга учил его... Яман старик...

- Что за старик?

- Отца Серьга зовут, урман ушла... Они с Васька Исецки учили казаки на присягу не ходить... Моя все слышала...

- Ладно, сколь их там сидит? - кивнул Батасов на дом. - Э, знаю... э... сказать не умею. Дай, дай,- тронул он шпагу Батасова.

- Зачем? - удивился Батасов. - Писать буду...

Батасов вынул шпагу из ножен, подал калмыку. Тот взял ее двумя руками и написал на пыльной дороге число.

- Шестьдесят девять?

- Шесть-девять, шесть-девять,- обрадованно закивал перебежчик.

- Порох есть?

- Есть, есть... Пять бочка в погреб...

- Много ли провианту имеется?

Калмык непонимающе заморгал глазами.

- Ну, еды много? Рыбы, хлеба...

- Казаки много, есть мало... Моя мука их спортил, есть совсем мало... Скоро выходить надо... Жрать нет... Мука моя спортил...

Угодливо щурясь лисьей улыбкой, калмык сбивчиво рассказал о том, что он сделал с мукой, пока все слушали увещевания протопопа.

- От степняк хитрозадый, придумал! - удивленно протянул капитан Ступин и похлопал Дмитрия по плечу.

- Молодец, молодец!

- Возьми-ка, капитан, этого молодца да сведи за караул, покуда все это дело не решилось,- сказал Батасов. - Черт знает, что у него на уме, может, подослали...

- Моя не нада тюрьма... не нада,- испуганно поднял руки калмык Дмитрий.

- Пойдем, пойдем,- подтолкнул его капитан Ступин.

- Не нада тюрьма!.. Моя тибя хорошо сделал...- упал он на колени.

К Батасову подошел судья Верещагин и попросил:

- Иван Титович, отдай-ка его мне... Сгодится. Нюх у него лисий, много отпорщиков сыскать может...

Верещагин в последние дни старался быть возле полковника и прятать досаду, что по делу, которое он начал, выпало не ему быть главным, старался

пред полковником и оказался незаменимым помощником в сыске подписавшихся под письмом.

- Ладно, бери, да гляди, чтоб не утек...

- От меня не уйдет,- сказал Верещагин и кивнул калмыку.- Пойдем...

Когда свернули в улочку, ведущую к канцелярии земских дел, Верещагин сурово сказал:

- Ну! Руки целуй, рожа калмыцкая, от цепи избавил... Все ли рассказал полковнику, что в доме вора Немчинова было... Можя, еще что вспомнишь?..

Увидев вышедшего из канцелярии Анику Переплетчикова, калмык обрадонуто зашептал:

- Судья-бачка, Степка жена полковника уводил....

- Слышь! Пацан твой к засевшим изменникам лазит,- сказал Верещагин.- Гляди у меня!..

- Приструню, Ларивон Степаныч, приструню... Совсем от рук отбился стервец...

А стервец сидел в это время с Федькой на чердаке дома Ивана Надуши, стоявшего через двор напротив дома Немчинова, и наблюдал через прорубленное в самцах оконце за тем, что делалось во дворе и вокруг. Они видели, как уговаривал протопоп засевших, как выбежал калмык Дмитрий... Только слышно ничего не было.

- Степ, подойти б к Дмитрию, может, от отца че передаст, не зря ж вышел...

- То-то не зря, вишь, с судьей пошел, а за караул не взяли... Лучше не высываться... Да, чаю, уходить тебе с матерью надо из города...

- Че торопиться, никто про нас не знает.

- Хорошо бы...

Сзади послышался сухой шорох висевших на шесте веников: из сеней по лестнице поднялась жена Ивана Надуши.

- Уснул мой Иван Иваныч... Пойдемте, ребята, поешьте маленько хоть каши... Как оне там? Ваню моего видели?

- Видали...

- Ох, мати пресвятая богородица, спаси и сохрани их,- всхлипнула Анна.

- Этта Дашутка прибегала, про своего

Василия спрашивала... Господи, господи, что деется на белом свете! День Ивана Купалы седни, а будто и не праздник вовсе, как вымерло все...

- Пойдем мы, тетка Анна, мамка небось потеряла,- сказал Федька.

- Куда вы теперь пойдете, солдаты кругом...

- Мы по задам...

- Верно, лучше обождать,- поддержал Степка.

Дождавшись темноты, пробрались крадучись к дому Максима Немчинова. Уже хотели войти во двор из-под повети, как вдруг Степка схватил Федьку за рукав и потащил за угол сарая. Из дома вышел Ларион Верещагин, за ним два солдата вели сопротивляющуюся Катерину. Федька рванулся, было, к матери, но Степка повис на руке, остановил...

- Федька, уходить тебе надо из городу, - прошептал Степка.
- Теперь-то уж я никуда не пойду! - яростно выдохнул Федька.

Глава 31

Наконец-то полковник Батасов получил из Тобольска указ, как ему быть с запершимися отпорщиками. Губернатор Черкасский и вице-губернатор Петрово-Соловово писали, что но его лейб-гвардии капитана полковника Батасова отписке надлежит «...послать к полковнику Немчинову, велеть обнадеживать, что их велено только привести в Тобольск для разговора, и что губернатор с ними не хочет никакого зла учинить. А только желает с ними разговаривать и учинить по их желанию. А ежели они тем словам не поверят, и им показать фальшивую инструкцию, которая ныне послана к тебе».

Прочитав это, полковник Батасов ухмыльнулся, крикнул вестового и велел позвать капитана Ступина, капитана Нея и поручика Маремьянова. Сам продолжал читать указ. Далее в указе из Тобольска говорилось, что «надобно отведывать доподлинно, есть ли у них порох, и, если есть, да немного, и опасности в том невозможно иметь, велеть прежде приготовить бочек 50. налить воды с вечера, и чтоб стояли на лошадях в таком месте, чтоб с тех дворов не было видно. И ту воду приготовить зело тихо и тайно, чтобы они не видали. И как будет готово, то в полночь велеть солдатам штурмовать. и ежели зажгут, то велеть отнимать и заливать, чтобы оных заводчиков живых взять...»

«Легко сказать, живых взять, дадутся ли...» - подумал Батасов и, дочитав указ, где, между прочим, говорилось, чтобы Исецкого и Глебовского послать в Тобольск за крепким караулом, стал просматривать фальшивую инструкцию.

Собрались вызванные им офицеры, и полковник Батасов объявил им:

- Господа штаб-офицеры! Из Тобольска от губернатора получен указ, как надлежит быть с засевшими отпорщиками. Соблаговолите выслушать.

Полковник Батасов прочитал указ и, оглядывая офицеров, сказал:

- Посему приказываю разрешить указанное дело сегодня! Капитан Ней, бери фальшивую инструкцию и немедля ступай к бунтовщикам в переговоры. Коли не поверят сей инструкции, дать им сроку до завтра... Капитан Ступин, тебе брать первую роту и готовить тайно бочки с водой и в темноте подвезти оные ко двору Немчинова, чтоб со двора их не было видно. Солдатам быть наготове с ведрами и топорами... Тебе, господин поручик, идти во вторую роту и готовить оную к штурму военным артикулом. Фузен зарядить, напротив ворот поставить тайно две пушки, дабы ворота те при надобности ими разбить. Штурм, коли бунтовщики после переговоров с капитаном Неем не выйдут, по моей команде в полночь. С Богом, господа!

А в доме Немчинова после побега калмыка Дмитрия настроение у казаков заметно сникло. Ходили злые и мрачные.

Вечером собрались у крыльца, на нижнюю ступеньку которого сел полковник Немчинов, и советовались, как быть дальше.

- Пробиваться надо было, - сказал Федор Терехов. - Падуша верно говорил,

ушли бы в урман, аль в Барабу - ищи нас!

- А детей, дом оставить? - сказал знаменщик Усков.

- И семьи бы за нами ушли, Сибирь велика, вольной земли много...

- Тебе ладно толковать, ты в Таре без году неделя, а каково нам, истинным казакам, кои счет ведут от святой ермаковой сотни? Мы к Таре намертво приросли, с мясом не оторвешь! - сердито сказал Иван Жаденов.

- Ты, стало быть, истинный казак, а я нет! - взъярился Федор Терехов.-

Ахал бы

дядя на себя глядя!

- Не ори! Твой дед из гулящих людей по прибору в казаки поверстан, а мы от старой сотни идем,- скривил рот Жаденов.

- Ах, ты, сучье вымя, я тя щас так отделаю, ни одна бабка не отшепчет! Посмотрим, кто из нас настоящий казак! - выхватил из ножен Федор саблю и вскочил на полусогнутые ноги.

Иван Жаденов отпрянул в сторону, выхватил саблю и процедил сквозь зубы:

- Давай, давай, коли кочан лишний!

- Стоять! - хлопнул ладонью по колену Немчинов и вскочил на ноги.

- Спорила вошь с блохой... Эх, казаки, о том ли надобно печься, чей род правильной... Все под Богом ходим...

Жаденов и Терехов опустили сабли. Тяжело ступая, Немчинов поднялся на крыльцо и сказал:

- Будете петушиться, запру порознь... Ступайте все до утра.

Бессонной оказалась эта ночь для Ивана Гаврилыча. Тяжело было на душе. Станным образом ссора казаков помогла сделать выбор. Если еще вчера его волновало, поменяется ли что-то вокруг, в этом царстве чужебесия, после его смерти, то сейчас эта мысль не трогала и казалась пустой. Он понял, что нет ему дела до мира, обложившего его двор, как нет дела и до тех, кто с ним, и печься надобно лишь о своей душе, спасение коей в огне... Утром он созвал всех на совет и сказал:

- Казаки, хлеба и другого провианта у нас на неделю осталось, а коли впроголодь, то на две... Что скажете?

- Че тут скажешь! - сказал сотник Борис Седельников.

- Сидеть - пропадать, и выйдешь - не поздоровится!

- Коли тут пропадать, может, выйти лучше, авось простят,- задумчиво сказал Иван Жаденов.

- Они те простят! - ехидно вставил Иван Падуша.

- Ты-то сам что, Иван Гаврилыч, думаешь? - спросил Седельников.

Немчинов ответил не сразу.

- Мне обратного ходу нет... Я над вами голова, с меня и спрос другой! А уж грешной плоти моей, боюсь, черных расспросов не вынести... Заставят покаяться, а пред кем каяться, пред слугами антихристовыми! Не быть тому - жечься стану!.. Мы пред Богом все едины, кажный волен, как его душе угодно: то ли выйти, то ли со мной остаться... На смерть, что на солнце, во все глаза не глянешь.

Казачи крепко призадумались, хотя иные всю ночь глаз не сомкнули, а сомнения не разрешили: жечься немудрено, а вдруг милостивый указ выйдет... Только старики Яков Заливин да Михайло Третьяков сразу гореть решили.

А на другой день перед обедом у ворот с белой тряпицей на конце шпаги появился капитан Ней и объявил, что имеет важное известие, просил пропустить во двор.

Немчинов велел открыть калитку.

Капитан Ней повел разговор, что-де вины всем прощены будут и что полковника Немчинова губернатор требует для разговору.

- Все ваши разговоры на виске кончаются,- сказал Немчинов.

- Мне не верите, бумага есть. Вот инструкция из Тобольска от губернатора полковнику Батасову, - подал он Немчинову инструкцию. Тот передал ее Падуше и велел прочитать.

- Вот тут написано, что для разговору и тесноты не чинить,- ткнул Падуша пальцем в середину одного листа.

- Инструкция не указ, от нее и отпереться можно, - сказал Немчинов.

- Коли не верите бумаге, пусть кто-нибудь выйдет, кто рядом живет, сами увидите, трогать его не будут,- пришла в голову Нею счастливая мысль.

- Что, Иван Гаврилыч, давай-ка я выйду,- сказал Иван Падуша,- а вы поглядите за домом моим.

~ И я с тобой выйду, - сказал неожиданно Василий Кропотов.

Когда капитан Ней с Падушей и Кропотовым вышли за ворота, Немчинов воскликнул столпившимся казакам:

- Сей бумаге и словам не верю и буду жечься, а вы как похотите!

- А Падуша-то в свой дом пошел один! - крикнул Федор Терехов, выглядывавший из-за заплота.

Полковник Немчинов, опустив голову, поднялся в дом.

Иван Падуша подкидывал над головой своего сына-годка, когда в дом к нему вошел полковник Батасов. Жена Падуши Анна и Василий Кропотов, собиравшийся бежать к Дашутке, встревоженно взглянули на него. Анна забрала у мужа сына.

Полковник сел к столу и сказал:

- То верно вы сделали, что вышли... Другие по сему что думают делать?

- Кабы указ был, так все б вышли... Так до утра думать

- В инструкции слово губернатора... Князь Черкасский держит... Ладно, из дому не уходите, во дворе чаще показывайтесь, чтоб видели товарищи, что тесноты вам никто не чинит и впредь чинить не будет... Полковник Батасов встал и вышел.

Узнав о выходе Ивана Падуши, к нему в дом пришли соседи отставной солдат Константин Архипов да племянник полковника Немчинова Иван Андреев сын Немчинов.

- Че там деется, Иван?-спросил Архипов.- Страдальцы стоят на своем?

- Стоят-то стоят, да без еды много не настоишь! Димка-калмык половину

хлеба испортил, прежде чем выйти...

- Как испортил?

Падушa рассказал.

- Гада, значит, пригрел на груди, Иван Гаврилыч! Сколь волка ни корми...- сказал Архипов.

- Да вот инструкцию показали, где писано, будто полковника Немчинова в Тобольск губернатор для разговора требует. Только Иван Гаврилыч жечься решил, той инструкции словам не верит.

- Сам-то веришь, что тебя не тронут? - спросил Немчинов.

- Да где... На сына шибко хотел поглядеть... Кабы не он, не думая пошел бы в огонь!

- Как им верить! Кто под письмом подписался, тех хватают, дома запечатывают, бабы и дети ступай, куда хошь!..

- Хватают, говоришь? - погрустнел Падушa.

- Хватают... Шлеп-нога, сучка, с Верещагиным из кожи лезут. Кабы я был о ту пору в городе, тоже бы подписался, постоял бы за веру истинную! К отцу Сергию бы уйти, да разе ныне уйдешь. На всех дорогах конные татары рыщут... По земляному городу солдаты стоят. Всех, кто без бумаги рукой полковника Батасова, хватают...

В горницу вбежала Дашутка и, не стесняясь, кинулась в объятия Василия Кропотова. Архипов отвернулся и, выглядывая в окно, проговорил:

- Ишь, сколь их понагнали, будто мураши снуют!..

Едва свет из оконца, где работал Василий Казачихин делался таким, что можно было различать полутона красок, брался снова за личное письмо на своей иконе. Душа его радовалась. После встречи с Дашуткой он работал споро, и даже то, что их дом окружен солдатами, мало его трогало.

В этот день еще раз проверил, так ли вышло вохрение лика, которое он вершил плавью, и остался доводит: переходы из одной силы тона к другой были незаметны, и взгляд радовался прозрачности охры. Уже были нанесены рефтью и глаза, и брови, и сажевый ирис зрачков внимательно-напряженно вперялся с доски, казалось, прямо в душу Василия, повергая в смятение своей знакомостью и недостижимой отдаленностью.

Осталось сделать совсем немного: подкрасить губы, нанести оживки на кончик носа, на подбородок, на прядки волос, тронуть белилами кончики пальцев, придерживавших младенца.

Занятый работой, Василий не обратил внимание на крики во дворе, гомон в горнице, и лишь когда вошел из сеней к нему в черную часть избы отец, он отложил кисти, вытер руки о фартук и взял протянутую отцом бумагу.

- Капитан ихний принес, сказывает, что в сей бумаге писано, что обид нам никаких учинено не будет... Прочитай. ты ить один средь нас грамотной...

Пока Василий внимательно читал, вошли еще несколько казаков, сидевших в их доме.

- Не врет офицер, написано, чтоб тесноты отпорщикам не чинить и вызвать полковника Немчинова в Тобольск для разговору,- сказал Василий,

возвращая фальшивую инструкцию отцу.

- Ишь, для разговору... Для какого разговору?

- О том не писано.

- То-то что не писано! Эх, кабы знать, что Иван Гаврилыч решил.

- Офицер сказал, что-де Ванька Падуша вышел и в дом свой ушел,- сказал Егор Гладской.

- Схожу к нему, узнаю, что к чему,- сказал Иван Казачихин.

Через час он вернулся, и после недолгих раздумий, отпорщики разошлись по своим домам.

Глава 32

За ночь все было приготовлено на случай Предстоящего штурма. За соседним ко двору Немчинова домом стояли на телегах бочки с водой, а солдаты заняли все дома вокруг двора Немчинова. Только дом Падуши не трогали. Батасов отложил штурм, когда услышал от Падуши, что отпорщики будут думать до утра.

А во дворе Немчинова не спали всю ночь, и к утру каждый решил, что делать.

Большинство надумали выходить. С полковником Немчиновым оставалось восемнадцать человек. Когда к воротам подошел поручик Маремьянов, с остающимися стали прощаться.

- Прости, Иван Гаврилыч, помоги те господь... Прощай, не держи обиды,- приговорил сотник Борис Седельников..

- Прощай, Борис Васильич! Обиды у меня ни на кого нет. Бог всем судья,- сказал Немчинов, и они, троекратно обнялись.- Спаси вас Христос!

Следом подошли сотник Петр Шатов, Иван Жаденов, Федор Терехов.

- Приготовил порох? - спросил Немчинов вышедшего во двор Андрея Ершова, тоже решившего жечься.

- Приготовил...

В это время раздался стук в ворота. Пришел присланный Батасовым поручик Маремьянов.

- Что, казачки, порешили?

- Порешили выходить...

- Вот то верно! Государь милостив!.. Открывайте ворота и выходите. Все, у кого какое оружие есть, у ворот бросать...

Казачки убрали дрова, которыми были завалены ворота, стали выходить. - Так, давай, давай по одному! Ружья оставляй!..

Полковник Немчинов вошел в горницу, где собрались все, решившие гореть. Ершов запер двери, Яков Заливин запалил берестяной факел, подал Немчинову и проговорил:

- Спаси Христос!..

Немчинов перекрестился на икону Спаса и шагнул за печь, к лестнице, ведущей в подклеть. Казачки запели:

- Владычице, прими молитвы раб своих и избави нас от всякие нужды и печали... Немчинов остановился на первой ступеньке и, не в силах : сделать ни шагу, бросил факел вниз. Тут же страшная сила ударила горячей волной и выбросила а горницу...

- Сорок семь, сорок восемь,- считал поручик Маремьянов, веселый и довольный, будто ему удалось уговорить отпорщиков выйти, - сорок девять...

Он поднял палец, чтобы посчитать следующего, но со двора никто больше не вышел.

- Где остальные?.. Где полковник?..- встревоженно закричал он и выхватил шпагу.

В это время раздался взрыв. Дом содрогнулся, будто приподнялся слегка, и в следующий миг угол сруби разошелся, и изнутри полыхнул огонь. Крыша наклонилась и осела на полуразрушенную стену. Сначала казалось, что огонь выплеснулся весь, и из-под развороченных бревен шел только дым, да витал в воздухе, оседая, сухой мох и клочья пакли. Но почти тут же появились языки пламени, и огонь, набирая силу, потянулся к близкой теперь уже крыше.- Воды! Воды! - завопил Маремьянов, когда прошло первое оцепененье, и кинулся к вышедшим отпорщикам: - К забору, сукины дети, к забору! - и шпагой по спинам... Васька Поротые Ноздри замешкался, и Маремьянов в ярости ткнул его шпагой в плечо, для острастки остальным. Но никто и не думал сопротивляться.

Крестились лишь, глядя на полуразрушенный дом Немчинова. Выскочили из-за соседних домов упряжки с бочками воды, бежали, оцетинившись штыками, солдаты, окружали вышедших... Трусил к дому полковник Батасов.

- Господин полковник, Немчинов в доме! Обманул, сказал, выйдет, - подбежал к нему поручик Маремьянов. Батасов не дослушал и крикнул пробежавшему мимо сержанту Даниле Львову:

- Сержант, заливать, заливать! Всех, кто есть, выносить!.. Живей! Живей!..

Но солдаты и так старались всюю - огонь к крыше не пустили. Солдат Исак Микулин подставил лестницу к окну в уцелевшей стене и, поднявшись, прыгнул внутрь с мокрым мешком на голове. Открыл дверь, и в горницу бросились солдаты с ведрами воды.

- Воду! Воду подавай! Живые есть! - закричал Микулин.

К двери, к окнам протянулись цепи солдат, и по ним из рук в руки полетели ведра с водой. Тут же другие выносили обожженных казаков из дома. Большая глинобитная печь почти вся разрушилась, приняла силу удара на себя и помешала принять смерть сразу.

Обгоревших выносили за ворота. На многих тлела одежда, многие были без памяти, а те, кто не потерял сознание, стонали от смертельных ожогов. Только пятеро могли идти сами, среди них был Андрей Ершов, с опаленными усами и бородой.

- Братцы, смилуйтесь, заколите, убейте!..- тянул к солдатам обожженную, в волдырях, руку Яков Заливин, другая черной головней лежала у бока.

- Этих арестовать,- кивнул, подойдя, полковник Батасов на уцелевших,- посадить врозь от вышедших!

- Который полковник Немчинов?
- Не ведаю,- пожал плечами Маремьянов,- обгорели сильно.
- Да вот он! Я его по одним костям узнаю, - сказал подошедший судья Верещагин.- Что, добунтовался, - пнул он Немчинова ногой. Тот застонал и чуть приоткрыт левый глаз, правый - лопнул и вытек,
- Отнести в канцелярию на допрос,- приказал Батасов.
- Казнить его! Казнить немедленно! Другим в устрашение...- закричал Верещагин. Он был пьян.
- Судья не мешай! Поди проспись!-сказал Батасов.
- Не мешай?.. Всех на к-кол, всех!.. Я должен их брать... По моей отписке ты здесь... На готовенькое пожаловал!
Полковник Батасов побледнел и свирепо прошипел:
- Уйди или заарестую!
- У-у у, - скрипнул зубами Верещагин.

Со всех сторон к дому Немчинова, вокруг которого еще суетились солдаты, добывая огонь, стекались люди. Полковник Батасов, опасаясь, как бы не отбили арестантов, велел народ близко не подпускать. Солдаты перегородили улицу. И сначала пацаны, потом и мужики полезли на крыши соседних домов и кричали вниз о том, что видели...

Фискал Семен Шильников прибежал к дому, когда огонь уже потушили. Увидев сержанта Островского, спросил:

- Все зажглись?
- Девятнадцать человек... Четырнадцать при смерти... И полковник, видать, помрет.

Шильников, подойдя к умирающим казакам, зашагал от одного к другому, глядя на их обожженные обезображенные лица. С каждым шагом лицо его все больше бледнело. Он остановился в смятении и нетвердой походкой пошел прочь. Дома достал полуштоф водки, выпил стакан и стал укладываться в дорогу, бормоча:

- Проклятая должность... Проклятое время!.. Господи, прости мою душу грешную!..

Жене, растерянно-вопросительно поглядывавшей на него, сказал:

- Кто спрашивать станет, скажешь, дескать, в Омску крепость поехал, амуницию повез тамошнему фискалу да служилым людям... Обожду, когда здесь тише станет...

Жена молча кивнула. Шильников велел своему человеку запрягать лошадь.

После взрыва Федька некоторое время неотрывно, будто окостенев, смотрел в слуховое оконце, затем ткнулся лбом в самцовые бревна и медленно, весь сотрясаясь, сполз на землю, которой был засыпан потолок дома Падуши. Час назад до этого они как всегда прибежали в дом Падуши и залезли на чердак.

Когда же казаки стали выходить, к ним поднялся и хозяин.Степка

попробовал, было, утешать своего друга, но, поняв скоро, что не поможет, стоял рядом с ним и растерянно смотрел на вздрагивающие плечи. Иван Падуша бросился к оконцу в продолжал жадно смотреть, что происходит вокруг дома Немчинова. И когда солдаты окружили вышедших, он оторвался от оконца, посмотрел на Федьку, хотел что-то сказать, махнул рукой и спустился вниз. В горнице увидел встревоженных Василия Кропотова и отставного солдата Архипова, прибежавших на взрыв.

- Че делать, Иван? - спросил Кропотов.

- Запираться надо немедля... Помогите три мешка муки перенести из амбара в дом...

Они перенесли муку. В это время солдаты стали теснить от дома Немчинова народ, и во двор Падуши вбежали сосед Калашников с женой и племянник полковника Немчинова Иван.

- Иван, дядька мой зажегся, а ты никак продался! - яростно крикнул Падуше племянник Немчинова.

- Не базлай! - осадил его Падуша. - Я запираюсь, в руки им не дамся... А вы, покуда солдаты не пришли, по домам ступайте...

- Мы с тобой остаемся! - сказал Кропотов, взяв за руку Дашутку.

Падуша чертыхнулся, вспомнив о Федьке со Степкой, и полез на чердак. Федька все также, уткнув лицо в колени, сидел недвижно и отрешенно.

- Ребята, уходите вам надо! Решил я засесть, а вы пробирайтесь в пустынь к Сергию, обскажите наши дела. Ты, Федор, держись... Ты мужик. Отцово дело продолжить должен! Ступай к отцу Сергию, ступай, парень... - ласково тронул его за плечо. Федька уткнулся Падуше под мышку.

- Ступайте, ребята... Бог весть, свидимся ли еще... Падуша перекрестил ребят и легонько подтолкнул их к лестнице:

- Задами ступайте, скорей, скорей!.. Солдаты могут быть!

Проводив ребят, Падуша вернулся в горницу.

- Мы тоже порешили с тобой быть, - сказал Архипов.

- Уж коли Иван Гаврилыч жизни не пожалел за веру истинную, не захотел к присяге за безымянного идти, то и мы страдать хотим, чтобы к присяге той не потянули... Дабы прощения у Господа за грехи наши вымолить.

- Оставайтесь, на миру и смерть красна,- сказал Падуша.

В ворота сильно застучали.

- А вот и гости никак пожаловали!

Василий Казачихин варил на печи-временке в огороде льняное масло для олифы, которой надлежало покрыть готовую икону, когда услышал взрыв. Вместе с братьями и отцом он побежал к дому полковника Немчинова и был там, когда из дома выносили обгоревших.

- Все сгорели? Все?..- спрашивал он всех вокруг потрясенно.- Все зажглись?

- Другие вышли,- ответил кто-то и показал на казаков, окруженных солдатами. Василий подошел к ним. С краю, зажав окровавленное плечо, сидел Васька Поротые Ноздри и пытался рукавом рубахи стянуть рану. Василий

бросился, было, помочь, но получил в грудь сильный удар прикладом фузеи, отступил и, пошатываясь, выбрался из толпы, зашагал к дому. Ворота дома оказались запертыми. Он застучал.

- Скорей! Запираемся, не дадимся подобно Ивану Гаврилычу! - отворив калитку, сказал отец.

- Отец, Богородицей заклинаю, не запирайтесь! Кому лучше станет, что зажгетесь вы? Кто лучше станет ли? Лишь слугам антихристовым радость!

- Душа спасется!

- Может ли душа спасенной быть, коли зло ею учиняется? Подумай, отец, не зло ли смерть твоя для меня, твоего дитяти, не зло ли она для внуков твоих? Многие казаки от полковника вышли, пошто же ты жечься хочешь? Никто покуда вас не трогает. Не придут солдаты! Не придут!..

- А вы че думаете по сему? - спросил Иван Казачихин старших сыновей. Те, потупив глаза, пожали плечами.

- Ладно, обождем...- задумчиво сказал отец.

Солдаты нагрянули через час. Увидев, как они скрутили руки отцу и братьям во дворе, Василий схватил свою икону и с криком выскочил во двор:

- Стойте, православные, не чините зла! Богородицей и Христом заклинаю!..

Христос нам повелел любить ближнего своего!..

Сержант Данила Львов махнул в нетерпении палашом, давая знак, чтобы взяли и Василия. Два солдата кинулись к нему. Василий вдруг поднял икону над головой и дико закричал, переходя на визг:

- Чудо, яви чудо!.. Усмири их сердца жестокие!.. Усмири!

Солдаты в нерешительности остановились, испугавшись преобразования Василия: глаза его сделались полубезумными, на черный клин бороды поползло с уголков губ пена.

- Не троньте его! - закричал, вырываясь, Иван Казачихин.- Блаженный он... Не в себе от рождения!

- Оставьте! - приказал сержант. - Ведите этих!

Василий опустил без сил на колени, сел на пятки, невидящими глазами проводил арестованных братьев и отца уронил голову на грудь.

Федька шел закоулками за Степкой, будто заведенный, чувствуя только руку друга. Останавливался, когда останавливался, прятался, когда появлялись солдаты, за угол дома или вовсе ложился вслед за упавшим на землю Степкой... Наконец они пришли к бане, под которой был степкин ход.

- Побудь тут, не высывайся... Погляжу, че за стеной,- сказал Степка другу.

Степка осторожно вылез из-под башни наружу, раздвинул крапиву и увидел: в двадцати шагах прохаживался солдат с фузеей на плече, двое других, тоже при оружии, собирали клубнику у подножия земляного вала. В саженьях пятнадцати от ближнего караульного видно было другого... Степка вернулся к Федьке под башню.

- По всему земляному городу, видать, солдаты стоят, сейчас не пройти...

Побудь тут, попробую харч добыть, а к ночи пробираться станем.

Степка вернулся в город, пробрался к своему дому, спрятался за угол сарая, и когда Варька вышла с ведром, тихо окликнул ее:

- Эй ты, отец дома?

Варька побледнела, схватилось рукой за грудь и покачала головой.

- Хлеб есть?..

- Утром пекла... На столе веко стоит, в ем...

- Гляди! - Погрозил ей пальцем Степка.

-Луку нарви да репы...

- Маленька еще.

- Кака есть! - повысил голос Степка и вошел в избу.

- Степка,- кинулся к нему навстречу братишка,- когда научишь из лука стрелять?..

- Научу, брат, научу... Вот в лес схожу по делу и научу, - сказал Степка, запихивая каравай хлеба в котомку. Вытащил из остывшей печи горшок с кашей, положил туда же...

- Скажешь ей, чтобы наварила...

В огороде Степка забрал у Варьки зелень: лук и пучок репы с головками чуть больше пули - и вернулся к Федьке.

- Ну, брат, теперь не пропадем! Ешь хлеб, кашу...

- Не хочу,- отвернулся Федька, продолжая лежать, как лежал.

- Ладно, после поедим. Бог весть, где еще поживиться удастся...

Темнота наступила раньше обычного: небо затянуло сплошными тучами.

Караульщики зажгли факелы, но свет от них до башни не доставал, и Степка с Федькой проползли благополучно к овражку, заросшему черемухой и ольшаником.

- Теперь на дорогу к Ложникову погосту, а там через два дня у отца Сергия будем.

Отмахиваясь от комаров, шли по дороге не таясь.

- Ох и темень, - сказал Степка,- в десяти шагах не видать... Отойдем подальше от города, ночевать станем, а при месяце так идти б можно. Во, кажись, выглянул!..

На миг в узком просвете мелькнул серпик луны, но этого мига было достаточно, чтобы Степка увидел впереди трех всадников и метнулся в сторону, продираясь через кусты. При этом он схватил Федьку за рукав и увлек за собой. Конный патруль служилых татар тоже заметил их, и они услышали топот копыт и крики:

- Тукта!.. Стой!..

Но друзья, миновав кусты, бежали меж белеющих стволов берез. Раздалось почти одновременно два выстрела, и Степка вдруг упал, увлекая за собой Федьку.

- Степ, ты че, Степ!..- тряхнул Федька обмякшее вдруг тело друга. В свете опять мелькнувшего месяца увидел блеснувшие чесночными дольками полуприкрытые глаза и все понял. Закусил ладонь и, сдерживая рыдания, уткнулся в грудь Степке. «Господи, за что, за что мне такое!..»

С дороги доносился говор:

- Малайлар?..
- Карарга иде?..
- Качтылар.

Глава 33

Полковника Немчинова внесли в Тарскую канцелярию и положили на лавку возле стены. Писарь Паклин приготовил чернила и бумагу и с любопытством тянул шею из-за плеча капитана Ступина. Поручик Маремьянов тряхнул Немчинова за плечо. Лицо полковника безбровое, будто голое, исказила гримаса боли.

- Поручик! - остановил его полковник Батасов.

- Прикажете дать ему водки, не подойдет,- сказал Маремьянов.

Сержант Островский влил полковнику Немчинову несколько глотков водки, и тот, приоткрыв обезресниченное слезящееся веко, прошептал, едва шевельнув губами:

- Добей, полковник... не мучай...

- Не стану мучить, коли говорить будешь. Указ его императорского величества о наследстве пришел в Тару какого месяца и числа? Комендант Глебовский тот указ в народе объявлял ли и к присяге призывал ли? Пошто ты к присяге не пошел?

- Месяца и числа не упомню, для того что грамоте не знаю... - прошептал, тяжело дыша, Немчинов. - И оной указ Глебовский мне и другим объявлял и к присяге призывал... А зачем не пошел к присяге, о том в ответном письме написано...

- Ответное письмо к коменданту приносил ли? - наклонился Батасов над Немчиновым.

- Кто то письмо писал и первым советовал к присяге не идти?

- Что к присяге не идти советовал...- полковник Немчинов перевел дыхание, - писал Василий Исецкий... А советовали все, кто в письме написаны...

- Поручик, - обратился вдруг Батасов к Маремьянову.- Взяли тех двоих, что до зажега вышли?

- Падушу? Нет...

- Взять немедля!..

Поручик Маремьянов выбежал из канцелярии. Полковник Батасов продолжил допрос.

- Велел ли комендант то письмо читать подьячему Андреянову пред народом, а прочитав, что велел сделать и ведал ли до подачи об оном письме?

- Читать велел... Прочитав, велел руки приложить... Прежде подачи комендант Глебовский о том письме не ведал...

Немчинов замолчал. Полковник Батасов исчез перед его глазами, и вместо него появился сначала неясно, расплывчато, а затем резко, будто в свете огня, мужик, зарубленный им восемь лет назад. Он внимательно и долго смотрел на

Ивана Гаврилыча, потом поманил к себе пальцем. Иван Гаврилыч тронулся, было, за ним, но все тело опалило огнем так, что не смог пошевелиться. «Господи, если я умер, пошто так больно...» Вдруг полил дождь, и мужик исчез...

- Никак оклемался, господин полковник, - сказал сержант Островский, поливавший водой из ковша лоб Немчинова.

- На другой день после того письма по Петра Грабинского калмыка Дмитрия посылал ли и за себя и за другого кого руку прикладывать велел ли? - наклонился снова над ним Батасов.

- К тому ответному письму... руку за себя Грабинскому прикладывать велел... А за кого другого он руку прикладывал, не упомяну...

- Когда в доме у тебя руки прикладывали к ответному письму, в то время Василий Исецкий и Петр Байгачев книги читали ли и какие? И толковали ли, что к присяге идти не надлежит?

- Читали... А какие книги, не упомяну... Толковали, что идти к присяге не надлежит.

- Комендант при Исецком, Падуш, Шевелясове и Жаденове говорил ли о присяге, пойдете или нет, как хотите?

- Такого не говорил... А говорил, как бы-де лучше... И говорил, чтоб ожидать нам указа из Тобольска...

Последние слова Немчинов произнес едва слышно, и писарь Паклин переспросил:

- Чего лучше, господин полковник, не разобрал я?

- Черт его разберет! - с досадой ответил Батасов. - Опять в беспамятстве. - Он зачерпнул ковш воды и плеснул на голову Немчинова, но тот не пошевелился.

Громыхнув дверью, ввалился поручик Маремьянов.

- Господин полковник, вор Падуш заперся в своей избе! С ним еще не ведомо сколько народу...

- Сатана! Чего говорит?

- Говорит-де, погляжу, что учинено будет над товарищи, кои вышли, и без указа из Тобольску, говорит, не выйду. Сказывает, что в погребу у него десять бочонков с порохом есть... Коли, говорит, брать будете, зажгусь подобно полковнику Немчинову.

- Доподлинно ли порох у них есть?

- Сие неведомо.

- Дом окружить солдатами, все строения вокруг обломать, еды и питья не давать... Покуда не штурмовать, проведывать, доподлинно ли сеть у них порох.

Полковник Батасов посмотрел на стенные часы: со времени взрыва прошло три часа. Он склонился над Немчиновым и побрызгал в лицо водой, пытаясь привести его в чувство. Но Ивану Гаврилычу не суждено уже было очнуться.

Ему осталось сделать только несколько шагов, чтобы оказаться в дверном проеме полыхающей избы, где стоял с черной от крови бородой мужик и манил его... Не было сил терпеть невыносимый жар от горящей избы в Иван

Гавриллыч старался изо всех сил сделать несколько последних шагов, хотя понимал, что там смерть.

Наконец, это ему удалось, он окунулся во всеочищающий огонь, мужик исчез, и душа его ощутила блаженную легкость... Он не знал, что длилось это ещё целых четыре часа.

Пока Немчинов дышал, полковник Батасов не отходил от него в надежде расспросить до конца о Глебовском. Он так и не уяснил для себя, была ли поноровка бунтовщикам от коменданта.

- Все отошел... Прости, господи, душу раба твоего...- сказал писарь Паклин, приложив ухо к груди Немчинова, и выпрямившись, перекрестился.

- Остальные обгоревшие живы ли? - спросил Батасов вошедшего капитана Нея и доложившего, что все арестанты в тюрьму не вошли и половину пришлось запереть в амбаре Немчинова.

- Трое покуда осталось, и те плохи, остальные передохли...

- Пошли, капитан, с капралом команду, пусть похоронят всех, да призови попа...

- Иван Титович, чаю, непотребно хоронить самоубийцев на христианском кладбище, - сказал капитан Ступин.

- Так похороните где-либо за городом, к примеру, у часовни...- устало сказал

Батасов. Вошел в кабинет, выпил стопку водки и позвал писаря Паклина.

- С расспросных речей полковничьих съешь копию для отправления в Тобольск и приложишь к ведению, что сейчас писать будешь... Садись, пиши: «В указе его императорского величества из Тобольска, из губернской канцелярий, который получен в Таре 29 дня, написано, - начал диктовать полковник Батасов,- велено к полковнику Немчинову послать и велеть его обнадеживать...»

И далее он с час диктовал обо всем, что случилось за этот день, 30 июня.

Глава 34

- Опять донос? - с любопытством уставился на провинциал-фискала Трофима

Замощикова губернатор князь Черкасский.- На кого?

- На коменданта Глебовского тарский житель Аника Переплетчиков доносит,-

ответил Замощиков.

- Переплетчиков? Не тот ли, что у судьи Верещагина на обеде кричал, что комендант изменник?

- Он самый...

- Ну?... Только покорооче, Трофим Григорьевич.

- Извольте экстракт доложить?

Князь Черкасский кивнул.

- Доношение от июня 10 дня да к тому доношению прибавление от июня 26 дня сего года... Аника доносит, будто комендант обо всем ведал и чинил

бунтовщикам поноворку из корысти, что-де его императорского величества уставу оной комендант явный изменник, что-де полковник просил у коменданта сроку с понедельника до среды, от среды до пятка и от пятка до недели, и в те означенные три срока оной полковник с товарищи в доме своем советовали и к коменданту ходили, у коменданта-де в горнице запирались и с тем полковником Немчиновым советовали же...

- Есть ли тому свидетели? - прервал его Черкасский.

- О том в дополнении от июня 26 дня писано...

- Читай.

- «Против доношения и в его пополнение о приходе его полковника Немчинова и других сотников и пятидесятников с товарищи к нему, коменданту Глебовскому, також и о призвании их к нему коменданту и о запирании в горнице и о сговоре за сукном ведает Тобольский неверстаный сын боярский Иван Степанов сын Шемелин, человек его коменданта Александр, денщики Гаврила Ивкин и Петр Вставской, сын боярский Иван Новодворский...» - тут Замощиков замялся, и, сидевший до этого молча, вице-губернатор Петрово-Соловово спросил:

- О чем у коменданта говорили, писано ли тут?

- Писано, что о том-де ведает подъячий Григорий Андреянов и оной-де подъячий у Верещагина говорил, что Глебовский чинит бунтовщикам поноворку.

- Александр Кузьмич,- обратился к вице-губернатору князь Черкасский,- велите секретарю Козьме Баженову составить указ, в коем повелеть всех вышеназванных Аникой людей выслать за крепким караулом в Тобольск, в дороге не давая собираться вместе...

- Чаю, Алексей Михайлович, надобно и Анику взять, ибо дело касается по второму пункту об измене.

- Непременно взять - доносчику первый кнут... Коли не откажется, пытатель остальных... Все дела на сегодня? - обратился Черкасский к полковнику Сухареву.

- Никак нет... Челобитная от тарских жителей, коих мы с июня 5 дня после подачи отписки от земского судьи Верещагина держим под арестом.

- Кто поименно?

- Неверстаный сын боярский Михаил Чередов, служилый человек Федор Зубов с товарищи...

- Читай челобитье Чередова.

- «Сего 722 году марта 2 дня по указу его императорского величества отправлен я был с Тары в Тобольску за рекрутными солдаты. И прибыл с теми рекрутными солдаты того ж 722 году апреля 4 дня и получил его императорского величества указ в Тобольске о присяге, и у присяги был и рукою своею подписался. А какие мои сродственники есть в Таре, у присяги были или нет, того не знаю, а ныне сижу под арестом и помираю голодом. Прошу вашего императорского величества, дабы повелено было указом меня из-под аресту освободить, чтоб мне, сидя под арестом, голодом не помереть.

О сем доносит тарский неверстаный сын боярский Михаиле Афанасьев

сын Чередов».

- Сего Чередова удержать покуда за караулом, понеже от дворян Чередовых и от полковника Немчинова бунт пошел... Кто следующий?

- Сын боярский Иван Немчинов Стефанов сын... Пишет, что прибыл в Тобольск мая 13 дня помолиться пресвятой Абалацкой богородице и сейчас просит освободить его с обвахты... Из Тары же выехал 3 мая, там бил челом, чтоб отпустили...

- Оной Немчинов - племянник главного бунтовщика,- напомнил вице-губернатор.

- Для того, что он племянник полковника Немчинова, удержать его за караулом, - приказал князь Черкасский.

- От Федора Зубова с товарищи четыре человека доношение. Пишет, что взяты они после подачи отписки судьи Верещагина и сидят на обвахте по сей день, просит освободить...

- Кто товарищи его?

- Алексей Маладовский, Дмитрий Краснояров, Иван Сушетанов...

- Маладовского, помню, расспрашивали, остальных расспросить, коли к присяге идти готовы, отпустить.

- Дмитрий Краснояров показал при расспросе, что у присяги был, что-де прибыл для свидания с братом гобоистом Санкт-Петербургского полка, а по справе коменданта Глебовского оной Краснояров у присяги не был, - сказал полковник Сухарев.

- Допросить Дмитрия Красноярова с пристрастием!.. По остальным подать указ.

Указ об освобождении Федора Зубова, Алексея Маладовского и Ивана Сушетанова был подписан Черкасским только через неделю, 6 июля, ровно через месяц после ареста.

Дмитрий же Краснояров на допросе с пристрастием после нескольких ударов Яковлева повинился и показал, что он у присяги не был, глядя на других, и отказался, потому что наследник безымянный, и из Тары уехал специально, чтобы не присягать, обрекая себя тем самым на дальнейшие муки.

Глава 35

Ветрено. Сыро. Драной волчьей полстью накатывает от Аркарки низкая моросливая туча, почти задевает за деревянный крест на соборной церкви и, сыпанув мелкими брызгами на ее замшелый деревянный куполок, течет алыше, а следом - нет и просвета - другая, и так с утра непрерывной чередой.

Во дворе Немчинова, окруженном по-прежнему солдатами, многолюдно. Дом, как и хозяин, смертельно обгоревший, с черной крышей, сползшей чуть не до земли, уже не дымится, и лишь струйки пара еще кое-где выются из-под обгорелых бревен сруба. Клювы кокор, поддерживавших желоб, куда упирался нижний слой кровельного дранья, сломались, и дранина расплзлась, образуя в крыше прорехи и дыры,- это полуденный скат. Северный же цел и прикрывает собой остатки дома.

Ночью умер последний из четырнадцати обгоревших страдальцев, и сейчас отец Афанасий совершает по умершим литию. Лицо его страдальчески морщится оттого, что выпала ему такая тяжкая доля - провожать в последний путь не во храме и не по чину, почти без родственников покойных.

Отец Афанасий читает заупокойную молитву, а следом идет старушка с тряпицей и убирает скопившуюся в глазницах покойных дождевую воду.

- Боже духов и всякия плоти, смерть поправый, и диавола упразднивый, и живот миру твоему даровавый, сам, Господь, упокой души усопших раб твоих Ивана... Якова... Андрея... Григория... Бориса...

Шаг - имя, шаг - имя, машет кадильницей отец Афанасий над головами покойных. Разносится по двору запах ладана. Шаг - имя, шаг - имя...

Четырнадцать шагов... Слезит око отца Афанасия...

- ...В месте светле, в месте злачне, в месте покойно отбеже болезнь, печаль и въздыхание, всякое согрешение содеянное ими, словом или делом, или помышлением, яко благий человеколюбец бог, прости. Яко несть человек иже жив будет, и не согрешит, ты бо един кроме греха, правда твоя, правда во веки, и слово твое истина...

Порывистый ветер то и дело бросает кадило из стороны в сторону, мешает кадить по чину: два раза вперед, один - поперек. Будто гневается на кого-то небо...

Немногочисленные родственники и знакомые пропели по знаку отца Афанасия:

- Со святыми упокой, Христе, душу раб твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни въздыхания, но жизнь бесконечная...

Отец Афанасий возгласил «Вечную память». Подобие панихиды кончилось. Не обращая внимания на родственников, тесня их, солдаты погрузили покойных в повозки и повезли под охраной к часовне возле кладбища, чтобы предать их земле, положив лицом к востоку. Но не всем телам суждено было еще обрести этот покой...

Ранним утром следующего дня жена тарского дворянина Якова Чередова вышла за ворота своего двора, вскрикнула в страхе и, мелко крестясь, вернулась, было, в дом, но вспомнив, что в доме мужиков никого нет, кинулась к соседу, подьячему Сабурову.

- Лександр Петрович, что же это деется на белом свете! - запричитала она, всхлипывая и утирая слезы кончиком платка, повязанного поверх кокошника.

- Че стряслось, суседка?

- Там... Там...- показала она трясущейся рукой за спину.

- Че там? Говори толком! - начал сердиться Сабуров.

- Иван... Г-гаврилыч...

- Какой Иван Гаврилыч?

Сабуров выбежал на улицу и невольно перекрестился. Напротив двора Чередова на пике возвышалась голова полковника Немчинова. Чуть дальше вдоль улицы страшными флюгарками торчали руки и ноги, и против дома Ивана Жаденова на колу сидело обесчлененное туловище. Сабуров вернулся

домой.

- Святотатство какое, Михайловна! - сказал он Чередовой.- Пойду до полковника Батасова. Узнаю, не по его ли это указу... Да нет, Иван Титыч не мог велеть... Ступай куда, посиди с моей бабой...

Сабуров вышел со двора и засеменил, поминутно оглядываясь, к канцелярии.

На полпути его вдруг окликнули. Он остановился, но никого на улице не увидал.

- Войди во двор, - услышал из приоткрытых ворот Никиты Ефтина.

- Чего тебе? - с опаской спросил Сабуров. - Войди, не бойся... Сабуров вошел в калитку.

- Чаю, доложить о злодействе торопишься и узнать, чьих рук дело?

- Ну... Тебе что?

- А то не узнать вам... Нечисти силы кругом расплодилось, дьявол миром правит...

- Зачем звал? - прервал его Сабуров.

- А затем, что я ведаю, кто святотатство свершил...

- Ну!..

- Не нукай, не запряг!.. Шел я улицей после полуночи от Семена Радионова.

Корова, вишь, у него плохо доиться стала... Мои ж чары после полуночи силу и действие имеют... Дело пустяжное было, опять доиться будет... Прочитал я наговор и домой иду. Слышу, телега катит... Время позднее, я схоронился у забора. Гляжу, супротив дома Чередова стали. Аккурат месяц выглянул, я его и узнал...

- Кого?

- Его, судью Верещагина... Он этому делу начальник был, с ним еще трое, их не разглядел. По походке так один вроде Шлеп-нога, врать не стану... Ты только не говори никому, что от меня узнал. Полковник уедет, а Верещагин останется, со свету сживет... Сейчас домогается, кричит, ты со своего колдовского доходу десятую часть мне отдавай... А какие тут доходы!

Полковника Батасова Сабуров застал на месте в канцелярии. Тот просматривал списки, поданные писарем Паклиным, вышедших из дома Немчинова и выписывал тех, кого надлежит расспросить в первую очередь.

- Господин полковник, Иван Титыч, дело непотребное, неуютное богу и государю нашему сотворено.

- Ну!

- Тело полковника Немчинова расчленено и по улице на пиках и кольях растыкано...

- Его ж вчера схоронили!

- Ночью из могилы, прости господи, извлекли и расчленили.

- Кто посмел? Ну! - хлопнул ладонью по столу Батасов.

- Судья Верещагин и его люди...

- Собака! Откуда сие ведаешь?

- Один человек сказывал, видал...
- Кто?
- Просил не говорить, судьи убоясь...
- Кто, я спрашиваю! - яростно закричал полковник.
- Никита Ефтин, за колдуна у нас слывет...
- Иди за мной!

Батасов вышел на улицу и быстро зашагал к канцелярии земских дел. У порога, увидев Анику Переплетчикова, сердито спросил:

- Судья тут?
- Тут, тут, господин полковник,- сделал Аника стойку и вошел следом за Сабуровым.

- Ты тело Немчинова расчленил и по кольям растыкал? - раздувая ноздри, подступил к судье полковник Батасов.

- Я. Так что из того? - встал с кресла судья и посмотрел на полковника Батасова насмешливо сверху вниз. И тот, едва сдерживая ярость, проговорил:

- Для чего сие учинил?
- В устрашение другим, чтоб не повадно было против государя бунтовать!

Всех их на кол пересажать!

- А ежели в таком разе все жители разбегутся, кто их имать будет, ты? По данной мне в Тобольске инструкции озлобления среди жителей чинить не велю! Пошто мешаешь вести розыск, как подобает?

- Вот и веди, как подобает! - прошипел Верещагин.- Чтоб другим не повадно было! А то скоро поноровку изменникам чинить начнешь! Падушу пошто упустил и дал запереться?

- Думай, че болтаешь, судья! - схватился угрожающе за эфес шпаги Батасов.- Коли еще раз будешь лезть не в свое дело, арестую.

- Кого? Меня! Да я вот пошлю еще губернатору, пошто ты до сих пор не отправил ему главных заводчиков и возмутителей Василия Исецкого и Дмитрия Вихарева! Гляди, полковник, кабы самому под арестом не быть! Кабы я вел следствие, а сие было б по справедливости, для того что по моей отписке ты тут обретаешься, то у меня бы все изменники давно изловлены были. А ты главного зачинщика Петра Байгачева не ищешь!

- Байгачева мои люди ищут. А розыск чинить буду по данной мне инструкции... Не мешай!

Батасов с Сабуровым вышли. Верещагин процедил сквозь зубы:

- Сабуров доложил, падла! Ниче, сочтемся еще...

Вернувшись в канцелярию, полковник Батасов приказал писарю Паклину:

- Готовь отписку в Тобольск для отправки колодников Исецкого да Вихарева да напиши, что отправляю пушки, канонеров, ибо нужды в них нет. Господин поручик, - обратился он к Маремьянову,- изволь приготовить капрала да солдат... Да пошли ко мне капитана Ступина.

Когда Ступин пришел, Батасов приказал ему:

- Господин капитан, возьмишь фальшивую инструкцию и попробуй уговорить выйти Ивана Падушу и засевших с ним...

Глава 36

Под утро перед восходом солнца Василий Кропотов сменил у дверей в сенях Архипова. Дозор приходилось держать день и ночь, дабы не проспять внезапный штурм. В просверленную буравом в двери дыру следили за тем, что делалось во дворе, и если кто из солдат подходил близко к дому, кричали, чтобы те убирались, и грозили сжечься. Василий прилег на портище, посланное у двери, и заглянул в дыру, круглую, будто сучок вытащили. На дворе никого не было. Василий потянулся, чувствуя в мышцах истому и тоску по движению и работе. Вздохнул, подумав, что трава поспела и сейчас бы ее в самый раз покосить. Или вскочить на гнедка да поскакать бы к Иртышу по колено в слоистом тумане. Василию казалось, что, за месяц сидения он понял, как хороша жизнь, и кончись все ладно, так радовался бы во сто крат сильнее каждой травинке... Отворилась дверь, из горницы вышла Дашутка.

- Ты че?

- Душно, не спится...

- Посиди тут со мной.

Дашутка села рядом, склонила ему голову на грудь.

- Вася, долго еще сидеть будем?

- Бознат, покуда указа не будет...

- В еде ведь скоро оскудение выйдет, муки осталось с иуда три, рыбы сушеной с пуд, а вода вовсе кончается, так холодной с колодца испить хочется... А вовсе кончится, что тогда?

Василий не ответил, только обнял жену за плечи и притянул к себе.

- Солнце взошло, - сказала задумчиво Дашутка, глядя на луч света, упавший из просверленной в двери дыры,

- Вась, че я тебе сказать хочу...

- Ну?..

- У нас дите будет...

- Верно? - обрадованно привстал Василий.

- Верно,- смущенно опустила глаза Дашутка и прижалась к нему.

- Назовем его Федором в честь деда, лады?

- А ежели дочка...

- Не-е, парень должен быть, а ежели девка, Дарьей наречем. Будет у меня две Дашутки,- поцеловал Василий жену в переносицу. Но тут же, услышав во дворе шаги, прильнул к глазку. Возле дома увидел капитана Ступина и пятерых с ним солдат.

- Эй, вы там! - закричал Ступин.- Выходите, зла вам чинить не станут. О сем имею инструкцию из Тобольска.

- Подойди к окну, только без солдат! - крикнул Василий и вошел в горницу. Иван Падуша, услышавший шум, уже встал.

- Иван, инструкцию какую-то принес офицер...

- Ладно, поглядим!..

Капитан Ступин застучал в окно. Иван Падуша взял инструкцию,

просмотрел ее и сказал ухмыльнувшись:

- Сию инструкцию мы уже видели.

Он вернул инструкцию капитану Ступину и сказал:

- Сей указ не по нашей челобитной и до нас не касается. Желаем видеть указ его императорского величества по нашему ответному письму. Покуда такового указу не будет, я от своего дома не пойду... А ежели штурмовать начнете, порошу у меня в подполье десять бочонков.

- Дурак! Все одно без воды и без жратвы передохнете, выходите, покуда указ милостивый от губернатора есть.

- Ступай и передай полковнику, че я говорил!..

Капитан Ступин ушел.

- Иван, вода кончается,- сказал Василий Кропотов.

- Знаю, доставать надо... Дожди вон частые какие...

Бог даст, снова скоро польет, с поток кровельных воду брать можно.

- Как возьмешь, не выйти ведь за дверь-то...

- Бери топор,- сказал Падуша и полез на чердак.

- Вот тут внизу в трех самцовых бревнах прорубишь, к шесту ведро приладим, и до конца желоба достать можно!

- Верно! - обрадовался Кропотов. - Так руби, че стоишь!

Через два часа дыра была готова. Падуша сбросил связки веников, висевших на шесте, и прцрязал к концу его долбленое ведерко. Примерился. Шест оказался длинным. Василий отсек лишнее.

Ночью полил дождь. «Бог нам помогает, ишь как льет!» - бормотал Падуша и подставлял ведерко под хлещущую с конца желоба струю воды. Когда ведерко наполнялось, Василий помогал переливать воду в кадушки и бочонки.

Глава 37

Секретарь губернатора Козьма Баженов в зеленом потертом на локтях до блеска камзоле вошел в кабинет губернатора, где, кроме стольника, сидели еще вице-губернатор Петрово-Соловово, полковник Сухарев и председатель надворного суда князь Козловский, достал бумагу из пакета и стал читать по знаку Черкасского отписку для Сената:

- «Всепресветлейший державнейший император и самодержец Всероссийский Петр Великий, Отец Отечества, государь всемилостивейший.

В нынешнем 722 году марта 24 дня по присланному вашего императорского величества указу велено, как духовного, так и военного и гражданского без изъятия всякого чина людей, кроме крестьянства, по объявленному вашего императорского величества о наследстве уставу, присягу чинить. По которому, ежели ваше величество по своей высокой воле и по воле правительствующего Государя Российского престола, кого похотят учинить наследником, то в их величества воле да будет, и потому вашего императорского величества указу и по присланным печатным уставам и присягам в Тобольску присягу учинили. А в города Сибирской губернии

посланы обер и ундер офицеры, и с ними по печатному уставу и присяге для приводу по вышеписанному вашего императорского величества указу, в том числе на Тару ундер офицер Иван Островский. Июня 5 дня сего 722 году писал с Тары судья Верещагин, что тарские грацкие жители к присяге не пошли, а возмутил де ими Тарский полковник Иван Немчинов с товарищи. Июня 6 дня отправлено на Тару триста человек солдат да два капральства гренадеров с обер и ундер офицерами сухим путем и двести человек служилых татар водой. А за ними отправлен полковник от лейб-гвардии капитан Батасов. А что ему ведено чинить, что пониже писанное число учинено, тому при сей отписке приложен экстракт, и впредь что будет чиница, о том писать будем. И в Москву в военную комиссию писано, и экстракт послан сего ж июля 11 дня, и сию отписку ведено подать в кабинете вашего императорского величества.

Вашего императорского величества низжайшие рабы князь Алексей Черкасский Александр Петрово-Соловово. Секретарь Козьма Баженов».

- Экстракт готов ли? - спросил князь Черкасский, когда Баженов кончил читать.

- Готов, ваше сиятельство, на десяти листах. Извольте слушать?

- Не нужно. Александр Кузьмич, посмотрите, и можно отправлять. Только доложите, с кем послано будет... Теперь подай-ка последнюю отписку полковника Батасова о зажеге Немчинова. Баженов открыл папку, достал бумагу, подал губернатору.

- Жаль, жаль, верно, жаль, Александр Кузьмич, что ушел от нас главный бунтовщик!.. Теперь докладывать государю без опаски можно, что бунт нами усмирен!

- Ты, братец, - обратился Черкасский к Баженову, - заготовь два указа. Полковнику Батасову надобно отписать, что колодников Исецкого и Вихарева получили и чтоб засевавшего Падушу взять непременно живым, ибо он по делу коменданта Глебовского среди главных свидетелей будет... Кормовые на пропитание Исецкого и Вихарева выделены ли?

- Выделено по четыре деньги, - ответил полковник Сухарев.

- Хорошо, хорошо, сих колодников беречь покуда надобно, - усмехнулся князь Черкасский.

- Называл ли государя на базаре антихристом? Толковал ли, что к присяге идти не надлежит? - допытывался уже в который раз вице-губернатор Петрово-Соловово у висящего на дыбе Дмитрия Вихарева.

- Непристойных слов против императорского величества не говаривал... И ни от кого не слыхивал... - упрямо шептал Дмитрий Вихарев разбитыми губами.

- Софрон Бурнашов показал на тебя судье Верещагину, что говорил ты, будто кто к присяге пойдет, того в посты мясо есть заставлять будут, так ли?.. И пошто сам у присяги не был?

- К присяге не пошел для того, что имя наследника не упомянуто, и советовали о том полковник Немчинов, Исецкий и Байгачев... Что мясо в посты едят в Санкт-Петербургском полку, слышал я от проезжих в Тобольск драгунов в прошлом годе в великий пост...

Заплечных дел мастер Яковлев отмерил висевшему пять ударов, и вице-губернатор, схватив Вихарева за бороду, задрал ему голову вверх:

- Говори, ведал ли комендант Глебовский о противном письме до подачи? Ты то письмо подписывал ли?

- Отпорное письмо я не подписывал... грамоте не умею... И никому за себя руку прикладывать не веливал... А о противности ведал ли комендант до письма, ни от полковника Немчинова, ни от кого другого не слыхивал... Только слыхал, что давал комендант срок до воскресения и требовал сказать, пойдут они к присяге или нет...

- Пустынника Сергия видал ли на Таре?

- Не видал, и у кого он был, не ведаю...

- К присяге готов ли пойти?

- Пойду, ежели бороду у меня брить не станут...

По знаку Черкасского, наблюдавшего за расспросом сидя за столом, Дмитрия Вихарева увели. Его место на виске занял Василий Исецкий.

Второй месяц пошел, как не выходил он из тюрьмы. Щеки его ввалились, и только черные глаза смотрели по-прежнему ясно. Суставы в плечах, вывернутые на виске в Таре, еще не зажили, и когда Яковлев потянул стянутые в хомуте за спиной руки вверх, Исецкий потерял сознание. А затем будто на волнах закачало: память то покидала его, то возвращалась... Боль была такой, что он жалел, что не может убить себя так же, как полковник Немчинов. Пришли мысли: «Разве я им не все показал... Теперь уж все одно...» И он заговорил быстро, с хриплым придыханием, говорил, лишь бы скорей избавиться от этой боли, пронизывающей грудь. Да, видел Островского... напоил его у Лоскутова вином... сняли копию за двадцать алтын и за лисицу... старец Сергей в пустыне, а где, не ведает... Да, толковал у Немчинова книгу Кирилла Иерусалимского... говорил, что к присяге идти не надлежит... толковал, что последнее время пришло, за безымянного велят крест целовать... ныне-де не объявлено, а после явится антихрист... Отец духовный у него отец Сергей... Нет, про Сергия не надо... Где он, не ведает... Глебовский не знал... ничего не знал...

- Все, обеспамятел вовсе, бить нельзя, сдохнет, - сказал Яковлев.

- Ладно, оставим его недели на две, - сказал Черкасский,

- Александр Кузьмич, видно, пустынники в этом деле не последние...

Надобно написать полковнику Батасову, дабы порасспрашивал о них отпорщиков, особо о старце этом, Сергие. А мы, сейчас узнаем у митрополита, не ведает ли владыко о нем...

Они направились из пытошной избы к Софийско-Успенскому собору. Люд, толпившийся у храма, с поклоном расступился перед губернатором и вице-губернатором. Они пошли по Софийскому двору к архиерейскому дому.

Митрополит Антоний готовился к службе, облачался в золоченую парчовую рясу.

Поздоровались с ним.

- Проходите в залу, дорогие гости, сейчас винца велю подать.

- Мы ненадолго, владыко... Пришли спросить, не знал ли ты некоего

старца Сергия?

- Старца Сергия?.. Владыко Филофей знавал одного старца, токмо не ведаю, тот ли вам нужен...- сказал митрополит и грузно опустился в оббитое бархатом кресло.

Слуга на подносе принес хрустальный графин с вином.

- Так что за Сергия знавал владыко? - спросил губернатор.

- Жил в Аремзянской слободе года с три тому некий Сергий...

Богослужebные книги знал добре... Да в толк впал: то ему икона не так писана, то вокруг купели не так водишь, словом, раскольщиком оказался оной Сергий... Посадил владыко его в подвал для вразумления, да он бежал неведомо куда...

- Похоже, Александр Кузьмич, это тот самый Сергий и есть, - сказал князь Черкасский, отпив глоток вина. - Надо бы его изловить...

- Найдем, Алексей Михайлыч, найдем, никуда не денется.

Глава 38

Отслужив обедню, старец Сергий отдыхал на топчане в своей келье, сняв лишь полотняную ризу, и слушал «Историю об отцах и страдальцах соловецких», которую читал вслух, сидя у окна, Петр Байгачев:

- «...Малым днем пришедшим, елма скорби царя зело участиша, паки посылает к патриарху, паки призвав молит и увещевает, еже простити Соловецкия отцы, еже оставити чудотворцев небоязненно жити...»

Послышался стук в дверь, вошел келарь и доложил, что праздничные хлебы по случаю Ильина дня готовы.

Байгачев отложил рукописную тетрадь с историей о Соловецких страдальцах, помог Сергию надеть ризу, и они пошли в часовню. Там стояли два больших каравая на медных блюдах, испеченные келарем. Вокруг толпились келейники и прочие пустынножители. Отслужив часы под пенье собравшихся, старец Сергий освятил хлебы, взял одно блюдо с хлебом и понес в столовую. Байгачев взял второй хлеб, и уже за ним с пением тронулись собравшиеся. В столовой отец Сергий разрезал на мелкие куски хлеб, ударил в медную чашу. Пустынники расселись по скамьям вдоль длинных столов, и келарь стал раздавать всем по кусочку, приговаривая, чтоб ели не уронив ни крошки, а ежели было у кого сонное какое искушение, чтоб тот хлеба не ел...

Трапеза была в самом разгаре, когда в столовую вошел старец Филипп, пришедший из соседней на Ишиме пустыни. Перекрестившись, он пожелал всем здравия и подошел к отцу Сергию.

- Беда, отец, в Таре приключилася, пришли солдаты, полковник Немчинов заперся и зажег учинил...

- О сем я ведаю, после того немалое число людей с Тары в скит мой прибегло...

- Малец со мной, парень немчиновский...

- Где он? Как к тебе пристал?

- Тут, на порожке сидит. Уж с неделю в моем скиту живет, заплутался он, голодный на пустынников моих вышел, кои дрова рубили, все дни молчит,

вроде как не в себе...

- Зови сюда...

Старец Филипп вышел и вернулся с Федькой.

- Христиане, отцы благочестивые и пустынножители! - подняв в руке благословенный крест, воскликнул отец Сергей.- Зрите сего отрока, зримо яко ангела, сына страдальца тарского Ивана Гаврилова сына Немчинова, кой дом свой огнем пожег и смерть от огня приял. Со святыми упокой, Христе, душу раба своего иде же несть болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь вечная... О сердцеведче господи! Виждь злобу кровопивцев безбожных, порази их стрела гнева твоя... Братья, зрите лик отрока, божьим промыслом в нашу обитель направленного! Зрите, христиане, да укрепятся души ваши в страданиях, да не сробеют сердца в гонениях... Воспоем и помолимся...

Отец Сергей положил руку Федьке на голову. Все поднялись и, крестясь, запели:

- Господь просве-ще-ение мое и спаситель мой ко-го-о убою-юся? Господь защититель живота моего, от кого устра-шу-уся? Внегда приближа-атися на мя зло-обующим, еже снести плоти моя, оскорбляющия мя, и врази мои, тии изнемогоша-а и падоша-а...

Федька вдруг залился беззвучными слезами, чувствуя на голове чуть подрагивающую ладонь отца Сергея. Слезы очищения застилали глаза, и вместе с тем пришло вдруг нежданное облегчение и ощущение любви к этим людям, объединенным праведным словом старца и любовью к нему, Федьке. Захотелось вдруг проникнуться этим словом, чтобы нести его всегда в себе и открывать другим...

С каждым днем прибывало в пустыне Сергея число людей из Тары и уездных деревень. Приносили нерадостные вести. Не только келий, но и просто крыши над головой на всех уже не хватало. Люди строили землянки на склоне оврага, ставили балаганы, крытые лубом и берестой. Отец Сергей читал проповеди, толковал знамение о кончине мира, о пришествии антихриста, готовил обитель, на случай прихода солдат, к сожжению. В часовне, в столовой, в келейной - всюду было наготовлено сухого сена, смолья, бересты... Укреплялись ворота и тыновая ограда вокруг скита. Люди - а их было уже около двухсот человек - готовы были сгореть, но не даваться антихристовым слугам.

Старец Филипп поведал Сергию, что и в его обители люди страдать готовы, и у старца Софония на Иру тоже.

- Да, слышал я, - говорил перед отъездом он Сергию,- что прибудет к нему, Софонию, для проповеди известный древлецерковной веры учитель и рудознатец Иоан Семенов...

- Вот и ладно.

- Не ведаю токмо, что в скиту у Смирнова деется... Он хоть и новокрещен, а все ж старой веры держится...

- Смирнову я отпишу, он в страдании от нас не отколется, хошь и трудный человек, прости его господи...

Глава 39

Допросы... Допросы... Весь июль полковник Батасов вел их и с пристрастием в пытошной избе, где бывать не любил, и без виски в канцелярии. Перед отправкой в Тобольск арестантов всех надобно было допросить. А арестантов немалое число: к тремстам подбирается. Допрашивать надо было не только вышедших из дома Немчинова, не только подписавшихся под письмом отпорным, но и тех, кто под письмом не подписывался и у присяги не был. Последние отвечали обычно, что были в отлучке: кто за дровами, кто в Тобольск за хлебом, кто вверх по Иртышу за солью... Таких Батасов, коли противности не было, приводил к присяге и отпускал.

К середине июля было приведено к присяге более 1600 человек.

Из подписавших отпорное письмо разысканы были не все, арестованные же отвечали в большинстве, что подписались, глядя на начальных людей, и отому, что имя наследника не означено. Если к присяге идти они были согласны, таких полковник задерживал до указа из Тобольска и писал в отдельный список.

А вот из сидевших с полковником Немчиновым не многие повинились. Лишь пушкарь Иван Третьяков да знаменщик Алексей Усков сказали, что не пошли, глядя на начальных людей. То же сказал ямщик Сергей Лосев. С полковником-де сидел случайно, пришел к нему по плотницкую снасть и остался, а гореть не хотел. Остальные же стояли на своем: коли имя наследника помянуто не будет, к присяге не пойдут. Таких полковник Батасов держал под арестом, готовя к оправке в Тобольск. Но прежде хотелось изловить одного из главных возмутителей, Петра Байгачева. За Байгачевым он послал сержанта Данилу Львова и пятерых солдат на Карасук.

От жены Байгачева Маремьяны узнал в расспросе, что было от мужа ее два письма в начале июля с Иваном Кубышевым, а в последних числах пришел к ним в дом гуляющий человек Ефрем и привез от мужа письмо в том, что живет-де он в пустыне и велел сына своего туда прислать.

Арестованный сын Матвей сказал, что отец будто живет в пустыне на Карасуке. Досадовал Батасов, что так и не узнал, известно ли было коменданту о противности до письма. Теперь же готовил его и арестованных подьячего Андреянова, Анику Переплетчикова, денщиков к отправке, тем паче, что из Тобольска пришел повторный указ доставить коменданта и людей, указанных в доносе Аники, в Тобольск.

С провиантом в городе становилось все хуже и хуже. Батасов распорядился выдавать вместо хлеба ячмень. Солдаты и особенно служилые татары требовали денежное жалование. Кое-что им Батасов выплатил, продав с торгу, кто больше даст, имущество из запечатанных домов колодников. Домов таких набралось уже более двух десятков. Но те деньги помогли ненадолго.

Гора с плеч упала, когда 17 июля прибыл на дощаниках капитан Унковский. Он привез денежное жалование и провиант на месяц. Задержавшись на неделю в Тобольске, Унковский получил нужные бумаги, по

дела с лисицей решить не успел. Два раза пробовал встретиться с Замощиковым, но тот увильнул, и Унковскому пришлось обещать за лисицу из посольской казны. Постояв в Таре три дня, посольство отплыло далее.

Через четыре дня Батасов получил от Унковского отписку, что встретился ему казак Василий Савков, который ехал в Тару из Омской крепости и сказал ему, что у Железинки перевезлась через Иртыш казачья орда в пятьсот человек и пошла-де в Барабу, и ему-де, Унковскому, ехать стало небезопасно, поскольку конвой мал и «что учинитца над ним или над лошадьми, то-де его императорского величества интерес утратитца немало». Батасов срочно отправил нарочного в Омскую крепость с отпиской коменданту, дабы по возможности направить служилых людей на лошадях для оберегательства.

Наконец, решили отправлять первую партию арестантов в Тобольск. Проверяли еще раз кандалы, заковывали тех, кто еще не был закован. Караульные солдаты получали провиант на восемь дней, сколько занимает путь водой до Тобольска, писарь Паклин, подьячие Сабуров и Резанов просиживали допоздна, снимая копии расспросов.

К утру 27 июля все было готово, и арестантов в плотном окружении солдат повели к пристани на Иртыш, где стояли для них девять больших лодок. В колонне арестантов шли самые уважаемые в городе люди: дворяне Чередовы и Иван Бородихин, сотники Борис Седельников, Петр Шатов, Яков Петрашевский, пятидесятники Иван Белобородов, Иван Жаденов, Гаврила Быков, Василий Сборщиков, Никифор Перфильев, дети боярские, конные и пешие казаки, тут же с опущенной головой шел комендант Глебовский и жена полковника Немчинова Катерина...

Весть о том, что уводят арестантов, мигом облетела Тару. Колонна еще не вышла за городские ворота, когда мальчишки забегали вдоль конвоя, высматривая родню в толпе арестантов.

- Тятя! - раздался пронзительный крик, и Федор Терехов, шагавший с краю, невольно подался, было, на голос сына. Но в грудь ему тут же уперся штык.

- Назад!

Терехов, опустив голову, зашагал дальше. А народ все прибывал. На пологом спуске бабы догоняли колонну, совали узелки с едой, утирая глаза концами платков, выли в голос по кормильцам, коих будто татей уводили неведомо куда, неведомо за какие вины... С любопытством поглядывали, выйдя из юрт, татары и бухарцы за посадом. Один бухаретин, показывая редкие желтые зубы, взирал с верблюда на процессию с недвижной полуулыбкой...

- К лодкам не подходить! Не подходить! - размахивая шпагой, кричал в толпу поручик Маремьянов. Солдаты, встав цепью, не пропускали людей к воде.

Арестантов рассаживали в лодки по восемь-девять человек, им же самим предстояло грести по три человека с каждого борта. Караульные солдаты числом, равным числу арестантов, устраивались на носу и корме лодки.

- Скорей, скорей, разбирай весла! - распорядился прапорщик Григорий Калтузин, глава конвоя. Но арестанты не обращали на него внимания. Прежде

чем войти на лодку, каждый из них, перекрестясь, кланялся народу. Только комендант сел в лодку, ни на кого не оглянувшись, и, устроившись у кормы, закутался в епанчу.

- Прощайте, христиане! Безвинно страдаем!..- начал, было, Яков Чередов, но к нему подлетел ястребом поручик Маремьянов и ткнул кулаком в бороду.

- Молчать! В лодку!

Толпа заволновалась. Заголосили громче прежнего бабы. Кто-то из пацанов швырнул камнем в Маремьянова, сбил треуголку.

- Отчаливай, отчаливай! - закричал он, и обернувшись, толпе: - Не напирай! Велю стрелять!

Заскрипели ключины, и лодки, подхваченные течением, понеслись и вскоре скрылись за поворотом.

Прапорщик Калтузин вез с собой в Тобольск отписку полковника Батасова, в которой сообщалось об отправке коменданта и семидесяти четырех арестантов под крепким караулом: прапорщик, кантернамус, два капрала и семьдесят солдат - и что 153 человека послать не на чем. Писал также о прибытии капитана Унковского, сообщал об орде, о том, что Падуша сидит по-прежнему запершись.

Глава 40

Проснувшись, Иван Падуша сотворил шепотом утреннюю молитву:

- Боже, очисти мя грешного, яко николиже сотворих благое пред тобою, но избави мя от лукаваго: и да будет во мне воля твоя, да несужденно отверзут уста моя недостойныя и восхваляю имя твое святое, отца и сына и святого духа, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Из закута, отделенного занавесью, где обитали женщины, слышался голос Калашникова:

- Вот, девоньки, повязали они, разбойники, старца-то, а живота лишить, зарезать рука не подымается: господь не дает. Тогда они его в лодчонку бросили и пустили по Иртышу, мол, мы не смогли порешить, пусть нехристи его жизни лишат. Токмо глядят: лодка та стала да вверх по течению сама собой двинулась. Поняли разбойнички, что на нем благодать божья, испужались, старца того достали на берег и отпустили... Ну идет он этта лесом, гля, на дереве икона Богородицы со младенцем письма ветхого, и сияние от ее исходит... Обрадовался старец находке, взял с собой. Пришел в деревню, ночевать попросился, а у хозяев горе: сынок единственный в болезни. Руки у него сохнут и сохнут, бознат чего. Старец то узнал, дал сыну ихнему икону поцеловать, и исцелился паренек, и руки, как у всех, стали...

Послышались всхлипы. Иван отодвинул занавесь, Калашников встал.

- Вот под утро слышу, девки-то наши замокрели, режут обе, я и зашел рассказать им разные жития да чуды... Про чудотворную вот божью мать им сказывал, че от отца своого слышал...

- Че реवेशь? - подошел Иван к жене.

- Ванятка всю ночь кричал... Голодный... Молоко-то у меня пересохло...

Иван ничего не ответил, помрачней, прошел в черную половину избы, где у окна сидел Василий Кропотов. Увидев Падушу, он сказал:

- Воды ведра два осталось, коли дождя не будет, пропадем!

Падуша сел на лавку и, откинувшись на глянцевую от частого мытья стену, заскрипел зубами.

- Ты че, Иван?

- Молоко у бабы перегорело, сына кормить нечем... Кропотов подошел к Падуше и задумчиво сказал:

- Иван, чаю, выходить надобно бабам... Вон и у моей под сердцем сын тоже... Ежели мы пропадем, пусть хоть сыны наши останутся...

- А ежели они их на цепь?..

- Не тронут баб... Не должны...

Вошел с ведром Архипов и сказал хмуро:

- Вся вышла, это последняя,- кивнул он на ведро, наполовину заполненное проросшей, пустившей бледно-зеленые гребешки, репой.- Стало быть, у нас теперича сухая рыба да мука, более ничего нет...

Он подошел к Ивану и зашептал:

- Стал я бочонки ворочать, гляжу, а в них песок, а ты говорил, порох...

- Это и есть наш порох, бабам не брякни... Василий знат...

- А коли штурмовать зачнут?

- Зажгемся... Баб нонче решили мы выпустить...

- Что ж, бунтовать дело не бабье... Только и там их могут к ответу притянуть...

Они втроем вошли в горницу, и Падуша объявил:

- Все, бабы, собирайтесь! Выйти вам придется... Еды у нас совсем мало. Мы полковнику скажем, ежели вас не схватят, то и мы выйдем. Покуда они нас ждать станут, вам схорониться где-то надо, лучше в лес к отцу Сергию уйти...

- Не пойду без тебя,- прижалась Дашутка к Василию.

- Не дури, о нем думай,- прошептал он ей,- есть тебе надо... Не реви, не реви,- погладил ее Василий по спине, успокаивая.

Иван Падуша подошел к двери и крикнул:

- Эй вы там, зови полковника!

- Че, ай выходить надумали?

- Не твое дело, зови полковника!..

Через час в канцелярии полковник Батасов допрашивал вышедших, больше жену Падуши.

- Что же муж твой думает: выходить или жечься?

- Сожигаться не хочет, ждет государева указу...

- Ты чего вышла?

- Сына кормить нечем...

- А коли сына не было б?

- Жена при муже должна быть.

- Так, так... А много ли пороху у твоего мужа?

- Три бочонка трехведерных.

- А еды много ли осталось?

- Муки ржаной пудов пять, отрубей пуда три, рыбы малое количество, других запасов нету...

- Ну, ступайте, да чаще под окна к мужьям приходите, чтоб вышли скорей! Но никто из дома Падуши не вышел. А Дашутка и Анна пропали без следа.

Глава 41

- Ироды окоянные, мужа порешили! От меня-то че вам надобно? - заплакала жена полковника Немчинова Катерина, вся простоволосой на дыбе перед Черкасским и Петрово-Соловово, плотоядно пожиравшим глазами выбившиеся из-под сорочки груди.

Яковлев мерно наносил удары кнутом, поначалу в полсилы нежели мужикам, но видя, что баба упрямится, отмерил пять ударов обычной силой. Черкасский остановил его.

- Говори, бывал ли муж твой у коменданта Глебовского после подачи противного письма?

Катерина не ответила, обвисла в беспамятстве в хомуте. Ее сняли с дыбы, плеснули в лицо водой.

- Ну, бывал ли муж твой у коменданта?

Пошатываясь, Катерина встала, хотела прикрыть грудь, но лишь поморщилась от боли, вывернутые в суставах руки не слушались.

- Бывал... - чуть слышно ответила она и заплакала.

- Че после того говорил он?

- Говорил, что комендант тесноты им чинить не будет... До указа из Тобольска...

- В доме засевши, сразу ли жечься собирался?... Пустынный Сергей бывал ли у вас в доме?

- Говорил... как де будут штурмовать, то они будут жечься... Сергей у нас в доме не бывал... а бывал пустынный Михайло Енбаков... Зачем, того не ведаю...

Катерину увели. Подьячий пометил под расспросными речами ее: «дано ей 11 ударов» и засобирался сразу, как только губернатор вышел, на обед. Коротко обеденное время, каждая минутка дорога. После того, как прислали тарских арестантов, работы было невпроворот. У мастера заплечных дел Яковлева кнут от крови не просыхал.

Все арестанты не уместились на тюремном дворе, где в невозможной тесноте сидели более полсотни человек, потому остальных, в том числе и коменданта Глебовского, разместили неподалеку по домам, приставив по караулу.

Арестанты прибыли в Тобольск 3 августа, и губернатор в тот же день написал указ, где велел за остальными арестантами послать дощаники. Да, кроме того, был отправлен указ полковнику Парфеньеву в Барабу об оберегательстве от орды. Хотя черные расспросы и велись с утра до позднего вечера, следствие, ясно было, затянется надолго. Всех изменников - отказ

присягать императору измене приравнивался - следовало пытаться три раза. Поскольку уже после первой виски на дыбе руки в суставах выворачивались, к следующему расспросу давали арестанту подзаживить их. И хотя никто из арестантов особо не запирался - больше 16 ударов мало кто получал,- времени уходило много.

Большинство стояло на своем: пока имя наследника будет не помянуто, к присяге не пойдут. К тому, что в Таре полковнику Батасову на допросах показали, мало что прибавляли. Что и как случилось в Таре, губернатор и вице-губернатор теперь уже хорошо себе представляли. Одно только было не ясным: изменник ли комендант Глебовский, потатчик ли? К тому, что он полковнику Батасову рассказал, Глебовский ничего не прибавил.

Довелось и коменданту испытать, что такое виска. На пятом ударе лишился памяти больше от страха перед Яковлевым, нежели от боли. Когда вывели его караульные, поддерживая под руки, к пытошной избе подводили Василия Исецкого.

- Здравствуй, Иван Софонович!..

Глебовский отвернулся. Вспомнил, что говорил ему Исецкий месяц назад. Теперь же они равны; оба колодники, обоим живота не лишиться бы.

Князь Черкасский послал полковнику Батасову указ допросить всех порознь, кто был на именинах у Верещагина, и, ежели кто подтвердит слова Андреянова, что Глебовский все знал, того прислать в Тобольск.

Батасов допросил монаха Иоасафа, пономаря Николаевской церкви Ивана, подъячего Сабурова, но все они показали, что Андреянов таких слов не говорил, а только Аника кричал, что-де комендант изменник. Глебовского покуда оставили в покое.

Черные расспросы велись весь август. Через двадцать дней посланные в Тару дощаники вернулись, и на них привезли вторую партию арестантов в 114 человек, начальником караула был поручик Маремьянов.

Работы в пытошной избе стало вдвое.

В самый разгар расспросов пришел, наконец, указ из правительствующего Сената, в котором было поведено розыск чинить без послабления и создать для того Тайную канцелярию тарских розыскных дел, во главе которой ведено поставить было вице-губернатора Петрово-Соловова. Указано было особо сыскивать раскольников, как к тому делу касательных.

- Что ж, Александр Кузьмич, с богом приступай к делу для блага его императорского величества и отечества! - прочитав указ, благословил вице-губернатора князь Черкасский и про себя вздохнул с облегчением: не ему отвечать за дело далее.

Вице-губернатор важно приподнял подбородок, похожий на половинку репы, и сказал:

- Чаю, Алексей Михалыч, кончить расспросы, а после сыскивать пустынных, в первую голову старца Сергия.

- Делай, как за благо почтешь, Александр Кузьмич, ты теперь розыску голова. Кончишь дело, тебе и с отчетом в столицу ехать...

Глава 42

- Нешто ты нехристь? Аль с бородой-то у вас, голорожих, и ум сымают! Не видишь, дите недужит, к бабке нам надобно на посад, травки лечебной взять...- убеждала жена Падуши Анна стоявшего на карауле у городских Спасских ворот солдата Исака Микулина.

- Без бумаги пущать не ведено! - в который раз говорил он.

- Да не надолго мы, травки возьмем и вернемся, - ласково проговорила молчавшая до этого Дашутка. И Микулин сразу помягчел.

- А капрал увидит, так на обахту за вас сядешь?

- Не увидит, солдатик, не увидит, мы скорешенько обернемся... У те ведь душа-то добрая, дите жалко...

- Тьфу! Ступайте, да только живо!

- Мигом мы, мигом...

Женщины направились, было, к посадку, но когда ворота скрылись из виду, круто повернули влево, и пройдя мокрой от холодной утренней росы поляной, вышли на дорогу.

- Чарки промокли вовсе,- промолвила Анна и перекрестилась.- Слава те, господи, вырвалось, кажись... До Логинова погоста доберемся, а там нас свояк на лошади отвезет в пустынь-то...

Они резво пошли по дороге. Но через полчаса Дашутка вдруг замедлила шаг и опустилась на обочину.

- Ты че, Дарья?

- Не могу я с тобой идти, Анна, прости меня... Без Василия не смогу жить... Вернусь.

- Куда ж ты вернешься? Братовьев твоих всех забрали, отца тоже... И тебя засадят...

- Ниче, найду, где укрыться... Да и Чередовых еще на Таре много... А ты по дороге-то лучше не ходи, рядом с ней лучше, татары тут ездят, схватят... Ну, прощай. Спаси Христос!

У ворот Микулин спросил, улыбаясь:

- Где вторая-то?

- Вернется, вернется скоро, - сердито ответила она и прошла мимо.

Микулин озадаченно поглядел ей вслед, удивляясь перемене нрава.

К воротам подкатил возок, в котором сидел, развалясь, раскрасневшийся судья Верещагин.

- Отворяй! - крикнул он.

- Извольте бумагу,- сказал Микулин.

- Ты че, ослеп! Вот я тебя шелепом-то перетяну, дак раскроешь зенки! - завопил Верещагин.- Ты вишь, кто пред тобой!

- Капрал Балашов не велел никого пускать без разрешения полковника Батасова,- твердо сказал Микулин, хотя знал, что перед ним судья Верещагин. Еще сразу после взрыва возле дома Немчинова, несмотря на суматоху, Микулин заметил его и не мог никак вспомнить, где он видел его.

- Ах, ты вошь казенная! Гнида вонючая! Меня не пропускать! - замахнулся

на Микулина Верещагин кнутом с перекошенным от ярости лицом.

- Но! Стрелять буду, господин судья! - сдернул с плеча фузею Микулин, выставив штык перед собой.

Глянув на искаженное яростью лицо, в налитые кровью узкие глаза, он вдруг узнал его. Вот с такой же гримасой лежал под кнутом на съезжем дворе убивец... Лет пять прошло, кажется, то было в Тюмени...

Точно, он. Только фамилия, помнится, была другая. Тогда еще один офицер спросил майора Лихарева, кто таков и за что на правеже, и тот ответил, что арестант Семенов, мол, в драке заколол кого-то посохом...

Все это в одно мгновение вспомнилось Микулину, и он, по-прежнему держа перед собой штык, одернул судью:

- Осади!..

Верещагин, брызгая слюной, заматерился.

- Понагнали изменников и поноровщиков бунтовщикам! Я б давно всех переловил да на кол! Только знаете ворота караулить да мне мешать! И полковник твой изменник, блядин сын! Пропускай! - напирал Верещагин.

Но Микулин стоял так же с направленным в его сторону оружием.

- Ладно, собаки, вы у меня еще поплачете с вашим полковником!

Верещагин тяжело сел в возок, круто, так, что оторвались с одной стороны колеса от земли, развернул его и погнал лошадь по пыльной улице.

Отстояв положенные часы на карауле, Микулин пришел в дом Аники, где определился на постой, в раздумье, не зная, что ему делать. Хотел посоветоваться с сержантом Данилой Львовым, но того с несколькими солдатами полковник Батасов отослал на поимку Байгачева. Так и остался Микулин при своем открытии, не зная, с кем поделиться.

Вечером хозяин Аника Переплетчиков пришел зол, как с цепи сорвался. Шибанул по затылку младшего сына, огрел по заднице поленом Варьку и велел ей собирать его в дорогу.

А причина была такова. Зашел к ним в канцелярию подьячий Неворотов и сказал, что видел бумагу у Батасова, где ведено Анику арестовать по делу Глебовского и отправить в Тобольск. Переплетчиков возопил к хозяину: «Ларивон Степаныч, смилуйся, ослобони от розыску... Запрется комендант, с меня будут напрасно шкуру драть...»

- «Ладно, собирайся, - сказал Верещагин, - будто послал я тебя Байгачева искать... Помотайся по деревням, можа, че и, правда, узнаешь, а за него губернатор награду обещал...»

Хоть и неохота было неведомо куда ехать, да ничего не поделаешь. Оттого и злился. Да еще солдата поставили, как бы не снюхался с Варькой.

Но Микулин и не помышлял о Варьке. Все не выходил из головы судья. Промучившись в сомнениях три дня, Микулин решил, наконец, посоветоваться с писарем Паклиным. Одно время вместе хаживали они в Верхотурье по служилым делам.

Дождавшись, когда Паклин вышел из канцелярии на обед, Микулин окликнул его.

- Петро, дело есть. Присоветуй, как быть...

И Микулин рассказал, что были у ворот.

- Когда, говоришь, видал его на Тюмени?

- Лет с пять тому...

- Давненько... Чай, дело то не вспомнить, о сем поговорю с полковником Батасовым. А те присоветую, напиши доношение, что называл судья полковника изменником... Возьмут его и про остальное, для чего фамилию сменил, узнают...

Но написать донос по совету Паклина Микулин не успел: в этот же день велено было ехать ему с пятью солдатами в Такмыцкую слободу отыскивать тамошних жителей, которые к присяге не пошли, и доставить их в Тару.

Глава 43

Государь Петр Алексеевич заболел и лежал по велению лекарей в комнате безвыходно. Вечор на подходе к Астрахани из Аграхани большой корабельный бот его величества попал в сильный шторм, и хотя благополучно прибыл в Астраханскую пристань, но царь лично на холодном октябрьском ветру в промокшей матросской куртке проверял, все ли солдаты определены на постой, и ночью занемог, простудился.

Он пролежал лишь полдня. Не вытерпев бездеятельности, велел денщику Алексею Татищеву позвать тайного кабинет-секретаря Алексея Макарова и обложился бумагами, готовя письма и указы.

- А что, Алексей Васильевич, можем мы сей кампанией довольны быть, - обратился к Макарову Петр. - Море Каспийское получили, Дербент, сия железная дверь, сей ключ, наш, слава Вышнему! Кабы не шторм, то полная виктория была б в персидских делах... Нельзя турков к Каспийскому морю пускать, нельзя!

- Точно так, ваше величество, токмо подобные припадки, как оный шторм, человеку предвидеть невозможно, - ответил Макаров.

- То-то невозможно, - согласился Петр, - ведь тридцать ластовых судов с провиантом разбило, да кабы капитан Виллебоа пришел благополучно... Ан, нет! И его суда на мель сели!

Петр стукнул кулаком по столику с бумагами и стал раскуривать трубку.

За время Персидского похода он осунулся. Кожа на щеках слегка обвисла. Волос на голове был все еще короток, и это слегка молодило царя. Из волос, которые он обрезал в августе «от великих жаров», велел сделать парик и во время похода на Дербент днем ехал в шляпе, ночью, когда становилось холодно, доставал из кармана парик и надевал его.

Дербент отдался в подданство торжественно. Сам наиб вручил государю серебряный ключ от города и сам водил показывать его. Из четырех частей города Петр облюбовал верхний город к западу, возле горы, где и поставил русский гарнизон. Отсюда сверху можно было вести обстрел всего города, стены которого были так широки, что на них можно было ездить в коляске. Были они из битого ракушечника и оказались тверже любого мрамора. Оглядев Дербент, государь остался доволен: воистину сей город Темир-кани, как

говорят турки, железные ворота к государству Персидскому.

Еще на пути к Дербенту жители Баку прислали письмо, в котором писали, что передают себя покровительству императора Российского. Петр немедля послал поручика Лунина с манифестом о согласии принять их под свое покровительство, но, уже когда Петр был в Дербенте, поручик Лунин вернулся. Бакинцы не пустили его в город и сказали, что они впредь обороняться думают и не примут ни одного человека гарнизону и ни одного батмана провианта.

Петр решил выступать на Баку, дождавшись прибытия провианта, но шторм все спутал. Провианту, что выгрузили с севших на мель судов капитана Виллебоа, оставалось на месяц, и на совете в присутствии генерал-адмирала Апраксина и тайного советника графа Толстого было решено вернуться в Астрахань, оставив в Дербенте гарнизон под командой барона Юнгера, в начале сентября при пушечной пальбе государь выступил к Аграханскому ретрашементу и при возвращении своем заложил на реке Судаке крепость Святого Петра, «понеже... гораздо удобнее место усмотрели, нежели при Аграхани».

Из Аграхани Петр приказал кавалерии идти сухим путем, а пехоту погрузить на суда, сам же отплыл на боте вперед остальных. И вот теперь, лежа в постели, ожидал прибытия судов, которые вели генерал-адмирал Апраксин и граф Толстой.

Сидя на постели, он стал писать канцлеру графу Головкину: «1. Понеже из присланных реляций видел я о слабости короля Августа (Польского), от всех пишут, и что для того спешат о наследстве сыновием (о чем уже указ вам есть, как то предварить). В тех реляциях пишут, что при других дворах под рукою уже и кандидатов приискивают, а с нашей стороны в том спят, и ежели вскоре, что случится, то мы останемся в стыде: того ради не хуже б в запас и нам сие учинить и обнадежить кого (должно), что в таком случае помогать будем, а о персоне я лучше не знаю, как о том, о ком при отъезде говорил.

2. Писали сюда из Парижа Аврам Арап, Гаврило Резанов и Степан Коровин, что они по указу в свое отечество ехать готовы, токмо имеют на себе долгу ефимков двести, да сверх того им всем вообще надобно на проезд три ста ефимков, того для те деньги, как на оплату долгов, так и на проезд их, по приложенной при сем ассигнации, взяв от соляной суммы, переведите в Париж к Послу Князю Долгорукому; а буде он уже выехал, то князю Александру Куракину, и отпишите, чтоб их оттоль немедленно отправили в Петербург...»

Вернулся уходивший за бумагами кабинет-секретарь Макаров и сказал, что пришел Астраханский губернатор Волынский.

- Чего ему? - продолжая писать, спросил Петр. - По делам новой пристани.

- Пусть войдет...

Макаров вышел за дверь. Губернатор Волынский вопросительно посмотрел на него.

- Изволил принять... - сказал равнодушно Макаров.

- Спасибо те, Алексей Васильич! - проговорил Волынский и с досадой подумал: «Господи, пред кем расстилаться приходится, без роду, без племени,

из черни...»

Но тут же опустил глаза и вошел следом за тайным кабинет-секретарем. Петр отложил лист бумаги.

- Зачем пожаловал?

- Ваше величество, вечер ведено вами новую пристань ставить, токмо место не указано...

- Алексей Васильич, подай карту.

- Вот тут, у Четырех Бугров, и ставь,- ткнул Петр в карту мундштуком трубки.- Да гляди, не тяни - меня знаешь! К лету, чтоб готова была.

- Сделаем, ваше величество!

- Ступай... Обожди, нет ли у тебя добрых винных мастеров?

- Имеются, ваше величество, два зело добрых венгерских мастера.

- Пришлешь ко мне. Пошлю их в Дербент, дабы привести, коль возможно, делание тамошнего вина в совершенство...

После ухода Волынского Петр обратился к Макарову:

- Какие есть известия?

- Донесение от генерал-майора Дегенина, что при реке Исети строит медные и стальные заводы и крепость Екатерининбургскую...

- Читай, читай!..

- «Государь! Чертеж, которой Хозяйка Ваша Вам покажет, как я ныне строю при Исете реке заводы и прочие мануфактуры, которые Ваше Величество желал для пользы Государства Вашего, чтоб разладилось и умножилось, и надеюсь нынешнего году достроить оную крепость; крепость оную строит полк солдат из Тобольска...»

- Молодец! - хлопнул весело Петр по колену ладонью. - А как пишет, черт!

- «...Солдатам же за работу дается по одиннадцати алтын на месяц жалованья да провиант, а не худо чтоб Ты мне писал, дабы им за работу на день давать по три деньги сверх жалования, то они бодрее будут работать...»

- Отпиши, голубчик, немедля. Дать им деньги, зело дело для Отечества полезное! - оживленно сказал Петр.- Да заготовь, Алексей Васильич, указ по отправке в Казань для строительства гекботов гвардии майора Румянцева. Пстой, губернатору Салтыкову пошлешь сию записку с указом.

Петр взял перо и быстро написал:

«Когда к вам в Казань придет от гвардии майор Александр Румянцев и объявит Наш Указ о строении в Казани гекботов и прочих судов, тогда по тому Указу исполняйте и чините ему всякое вспоможение, не описываясь ни о чем».

- Фу! - Петр вытер шелковым платком выступившую на лбу испарину, выдвинул один из ящичков походной аптечки, достал пузырек с темной жидкостью, налил в стакан с водой немного, выпил и прилег на подушку.- Еще что есть?

- Господа Сенат сообщают...- сказал Макаров и замялся.

- Давай, давай, о чем сообщают?

- Сообщают, что в Сибири на городе Таре учинилось воле вашего величества некоторое ослушание...

- Ну, ну!.. - насторожился Петр и привстал.

- Тарские градские жители к присяге о наследстве не пошли и написали отпорное воле вашего величества письмо, в котором требуют означить имя наследника. В экстракте губернатора...

Макаров замолчал, испугавшись перемены в государе. Петр вскочил, в бешенстве сжав кулаки, и красными глазами, сразу выкатившимися из орбит, будто кто выдавил их изнутри, уставился поверх Макарова в стену, словно увидел там кого-то. Макаров невольно оглянулся и отступил на шаг.

- Лешка, водки! - крикнул Петр денщику Татищеву. - Дохтура не... - начал было Татищев, но Петр скрипнул на него зубами, и он пулей вылетел за дверь.

- Читай экстракт,- глухо выдавил Петр. Все время, пока Макаров читал, Петр стоял в одном положении идиолом в белой сорочке, не заметив даже, как денщик поставил графин с водкой. Когда кабинет-секретарь замолчал, он налил в стакан водки, выпил и заходил по комнате, размахивая руками.

- Меня учить надумали!.. Наследника им седми вселенских соборов... Правой веры захотелось!..- бормотал он, задыхаясь, потом вдруг закричал: - Я сына Алешку не пожалел!.. Здоровья и живота не жалею для блага отечества, а они бунтовать!.. С Немчинова с живого шкуру сдеру! Башку отсеку самолично, заспиртую и велю по городам показывать, чтоб неповадно было,- скривил он рот в мстительной улыбке, топорща ус. Затем успокоившись, повелительно заговорил:

- Черкасскому отписать, чтобы розыск учинил по всей строгости. Начальных людей тому бунту казнить без пощады! Остальных, кои к присяге не идут, - на галеры! Чую, раскольщики-забабоны тут руки приложили. Все их гнезда разорить. Главных учителей поймать живыми и прислать Ромодановскому в Преображенский приказ! Я им побунтую!..

Петр постоял у окна, глядя сквозь прозрачную слюду на улицу, и решительно проговорил:

- Все! В безделье пребывать не желаю! Завтра едем на рыбные учуги на ловлю осетров и белуги... Волынскому скажи, чтоб приготовил все... Апраксина и Толстого, когда придут, призовем туда же...

Глава 44

В пустыне на Карасуке сержант Данила Львов Петра Байгачева не нашел. Перепуганный старец, глава обители, с трясущейся мелко-мелко бородой клялся и божился, что никаких бунтовщиков к нему никогда не хаживало, что полковнику Парфеньеву в прошлом году они весь налог уплатили и в двойной подушный оклад записались.

Львов морщился с досадой на болтовню старца, которой он не верил, и думал, куда ему податься в поисках Байгачева.

- Ну-ка, старик, собери всех своих скитников,- приказал Львов.- Да немедля! Объявлю губернатора указ...

Перед часовней собралось десятка два человек. Львов обратился к ним:

- Послан я во главе команды для поимки главного заводчика и смутьяна Петра Байгачева, противного его императорского величества указу о

наследстве... Сын одного бунтовщика показал на Таре, что оный Байгачев обретается в пустыне на Карасуке, видал ли из вас кто его?..

Собравшиеся молчали. Только ближний к Львову чернобородый мужик в испуге отрицательно замотал головой.

- За сего Байгачева губернатор назначил денежную награду немалую... Кто скажет, где вор скрывается, тот деньги получит...- добавил Львов, оглядывая собравшихся. Но все по-прежнему молчали.

Побившись еще с ними минут десять, сержант Львов отпустил собравшихся. Когда все разошлись, к нему подошел молодой парень с пушком едва наметившейся бородки.

- Господин сержант, разговор имею тайный...

- Ну?

- Кажись, видал я одного Байгачева...

- Где? Говори!

- К пустыне сей я недавно прибился, на зиму хотел остаться...

- Где бунтовщика видал? - перебил парня Львов.

- К тому и веду, господин сержант. Гулял я с товарищи подле Аева реки...

Ну раз вечером слышим, скачет кто-то... Схватили его, связали, думали деньгами разжиться...

Тут парень замолчал и с опаской посмотрел на сержанта. Тот успокоил:

- Твои разбойные дела до меня не касаемы, говори!..

- Взяли мы, значит, мужика того, денег у него не оказалось, но было у него противу указу государеву письмо, и ехал он в скит к отцу Сергию, и называл, помню, себя Байгачевым... Обманул он нас, хотел бежать, за обман мы его хотели жизни лишить, но кто-то сзади напал, двоих товарищей застрелил, я ж, спасаясь, убег... Живал я в пустыни Сергия, провести могу, ежели награда за Байгачева будет...

- Коли будет Байгачев там, и поймаем, награда твоя...

Четыре дня вел сержанта Данилу Львова с солдатами Степан, так звали парня, к пустыне Сергия. За две версты до нее он сказал Львову:

- Далее мне одному надобно, коли солдат увидят, не пустят... К вечеру вернусь...

Степан слово сдержал, перед заходом солнца вернулся.

- Догляд за мной установили, едва вырвался,- сказал он, вернувшись,- нетути Байгачева в пустыне, проведал о том доподлинно... Три дня тому ушел в пустыню к старцу Софонию на Ишим... Там я не бывал, но дорогу порасспрашивал, найдем: недалече на берегу... Проведу.

Через день он и, правда, вывел их к скиту отца Софония. Надвинув катаную шапку на глаза, он подошел к воротам. Со двора скита слышалось пение пустынников, солдаты по знаку сержанта Львова прижались к тыну по обе стороны от ворот. Степан застучал в ворота.

- Кто такой? - спросил привратник, глядя в смотровое оконце.

- Сын я Петра Байгачева... Старец Сергей сказывал, что отец тут... Позови его...

- Обожди, схожу... Привратник пошел к моленной.

- Давай! - приказал сержант солдату, стоявшему рядом с ним с веревкой, скрученной в кольцо. Солдат накинул петлю на зубец тына, держась за веревку, ловко вскарабкался наверх и прыгнул за ограду.

Открыл ворота и вышел наружу. Скоро показались две фигуры, едва различимые в густеющих сумерках.

- Матвей, ты ли че ли? - приник к оконцу Байгачев.

- Я, я... - глухо и невнятно пробормотал Степан. Солдаты распахнули ворота, навалились на Байгачева, скрутили веревкой. Пытавшегося бежать к моленной привратника тоже связали и выволокли за ворота.

- Попался, соколик! - схватил за бороду Байгачева сержант.- Долго летал...

Затем велел солдатам ехать. Байгачева посадили со связанными руками верхом на лошадь и, оставив связанного пустынного возле тына, скрылись в лесу. Сержант торопился, опасаясь, как бы пустынные не надумали отбить пленника, и до утра они ехали без остановок в сторону Тары.

Остановились на еланке, ловя первые лучи восходящего солнца, просвечивающего сквозь начинавшие желтеть листья, которые едва колыхались, и солнце от того, казалось, было из жидкого золота.

Оставляя в росах темные следы, солдаты приволокли на поляну хворосту и развели костер.

- Господин сержант, когда мне за него деньги-то дадут? - кивнул Степан на Байгачева.

- А вот придем в Тару, там и разберутся, че те дать, деньги аль кнута...- усмехнулся сержант, достав из костра горящий прутик, раскурил трубку. Степан хмуро поглядел на него и молча отошел от костра.

Оставив одного солдата на карауле, легли спать, а когда проснулись, Степана не было, бежал. Данила Львов отнесся к этому равнодушно и велел собираться дальше.

К вечеру добрались до деревни Шериповой. В трех домах деревни жили сыновья Шерипова и сам хозяин Максим, коренастый лохматый мужик. В его дому и остановился сержант Львов с арестантом и двумя солдатами. Трое других стали у сыновей. Петра Байгачева заперли в чулане, приставили караульного.

У хозяина сидел гость. Это был Аника Переплетчиков, за неделю сменивший третью деревню. Он еще из окна увидел связанного Байгачева и перекрестился. Данила Львов сначала подозрительно оглядел Анику, но потом, узнавая, спросил:

- Ты никак из Тары, у судьи служишь?

- Так, господин сержант.

- По какому делу в сию глушь забрался?

- По тому, что и вы...

Сержант Данила Львов вопросительно уставился на него.

- По велению судьи искал бунтовщика Байгачева, да вижу, вы его достали...

- Че один?... Разве те его взять бы...

- Хотел узнать поначалу, где скрывается, чтобы потом взять.

Хозяйка подала на стол горшок пшенной каши, грибов и капусты.

- Я примечал, что полковник с твоим судьей как бы не в ладах? - спросил сержант Анику, скидывая португую и кафтан.

- Че их нам судить, наше дело малое... Опять же об одном радеем... Вот вы словили бунтовщика, и нам радость, хотя и без прибытку... Где его взяли-то?

- На Ишиме.

- У Сергия?

- Нет, подале... От Сергия он ушел.

- Нелегкая, стало быть, дорога была, не выпить ли нам водочки. Хозяин хвастал, что свеженькой накурил, да и у меня полуштоф есть...

- Сие можно,- оживился сержант, - давно не баловались, все служба да служба...

- Это верно, служба - не мед,- сказал Аника, наливая сержанту и хозяину в деревянные стаканы водку.- Намаялись, поди... Пейте, господин сержант, с устатку-то оно хорошо...

Тронутый участием Аники, сержант с приязнью смотрел на него, а после второго стакана почитал за друга этого, оказывается, тоже бывшего солдата, который когда-то хаживал с Бухолцем и был ранен.

Приятно погугарить с бывалым человеком бывалому служаке.

- А че, не позвать ли солдата, господин сержант, связанный-то никуда не денется из чулана.

- Зови... Пусть идет...- чуть помедлив, великодушно разрешил сержант.- Иван, садись,- сказал он приглашенному Аникой солдату,- пей, но с бунтовщика глаз не спускай, награду за него от губернатора поимеем немалую...

- Слушаюсь, господин сержант,- не заставил долго упрашивать себя солдат и присел к столу.

Аника усиленно его начал потчевать, и его стараниями и солдат, и сержант, уронив головы на стол, мертвецки спали.

На дворе было уже темно. Достав из камелька жирник, Аника вышел в сени, отпер дверь в чулан, где на полу лежал Петр Байгачев.

- Че, вор, отгулял на воле! Давно дыба по тебе плачет,- поднес Аника огонь к лицу Байгачева.- Ай, не признал?

- Пошто не признал, от тебя за версту дерьмом тянет, не хошь, так признаешь!

- Поговори! - пнул его ногой Аника,- вставай, едем в Тару, сдам судье, там он с тобой потолкует!

- Награду за меня поиметь хочешь, так я скажу, что не ты меня взял...- начал, было, Байгачев тихо, потом встрепенулся и перешел на шепот: - Аникой Иваныч, велика ли тебе корысть будет, когда меня сдашь! Ну, дадут пять рублей, а скажу, что не ты взял, и того не получишь... Я не о многом тебя прошу, развяжи, дай руки на себя наложить, все одно на виске замучают, смилуйся, Аникой Иваныч...

- Боишься, однако, виски-то!.. А вот повиси, повиси, не распускай злолаятельный язык!..

- Аникей Иваныч, не задаром о том прошу, денег дам, развяжи... - Откуль у тебя деньги?

- Старец Софоний отцу Сергию передать велел, в портках на брюхе зашиты... Пятнадцать рублей.

Аника нагнулся над связанным. Байгачев отстранился от него.

- Коли так брать станешь, сержанту скажу, отберут... Дай себя порешить!

- Черт с тобой... Повесишься, что ли?

- Нож у меня в сапоге, торопились служилые, не обыскали...

- Не сбежишь?

- Запри меня...

Аника развязал Байгачеву руки, вышел за дверь и сказал:

- Скорей давай, нето караульный проснется, деньги достань...

Через минуту услышал из-за двери шепот: «Спаси, Христос!» и легкий вскрик. Открыв дверь, увидел на полу скрюченного Петра Байгачева. В животе у него торчал нож.

Глава 45

После Покрова ночи стали холоднее, и печь приходилось протапливать чаще. Уже давно были изрублены на дрова скамейки, стулья и полки, и теперь доканчивали стол. Василий Кропотов дорубил последнюю от него доску, наскреб из ларя остатки отрубей и, войдя в горницу, сказал:

- Все, братцы, последние две горсти замешиваю.

Архипов и Калашников, сидевшие на приступке печи, ничего не ответили, только Падуша отвернулся от окна и негромко проговорил:

- Видно, отвернулся господь от нас за грехи наши... Ни воды, ни муки... Не будет нам, по всему, указу, четвертый месяц сидим... И тут пропадать и там...

- Теперича здесь пропадать точно, а там, коли сами выйдем, милость царска будет,- сказал Калашников, поднялся, исчез головой в дыму и закашлялся.- За нами великой вины нет...

- А под отпорным письмом руку не прикладывал? - сказал Падуша.

- Та беда не велика... Кабы наследника указали, так и к присяге идти можно было...

- Какой седня день? - сносил Падуша Кропотова. - 16 октября... А какой день, не скажу, сбился...

- Да-а,- задумчиво протянул Падуша, - скоро, видать, Иртыш станет, уж шорох по нему, поди, идет... Ждать нам больше нечего, аль сразу себя решить, аль выходить надо... Каждый, верно, про себя уж давно решил, думать время было, говорите без утайки... Как скажете, так и будет...

- Чаю, выходить надо, но к присяге не идти, коли наследника не назовут,- сказал Кропотов.

- Ты, Константин Степаныч, че скажешь? - обратился Падуша к Архипову.

- Выходить буду...- грустно ответил Архипов.

- И я тоже, - поддержал его Калашников. Иван Немчинов, племянник полковника, ничего не сказал, только опустил голову.

- Коли так, помоги нам, Христос!.. Будем выходить... Василий, крикни им...

Полковник Батасов обрадовался, когда капитан Ступин сообщил ему о выходе последних отпорщиков из дома Падуши. Три дня тому в Тару с отрядом в пятьдесят человек прибыл вице-губернатор Александр Кузьмич Петрово-Соловово. Перед тем, как отправиться зорить раскольничьи гнезда, он проверил дела по следствию и нашел, что полковник Батасов ведет их недостаточно ревностно. А когда тот отвечал, что он действовал по их указанию из Тобольска, по инструкции, Петрово-Соловово, выпучив бесцветные глаза, закричал, что-де инструкция есть инструкция, а командир есть начальник, и каждый начальник должен думать и действовать, коли надо, по своему усмотрению.

Полковник Батасов не знал о пришедшем из Сената указе ужесточить следствие и молча, с великой досадой, слушал, как вице-губернатор выговаривал ему за то, что он не достал Петра Байгачева живым, кричал, что ему плевать, что солдат, при котором зарезался главный бунтовщик, под арестом, ему нужен был живым Байгачев, а не солдат. Что дальше такого терпеть невозможно, чтобы пятеро бунтовщиков до сих пор не были взяты, и сидят в городе запершись, что надобно взять их немедля штурмом не позднее двух дней...

Досаднее всего было, что говорилось это все при судье Верещагине, сумевшем к вице-губернатору подластиться и просившего оказать честь: стоять в его доме. Петрово-Соловово хоть и не встал у него, но к словам Верещагина прислушивался, держал возле себя. Теперь судья стоял и поддакивал губернатору, мол, и он давно говорил, что надо всех похватать...

Потому и обрадовался Батасов, что не надо хоть штурмовать. Бог весть, чем кончился бы штурм, скорее, взрывом, как у Немчинова... Полковник Батасов немедля лично доложил о выходе бунтовщиков. Петрово-Соловово велел допросить вышедших с пристрастием в застенке в его присутствии. Первым на допрос привели Ивана Падушу. С бледным изможденным лицом. Вице-губернатор в васильковом мундире сидел за столом и в нетерпении постукивал пальцами по столу. Батасов приступил к допросу.

- Отчего к присяге не пошел и идти намерен ли?

- Отчего к присяге не пошел, о том в отпорном письме было писано. К присяге пойду, коли имя наследника будет означено...

- На виску!.. - скомандовал вице-губернатор, и дюжий гренадер завернул Ивану Падуше руки за спину, вдел в хомут и потянул веревку вверх.

- Отчего к присяге не пошел? - подбежал вице-губернатор к арестанту и поставил сапог на веревку, связывавшую ноги Падуши.- Отвечай!

Лицо Падуши скривилось от боли, на лбу выступил пот.

- Оттого не пошел, что в Книге Кирилла Иерусалимского сказано, придет-де безымянный антихрист и восхитит государеву власть, и должно быть то в 7230 году...

- Государя антихристом называл ли?..- нажал носком сапога вице-губернатор на веревку так, что хрустнули в плечах Падуши суставы.

- На государя говорил... только, что он не благочестив, бороды бреет...

- Называл ли кто другой?

- Что-де он сам антихрист, то говорили Василий Исецкий и Петр Байгачев...

- Кто при оном толковании был?

- При оном толковании были пятидесятник Иван Жаде-нов... сотник Яков Петрашевский да Иван Белобородов... посадский Василий Лозанов... сын боярский Иван Садовский... других не упомяну...

- На толковищах у полковника Немчинова в доме умышление обороняться было ли?

- Обороняться не хотели...

- Коменданту Глебовскому дачу какую давали ли? О противности до подачи письма комендант ведал ли?

- О письме комендант не ведал... Дали пять рублей подьячему Андреянову, чтобы в письме нашем чего лишнего не написал, да сержанту Островскому дачу давали, чтобы узнать, о чем в указе писано, у казака Федора Лоскутова...

Вице-губернатор отошел от висящего на дыбе арестанта.

- Душевного отца имеешь ли и как крестишься? - спросил Батасов, заканчивая допрос.

- Душевный отец мой старец Сергей да, кроме того, поп Николаевской церкви Дмитрий Дмитриев... Крещусь двумя перстами.

- Ведал ли Дмитриев, что ты на исповедь к старцу Сергию ходишь? - спросил еще вице-губернатор, но Падуша в беспамятстве обвис на веревке.

Следующим на виске был Константин Архипов, который сказал, что, коли имя наследника помянуто не будет, к присяге не пойдет. После десятого удара, дабы смягчить расспросы, поведал, что в подполе у Падуши был не порох, а песок... На четырнадцатом ударе лишился памяти. И остальные: и Калашников, и Немчинов, и Кропотов - сказали, что, если имя наследника не помянут, к присяге не пойдут. Бывший заместо мастера заплечных дел гвардеец взмок, нанося им удары кнутом. Вице-губернатору казалось, что делает он это неумело, и вспоминался Яковлев. Особенно раздражал его Василий Кропотов. В сравнении с остальными был так крепок, что после двадцати ударов только кривил в презрительной усмешке рот, глядя на вице-губернатора. Тот не выдержал, выхватил у гвардейца кнут и, откидываясь всем корпусом, стал бить по обнаженной спине Василия. Остановился только на тридцать пятом ударе, увидев, что Кропотов обвис. Вытерев со лба пот, приказал Батасову:

- Всех отправить в Тобольск по первопутку, сам бы душу из них вытряхнул, да раскольщиков надобно искать... Нашел ли проводника до пустыни Сергия?

- Покуда нет, - ответил Батасов, - говорят, не бывали, не знают тех мест...

- Знаю я человека, который был у Сергия с года два тому, да сейчас он за караулом, - вступил в разговор Верещагин.

- Кто такой? - спросил вице-губернатор.- По какому делу сидит?

- Аника Переплетчиков, в слове на коменданта Глебовского...

- Привести! - приказал вице-губернатор.

- Дорогу в пустынь к раскольнику Сергию знаешь? - спросил он, когда Анику привели.

- Бывал в тех местах с года два тому... Смилуйся, господин вице-губернатор, - повалился вдруг он на колени, звякнув цепью, - завсегда за благо государя и отечества радел, а ныне умираю голодом, и дети Христовым именем кормятся...

Из деревни Шериповой Анику привез сержант Данила Львов чуть не насильно, сказав ему, что берет свидетелем, что Байгачев зарезался сам.

- Ладно, ладно, - недовольно поморщился Петрово-Соловово. - коли Сергия достанем, будет тебе облегчение...

Петрово-Соловово пошел после расспросов в дом Глебовского, где он остановился на постой. У высокого крыльца его ждали татарский князец Ахмед с двумя телохранителями и капитан Рублевский.

Увидев вице-губернатора, князец застыл в полупоклоне, приложив руку к груди, а капитан Рублевский, вытянувшись, проговорил в ответ на вопросительный взгляд Петрово-Соловово:

- Господин вице-губернатор, служилые татары требуют задержанное жалование за два месяца...

- Скажи, что комиссар скоро будет, получат жалование... - Князя Александр, - приподнял голову князец Ахмед, - моя люди есть мало, мука купить нет, акща юк, деньга надо...

- Будут, будут деньги, сказал, комиссар из Тобольска едет, будут деньги! Получите у полковника Батасова... Капитан, объясни! - сердито сказал вице-губернатор и поднялся в дом.

Но не успел он и присесть, как услышал на лестнице шум. Вышел.

- Баба, ваше сиятельство, до вас рвется, - сказал денщик, - дело, говорит, важное... - Пусти.

Войдя в горницу, Дашутка Кропотова остановилась в нерешительности.

- Чего надо, кто такая? - сурово спросил вице-губернатор.

- Кропотова я Дарья Борисова дочь, смилуйся, господин губернатор, - упала Дашутка на колени.

- Встань, встань, я не губернатор, я вице-губернатор, - подошел к ней Петрово-Соловово. - Ишь, ты какая! - невольно проговорил он, плотоядно впиваясь в нее глазами. Дашутка потупилась под этим взглядом и сбивчиво сказала:

- Муж мой в доме Падуши сидел... Василий Кропотов... Отпустите его, нет за ним никакой вины... Смилуйтесь!

Петрово-Соловово надул бритье щеки, приподнял за подбородок указательным пальцем ее лицо и, пожирая глазами, пробормотал:

- Как же, ласточка, вина за ним великая, государя ослушался... Кропотов, Кропотов, - проговорил он и, вспомнив крепкого упрямого арестанта, надменно сказал: - Не в моей воле решать сие дело...

- Смилуйтесь, не виноват он, - всхлипнула Дашутка. Петрово-Соловово обошел петухом вокруг стоявшей на коленях Дашутки, тронув за локоть, велел

подняться и проговорил:

- Слезами мужа не выкупить...

- У меня десять рублей есть, я принесу, - обрадовалась Дашутка.

- Нет, нет,- поморщился вице-губернатор,- мне деньги не надобны... Я с красавиц денег не беру...

Он положил холеную ладонь на шею Дашутке, стянул с плеча сарафан, полез под сорочку. Оцепенев от неожиданности, Дашутка стояла, не двигаясь, чувствуя холодную с выступившим потом вожделения ладонь. Ее вдруг передернуло от омерзения, показалось, что вся она покрывается слизью, холодной, лягушечьей... Она уперлась локтями в грудь Петрово-Соловова, но тот, распаленный, потянул ее к кровати. Тогда она впилась зубами в кисть его руки. Он громко взвизгнул, ударил ее другой рукой и крикнул денщика. Когда тот вбежал, в бешенстве заорал:

- Татарам ее, суку, татарам!..

- Матур кыз, матур...- прищелкивая языком, проговорил князец Ахмед, когда в его юрту привели Дашутку со связанными руками. Он кивком головы велел телохранителям выйти, подошел к Дашутке, сорвал одежду и кинул на бухарский ковер... Через час князец Ахмед отдал ее телохранителям.

После того, как Анику взяли под арест, Варька хозяйничала в доме одна с младшим сыном Переплетчикова Мишкой.

Однажды рано утром, выйдя за водой, услышала у ворот стон. Со страхом глянув в щелку, увидела полураздетую Дашутку. Цепляясь руками о заплот, она пыталась подняться, дрожа всем телом под порывистым ветром, но обессиленно опускалась на тронутую ледяной коркой грязь, чуть слышно бормоча:

- Федечку уб-били... Федечку...

Варька выскочила на улицу, огляделась, на улице никого не было.

Подойдя ближе к Дашутке, охнула:

«Никак скинула!..» Подхватив Дашутку под мышки, потащила ее в избу. Уложив на лавку возле затопленной печи, прикрыла полушубком и засутила, доставая горячую воду.

- Господи, господи, что деется!..

Дашутка приподнялась и выцветшим, блуждающим взором уставилась перед собой и зашептала:

- Василий... Федечку убили...

- Лежи, лежи, голубушка, вот попей-ка горяченькой воды с кровохлебкой, попей... Лежи, милая, лежи...

Дашутка сделала несколько глотков и притихла с раскрытыми глазами.

- Полежи, полежи,- я сейчас за мамкой сбегаю, она тебя попользует, все образуется,- растерянно пробормотала Варька и побежала к матери.

Вернувшись через четверть часа, Дашутки на месте не нашла, лишь полушубок, которым она была укрыта, валялся на полу. Перепуганный Мишка, высунув лохматую голову из-за занавески на печи, протараторил, что она

побродила, побродила по избе и ушла на двор.

Нежданно полуденный ветер принес, хоть и короткое, но тепло. Выглянуло солнце, и Иртыш скоро почти очистился от «сала». Полковник Батасов, посоветовавшись с вице-губернатором, решил отправить вышедших с Падушей бунтовщиков водой. Закованных арестантов под охраной десяти солдат и капрала повели на пристань, где ждала большая лодка. Перед спуском к посадке произошла заминка. Из проулка перед солдатами, шедшими впереди, появилась вдруг полураздетая баба. Солдаты невольно остановились.

- Да-а-ша! - хлестанул дикий крик Василия Кропотова, и он, зазвенев цепями, повис на фузях, преградивших ему путь.

Дашутка на миг встрепелась, будто вспомнила что-то, оглядела сгрудившихся людей бессмысленным взглядом и побрела дальше, ступая босыми ногами по жидкой грязи.

- Спятила никак бабенка,- перекрестился пожилой солдат.

- Разговоры! - крикнул капрал, и арестантов повели дальше.

Лодка была шестивесельной. У бортов посадили колодников к веслам да по солдату. Только Василий Кропотов, будто окаменевший, сел на корме в окружение пятерых солдат. Сколько на него ни орали, сколько ни колотили, весла он не взял.

И все время, пока не скрылась из виду Тара, он сидел, уставившись в одну точку. Но за поворотом реки неожиданно метнулся к борту, перевалился через него, но упасть в воду не успел. Солдаты схватили его и привязали ноги к скамейке.

- Ишь, ровно кузнечик сиганул...- переговаривались меж собой солдаты. Но Василий Кропотов не слышал, он был так же недвижим и молчалив.

После полудня подул холодный ветер, пошел снег с дождем. И к вечеру идти по реке стало трудно: весла вязли в снежно-ледяном крошеве и лодка шла вниз, увлекаемая только течением. Когда на высоком берегу показалась деревня и капрал велел причаливать, все обрадовались. Лишь Василий Кропотов не выказал никаких чувств.

Колодников заперли в сенях одного из пяти домов. Приставили двух караульных. К ночи дали хлеба и каши. Василий Кропотов к еде не притронулся. Когда все улеглись спать, он приткнулся к щели двери. За дверью горела свеча. Караульные подремывали. Кропотов снял с груди медный крест и стал осторожно вострить его конец о железный хомут на ногах.

- Ты че, Василий, бежать надумал?..- спросил Падуша.

- Нет... Спи...- впервые за день разжал губы Василий, продолжая свое дело.

В середине ночи верхковый почти конец креста стал острым, как нож. Кропотов перекрестился и, отвернувшись от спящих товарищей, вонзил острие креста в горло слева и рванул поперек, рассекая хрящи.

Глава 46

Отряд под командой вице-губернатора в полусотню человек вышел из

Тары ранним ноябрьским утром через полуденные ворота на Такмыцкую слободу. Петрово-Соловово велел пустить слух, что отряд идет в Омскую крепость. Но проехав на полдень верст с пятнадцать, отряд круто повернул на запад.

Шли в седлах налегке. Амуниция солдат - по-зимнему. Земля, уже схваченная морозами всерьез, гулко отзывалась под копытами коней. Снег, покрывший землю еще всего на вершок, летел из-под копыт круглыми ошметками.

Впереди отряда ехал сам вице-губернатор, рядом - поручик Маремьянов и Аника Переплетчиков с калмыком Дмитрием. Последнего Аника просил взять с собой, говоря, что он ему будет надобен.

Несмотря на то, что шли ходко и останавливались только по ночам, к Ояшенским вершинам, что на Ишим-реке, добрались только на третьи сутки.

Отряд спешился и стал ждать темноты. Аника пошел к пустыне и вернулся через несколько часов.

- Острогом весь скит обнесен,- доложил он вице-губернатору.- Народу много собралось, землянок понаставили... Я за ними с горки наблюдал... У ворот караульные стоят... Коли увидят солдат, запрутся, чаю, и успеют сжечься... Ночью надобно брать их...

Когда стемнело, отряд поднялся в стремена и двинулся к пустыне. В сотне шагов остановились, скрытые кустами. Аника с калмыком Дмитрием подошли к закрытым воротам и застучали. Караульный, глянув в оконце, спросил, кто такие.

- Иван Падуша я, - прохрипел Аника,- со мной человек полковника Немчинова покойного, калмык Дмитрий...

- Падуша? - удивился караульный и обратился к своему товарищу: - Говорит, будто Падуша. Не знал ты его?

- Не знал, надобно отца Сергия позвать, тот у него бывал...

- Отец Сергий сейчас служит...

- Смилуйтесь, братцы, замерзаем... Две ночи не спали...

Второй караульный подошел к воротам, глянул в оконце:

- Падуша, знаю, сидит в доме своем...

- Бежал я, бежал, вот калмык скажет.

- Бежала, бачка, бежала,- пробормотал Дмитрий.

- Ладно заходите, коли так... Караульный отпер калитку, держа в руке берестяной факел. Приблизившись к нему, Аника ударил его ножом в живот. Выронив факел, караульный сел на снег.

Другой караульный выдернул из-за пояса топор и раскроил подбежавшему калмыку череп. Аника выхватил из-за пазухи пистолет, выстрелил в убежавшего караульного и пронзительно свистнул.

Подскакавшие солдаты помогли ему открыть ворота и побежали к моленной, откуда слышалось пение. Отец Сергий заканчивал вечерю, когда в моленную ворвались солдаты. Не давая пустынным опомниться, сгрудили их штыками к стене. Маремьянов, дико взвизгнув, замахнулся шпагой и подбежал к отцу Сергию, солдаты заломили старцу руки за спину, оттащили от

остальных пустынников.

- Богохульники, слуги антихристовы! Службу прервали!- вскричал отец Сергей. - Падет на вас кара господня!

- Отслужил ты, вор, свое! - закричал вошедший вице-губернатор. - Давно по тебе дыба плачет. Поручик, в железа его! Держать под особым караулом! Остальных держать тут досветла, никого не выпускать. Ишь, наготовили...- кивнул он на ворохи бересты и соломы вдоль стен.- В огне спрятаться захотели.

- Будет вам огонь, будет! - воскликнул старец Сергей.

- Не стражай, пуганые! - скривился в усмешке подошедший Аника.

- Ты, хриstopродавец, сыноубийца, еще раньше падлой валяться будешь! - так яростно вскричал отец Сергей, что Аника невольно спрятался за спину вице-губернатора.

Отца Сергия отвели в его келью, приставили шестерых солдат.

Утром пустынников стали готовить к дороге в Тару. Чтобы не разбежались, вязали ноги веревками и конскими путами так, чтобы можно было шагать. Крепким мужикам вязали к тому же руки. Солдаты сгоняли в табун лошадей раскольников, выводили из хлевов коров... Другие под командой поручика Маремьянова грузили скарб пустынников: холст, сукно, одежду, посуду, медные большие котлы... Из амбаров грузили в сани пшеницу, рожь, ячмень, муку...

Аника бродил, прихрамывая, среди этой суеты, мрачно поглядывал по сторонам, хмурый и злой. Всю ночь мучила мысль: отчего Сергей назвал его сыноубийцей. Может, и правда чего со Степкой стряслось... «Ну и черт с ним, не бегай!» - думал он уже в следующий миг, но досада и злость не проходили. Он зашел в моленную, где держались пойманные пустынники. Из окна прорубленного в виде креста, падали косые столбы света, и он сразу заметил знакомый взгляд, тут же исчезнувший.

Аника побрел среди сидевших на полу арестантов и нашел того, кому принадлежал этот взгляд - Федьку Немчинова. Поначалу обрадовался: за сына главного бунтовщика может милость быть...

- Пошел! - подтолкнул он Федьку к выходу. Солдат у двери остановил, было, их, но Аника, повысив голос, сказал:

- На расспрос к вице-губернатору... Во дворе Аника завел Федьку за угол часовни и зашипел:

- Где Степка? Говори, змееныш! Ты его с пути истинного сбил!

- Не я!.. От тебя да от Варьки бежал...

- Цыц, возгривый, говори, где он?

- Убили его...

- Как убили? - схватил Аника Федьку за грудки и притянул к себе.- Кто убил, кто?

- Татары на заставе... Когда мы с городу уходили.

- Где?

- Недалече от Ложникова... Я его неглубоко закопал, только нож был...

Аника опустил голову. Хоть и сам был сын виноват, в груди саднило и

жгло...

- Едем! Покажешь, где, покуда снегом не засыпало... Чай, не нехристь, не бродяга, схороню рядом с матерью... А после ступай, куда хочешь, живи... Да помни Анику- Шлеп-ногу!..

Аника привел двух оседланных коней, Федька вскочил в седло. Подъехали к воротам. Аника сказал караульным солдатам, что парень, который с ним, покажет дорогу в Конску пустынь, где расколыщики, коих тоже надо взять...

Ворота открыли, и они поскакали. Но версты через три, когда дорога сошла незаметно на нет, поехали шагом. Вдруг раздался выстрел, и ехавший впереди Федька услышал за спиной вскрик и, оглянувшись, увидел, как валится из седла Аника. Послышался шорох обледенелых веток, и из кустов вышел Михаил Ембаков и с ним незнакомый Федьке мужик с ружьем в руках.

- Ну, Федор, чуть ты не стрелил Егор... Ладно, я узнал... А этой собаке - собачья смерть! Егор, забирай лошадь и айда...

Михаил Ембаков жил в двух верстах от пустыни Сергия в логу. Рассорился со старцем и построил себе землянку отдельно. Рассорился же из-за того, что старец не послушал его, не стал жечься сразу, не дожидаясь солдат. А вот теперь вышло, что прав был он, Ембаков. Да Христос ему ныне судья! В ночь, когда пришли солдаты, кое-кому удалось бежать, и в землянку Ембакова пришли три пустытника. Каждый день, по два человека, ходили они на дорогу, чтобы узнать, когда уйдут солдаты и вернуться в пустынь.

Но вернуться туда было не суждено. К вечеру того дня, когда они встретили Анику с Федькой, к западу от них над лесом поднялись черные клубы дыма. Уходя, вице-губернатор дал приказ разорить раскольничье гнездо.

Ембаков со спасшимися пустытниками решил идти за Ишим к старцу Софонию на Ир-реку.

Глава 47

Тщетно бездомные отощавшие собаки трутся возле мясных рядов, тщетно вынюхивают каждый угол под прилавками, ожидая торговцев мясом, - пусто. Пусто как в мясных рядах, так и на всем базаре. Будто случилось то, чего никогда не бывало: взяли город степняки и разорили его. На улицах же стоят пикеты не степняков, но солдат русских. Потирают уши православные, спасаются у костров среди улицы от ноябрьских первых морозцев.

Пуст базар, пусты запечатанные дома начальных отпорщиков, пустыньны, особенно по вечерам, улицы... Лишь изредка пробежит разиня-хозяйка, упустившая огонь, с горшком в руках к соседке, в страхе ожидая несчастья. А несчастье и горе уж над многими кружит: взяты за караул кормильцы, не собран весь хлеб с полей, и едва ли хватит собранного до Рождества...

Хотя и позабирали из многих домов кормильцев, а подати со двора требуют все те же. За неделю до дня явления Абалацкой чудотворной иконы пошел по дворам комиссар собирать запросные деньги на Петербургский провиант. А где их взять, рубль с двадцатью копейками, когда каждая денежка на счету.

Можно, конечно, корову продать, рубль выручить, а коли одна она, кормилица! Сбирайся да на улицу Христовым именем кормиться, как вон Марье Тереховой с Николкой пришлось пойти, когда дом запечатали, а корову и лошадь с торгов продали...Василий Казачихин с двумя завернутыми в холстину иконками прошелся по пустому базару и решил пойти по домам, предложить свой товар. После ареста отца и братьев поневоле пришлось думать и о доме. И у них комиссар был, денег требовал. Василий дописал начатые когда-то иконы и понос их продавать, чтобы помочь не только матери и свояченицам, но и другим людям, тем, кто иконы те купит, ибо в трудное время человек чаще обращается к богу, а видя перед собой образ его, сделать это много легче.

Он прошел мимо гостиных рядов и, шагая вдоль обледенелой в пазах стены малого города, едва не столкнулся за углом с Дашуткой. Она шла в посекшейся телогрее, ступая осторожно босыми ногами по мерзлой припорошенной сухим сыпучим снегом земле, широко раскрытыми глазами глядя перед собой.

Сердце Василия сжалось, он окликнул ее по имени-отчеству и осторожно взял за руку:

- Пойдем, пойдем к нам... Нельзя босой ходить, мороз...

- Нет, нет... Мне надо сыночка найти, Федечку...

- Пойдем, я покажу тебе Федечку, пойдем...

- Ты знаешь, где он? - недоверчиво протянула Дашутка, в изумлении округлив глаза. Она жила по-прежнему у Варьки, но то и дело сбегала и бродила по Таре, никого не узнавая.

- Знаю, знаю...

Дома мать Василия, увидев Дашутку, заохала, принялась, было, оттирать ей ноги снегом, но та не далась.

- Где Федечка?.. Покажи Федечку... Василий с какой-то тайной надеждой перенес написанную им икону из угла к окну и сказал: - Вот он, гляди!

Дашутка подбежала к иконе, взгляд ее растерянно заметался с лика Богоматери на радостно воздевшего руки младенца. Будто вспоминая что-то, она, едва касаясь пальцами, провела по голове младенца, вздрогнула, посмотрела на Василия и вдруг тихо сказала:

- Ах, пошто у вас пол горячий, тетка Агафья!..

Василий оцепенел от неожиданной перемены. Мать, стоявшая с ковшом снега, выронила его, истово перекрестилась и воскликнула:

- Чудо! Чудо! Икона чудотворная! Молитесь, дети, божьей матери за благодать явленную... Василий сглотнул подступивший комок и, не чувствуя выступивших слез, стал шептать благодарственную молитву. Глядя на него, и Дашутка осенила себя крестом.

- Я узнала, ты Василий Казачихин...

Мать выбежала на улицу с криком: «Чудо!»

- Где муж мой?..

- В Тобольск увели...

Дашутка разом померкла и забормотала жалобно:

- Убили... всех убили...

Василий, боясь ее беспамятства, поднес к глазам ее икону и зашептал сквозь слезы:

- Молись, Даша, молись... Найдем твоего Василия, найдем... Я сведу... Найдем... Божья мать поможет...

А к воротам их дома сбегались люди. Скоро вернулась мать и сказала:

- Люди просят, выйдите с иконой...

- Маманя, уходим мы с ней в Тобольск... Мужа ее, Василия, найти надо... Иначе не быть ей в полном разуме.

Плача, мать помогла собраться. Надела на Дашутку свой нагольный полушубок, поверх кокошника повязала теплый плат, достала с печи катанки...

Василий, выйдя из ворот, поднял икону над головой и воскликнул собравшимся людям:

- О владычице мира! Умилосердися над градом сим и людьми, согрешившими тебе, и умоли сына твоего Бога нашего, да избавит нас ныне от гнева своего праведного!..

Крестясь, люди радостно глядели на Дашутку. «Исцелилась! Исцелилась!»

- пронеслось по толпе. И все в робком благоговении потянулись следом за Дашуткой и Василием, несшим перед собой икону.

Глянув случайно из окна канцелярии, полковник Батасов сказал капитану Ступину:

- Что за толпа? Почему приказ мой не исполняется, в толпы не собираться?

Ступин вышел и, вернувшись, доложил:

- Вроде как крестный ход... Разогнать?

- Пусть идут...

Солдаты у Борисоглебских ворот поначалу загородили, было, путь, но, увидев икону, расступились.

Пройдя с полверсты от города, люди остановились и долго смотрели на тобольскую дорогу, по которой уходили два человека. Уходя в мир надежды, любви и чуда.

Глава 48

Едва Исак Мцкулин вернулся в Тару из Такмыцкой слободы, как тут же пошел узнавать, прибыл ли сержант Данила Львов. Обрадовался, что тот в Таре, и немедля направился к соседу Аники Ивану Сушетанову, где стоял на постое Данила Львов. Переступив порог, Микулин поздоровался и, не зная как начать разговор о деле, по которому пришел, спросил:

- Давно ль с урмана, Данила Петрович?

- Пятой день...

- Словил ли Байгачева?

- Заарестовал...- нехотя проговорил сержант, но потом, обрадовавшись, что есть кому выговориться, сказал: - А здесь чуть самого не заарестовали... Трое

суток вели, а в последнюю ночь зарезался, сукин сын! Каким манером, в ум не возьму... Хотел меня вице-губернатор на обвахту посадить, да спасибо

Ивану Титычу, замолвил за меня словечко, заслуги мои помня... Да, времечко - не знаешь, где упадешь...

Ободренный располагающим тоном, Исак Микулин сказал:

- Я к тебе, Данила Петрович, по делу, может, чего присоветуешь.

- Ну?.. Садись к столу, сказывай.

Микулин расстегнул кафтан, присел у стола и рассказал о случае с Верещагиным у ворот.

- Так прямо изменником и обзывал?

- Истинный Бог, не вру!..

- От, падаль, полковника государю и отечеству вернейшего изменником обзывать! Поплачет судья!

Пиши, Исак Игнатьич, донос в канцелярию розыскных дел. Покуда вице-губернатор тут, он ему покажет, как клевету возводить...

- Да ладно б только это, - понизил голос Микулин, - не тот судья человек, за кого себя выдает...

- Как не тот? - не понял сержант.

- Не тот! Был я по службе на Тюмени, видел, как он под пыткой был за убийство, и писался в тот раз не Верещагиным...

- Как же?

- Запомятовал... Семеновым, кажись... Лет с пять тому было...

- Да верно ли так, не путаешь с кем?

- Крест в том клятвенно целовать могу... Долго не мог упомнить, где оного судью видал, а вот как он на меня начал орать, тут сразу и вспомнил - тот самый что на Тюмени пытан...

- Говорил ли кому о сем?

- Не говаривал, ноне только из Такмыцкой слободы...

- Ладно, покуда не сказывай, с Иваном Титычем надо но сему делу говорить... А что изменником его называл, пиши доиошение... Поди в канцелярию, попроси Сабурова аль подьячего нашего Паклина, писаря, они сделают...

Микулин поблагодарил сержанта за совет и на другой день с утра хотел пойти в канцелярию, но к ночи занемог, видно. простудился в дороге и пролежал дома два дня безвыходно.

Варька поила его топленным молоком, давала горшок с пареной репой, чтобы дышать горячим паром... Хворь медленно, но проходила. Микулин досадовал, что не вовремя она навалилась... Да, кроме того, Варька привела в дом полуобезумевшую девку, которая, увидев его солдатский мундир, вдруг яростно кинулась на Микулина, царапая лицо, насилу ее успокоили. Он закричал, было, Варьке, чтоб гнала ее, по, узнав ее историю, по-отцовски пожалел девку и ее, мертвую ныне, красоту. Но спал эти дни только днем, когда Варька была дома, слишком много злости ловил во взгляде Дашутки. И на третий день, поправившись, попросился на постой к Даниле Львову.

-А че у соседа не поглянулось? - спросил сержант.

Микулин рассказал.

- Выгнать ее...

- Пускай живет... Грешно с такой связываться...

- Ну живи, не жалко... Не стеснишь...

Перебравшись к Даниле Львову, Микулин пошел в канцелярию. Отозвал в сторонку площадного подьячего Дмитрия Сабурова, попросил написать доношение.

- По какому делу? - спросил Сабуров.

Микулин объяснил. Видя, что подьячий замаялся, обещал пятиалтынный.

- Делов много, черновое напишу, а набело вон хоть Паклина написать проси.

Микулин остался дожидаться. Через полчаса Сабуров вынес доношение, прочитал и спросил:

- Все ли верно описано?

- Все так, верно...

Найдя полкового писаря Петра Паклина, попросил переписать его доношение начисто. Паклин, не ломаясь, переписал и спросил:

- Когда ты на часах-то стоял?

- Да уж три недели тому...

- Скажут, пошто сразу по такому делу не подал доношение...

- Так поставь тогда задним числом...

- Не могу я, коли б один писал, проси Сабурова, коли он согласится, тогда можно поставить без опаски.

Вдвоем они направились к Сабурову. Тот согласился поставить на черновом доносе задним числом.

Когда Микулин с Паклиным вышли, подьячий Григорий Неворотов спросил Сабурова:

- Че это солдат другой раз уж к тебе седня подходит?

- Да на судью донос пишет, просил задним числом поставить... Будто называл Верещагин полковника ихнего изменником...

- А-а...

На улице послышался скрип телег, топот копыт, крики мальчишек. Выйдя на крыльцо, они увидели, что в город входил отряд Петрово-Соловово со взятыми пустынноиками. А было арестантов сто семьдесят человек.

«Всё к одному», - гася вскипевшее бешенство, подумал Ларион Верещагин, когда подьячий Григорий Неворотов нашептал ему о доносе Микулина. С час назад шел он мимо съезжей фискального ведомства, где под охраной сидели десятка три не отправленных еще отпорщика. Увидев сержанта Данилу Львова, он ехидно проговорил:

- Карауль, сержант, лучше, не то, как Байгачев, они у тебя все зарежуются, пойдешь заместо их...

- Сам не пойдя! - вспылал сержант. - Думаешь, прозвание сменил, убивец, так и схоронился! Иван Титыч скоро тебя призовет к ответу!..

Верещагин озадаченный приостановился на миг и зашагал прочь, думая о

том, откуда стало известно сержанту то, чего в Таре никто не знал... Не было свидетелей прошлому, казалось, забыто все, и на тебе!

Сержантишку-то и убрать бы можно тихо, да вот Батасова не уберешь. Видно, пришла пора - кто кого...

Сразу после ухода Неворотова Верещагин сел за стол и принялся за донос, которым надеялся убрать и сержанта, и полковника Батасова. Уж кто-кто, а он, Верещагин, знал, как пишутся подобные бумаги.

Начал с того, как тарские жители не пошли к присяге, что возмутили их полковник Немчинов, Иван Падуша, Петр Байгачев, Дмитрий Вихарев, Василий Исецкий, и сюда же ничтоже сумнящся присовокупил фискала Семена Шильникова. Казаков называл стрелецкими сынами, и дабы сих сынов к присяге не приводить, он, Шильников, уехала Омскую крепость, «и то его явное воровство». Тут же напомнил, что он писал отписку в Тобольск, но которой и прислан был в Тару для розыску о противности полковник Иван Батасов, и что «до его прибытия дня за три или два прислал он капитана Льва Ступина, и упомянутый полковник Иван Немчинов, Иван Иадуша со многими тарскими жителями в домах своих при нем, капитане Ступине, заперлись», а когда-де приехал 11 июня полковник Батасов,

Иван Падуша вышел, но полковник за караул его не взял. А к Немчинову в дом посылал он сержанта Данилу Львова с офицером и солдатами, и взяли они человек сорок. «А полковника Немчинова он, Данила Львов, в то время не взял, знатно, ради взятков своих, и того же дня спустя того времени с полчаса или больше означенный полковник Немчинов со многими людьми в доме своем зажегся. А для чего в то время его, Немчинова, Данила не взял, как видели помянутых противников, того я не знаю...»

И не важно теперь, что не Данила Львов ходил в дом Немчинова, а Батасов хоть и был там, но Немчинова не взял, «знатно у него, Данилы, с Батасовым заодно. А что Иван Немчинов кому давал, какую дачу, и про то про все крестник его, дворовый человек, калмык Дмитрий, знал, и куда пожитки девал, и про то он же, калмык, знал, и куда его Данила дел ради языку, того я не знаю. Да того же дня означенный Иван Падуша с противными тарскими людьми в доме своем заперся. И такого пущего самого противника ему, полковнику Батасову, как он вышел июня 26 числа, из-за караула отпускать не надлежало, и знатно, что от оногo полковника Батасова таким противникам есть поноровка и хлебничание...»

Стемнело. Верещагин зажег свечи, поставил шандал красной меди на стол, задумался ненадолго и принялся сочинять далее. Написал о том, что в застенке у противников Батасов о старце Сергии, о старых печатных книгах и скорописных не расспрашивал, а он, Верещагин, да вице-губернатор Александр Кузьмич нашли их много... О том писал, что-де Батасов собрал многое количество противников под караул, а после самых пущих противников выпустил, «а имяно вора и изменника полковничья тестя Андрея, да шурина Сергея...», что пожитки противников «были переписаны и запечатаны, и такие пожитки он, полковник, с вором Шильниковым распечатал без указа его императорского величества», так же о том, что колодника его, Верещагина,

Лучкина забрал к себе в канцелярию мимо розыскной канцелярии и научил его, Лучкина, написать донос, будто он ему не давал присягать, и писал то доношение писарь Паклин...

Написал, что отнял у него Батасов подьячего Сабурова неведомо ради какого умыслу, «а подьячего и приставов из города для пошлинного збору по челобитной и для происку противников. А пошлинный збор от него, Батасова, остановился...», что «у обедни в церкви у Николая Чудотворца, как запели каноник причастной, приступил к нему полковник Батасов с великой яростью за то, что он, Верещагин, по указу его императорского величества сыскивал противников, которые у него освобождены были с караулу, и стал ему полковник говорить, пошто-де ты держишь за караулом детину Лучкина, поносил его, Верещагина, всяческими непристойными словами и вынимал из ножон шпагу на поларшина, и хотел его заколоть...»

Тут Верещагин ухмыльнулся: уж он-то знал, что за обнажение шпаги с целью уязвления во время божьей службы по государеву указу полагается аркебузирование, если даже и вреда нанесено не будет.

Пять листов уж было исписано, а не все еще сказано, и судья снова принялся строчить. «Да он же, полковник Батасов, умысля с воров Шильниковым заодно да с сержантом Данилой Львовым, с писарем Паклиным и с иными хотят меня разорить вконец... Научили оне на меня написать доношение, составили воровским задним числом Дмитрию Сабурову, чтобы ему, Батасову, каким случаем с Тары и пронырством от розыску уехать, а меня б отослать в отсылку к Москве, чтобы мое производство уничтожить и ввести б меня в напасть бесконечную. Да еще я предлагаю, о котором пущем самом противнике Петре Байгачеве прислано из Тобольска в Тару два указа, ведено его искать. И с великой задачей послан был из розыскной канцелярии сержант Данила Львов и привез его, Байгачева, мертва резанова. А каким он ради случаем изрезан, того я не знаю. Знаю, что он, Данила, нерадением своим учинил его императорского величества для хлебничества своего оного Байгачева не берег, и чтоб повелено было указом его императорского величества против сего моего доношения вышеупомянутых обо всем допросить и учинить по указу его величества. А сего моего доношения послать копию в Сенат или куда надлежит. О сем доносит Тарский городской судебный комиссар Ларион Верещагин».

Глава 49

На виске боль ударяет от плеч в спину по бокам, затем стягивает грудь обручем и не дает дышать. Тело будто раздваивается болью, и душа, лишенная оболочки, начинает метаться между двумя половинами плоти и, не найдя в них жизни, покидает грешное тело. Но опытный заплечных дел мастер не позволяет этому случиться ранее, чем надобно. У Яковлева толстый загривок позвериному оцетинился от злобы-радости, когда он увидел отца Сергия, и сейчас перед губернатором он лез из кожи и удары наносил даже как-то любовно, чувствуя сладострастно волны боли, которые вызывал каждый удар

его кнута.

Жаль, что строго приказано не забить столь важного преступника.

Отец Сергей то и дело впадал в беспамятство, и Яковлев внимательно следил за ним, чтобы не задубел, тогда все битье будет впустую. Вот старец опять ткнулся подбородком в грудь, Яковлев дал знак помощникам, и они опустили отца Сергия на земляной пол. Яковлев плеснул ковш воды в лицо старцу.

Губернатор Черкасский, митрополит Антоний и полковник Сухарев, бывшие в пытошной избе, ждали, когда старец очнется.

Память вернулась к отцу Сергию, он открыл глаза и первое, что увидел, была ползущая возле его босых ног змея. Черная кожа ее жирно лоснилась, отец Сергей хотел отодвинуть от нее ноги, к подушечкам пальцев которых Яковлев прикладывал раскаленный докрасна железный прут, но не смог.

Пошевелившись, он застонал и, увидев на конце узелок, понял, что это кнут, пропитанный его потом и кровью.

- Кто писал отпорное письмо и к присяге идти не советовал? - спросил полковник Сухарев.

- Письмо писал я... своею рукою... я же идти к присяге не советовал... понеже царь безымянный не истинный, но антихрист есть... - твердо ответил Сергей, не подымая головы.

- В пустыне своей хотел ли с людьми жечься?

- Жечься хотели... И учил их тому я...

- Пошто дерзнул души людские, богом дарованные, огню предать, - сдвинув густые черные брови, сердито воскликнул митрополит Антоний. - Ужель мнишь себя богу равным?

- Человеку ли быть богу равным... Я людям благо несу... Чем антихристу душу продать, лучше пред богом душой очищенной предстать... - тихо сказал отец Сергей, и подняв голову, закричал: - Вам же, собакам, души свои не спасти!.. Антихристу продались! Царь ваш антихрист и вы слуги антихристовы... Все начальные люди ваши злы и алчны, о душе не помышляют, токмо брюхо набивают... Злато копят без меры... взятки емлют... любострастны и мерзки... И нет предела мерзости той!.. Но ветошками станут ваши кафтаны парчовые, источит червь плоть вашу, и где будет злато ваше? И не будет приюта душе вашей в царстве божием!..

Князь Черкасский сделал знак рукой, помощник Яковлева потянул веревку, и отец Сергей опять, в который раз, повис на стянутых за спиной руках.

Зашемленной у головы змеей заметался в воздухе кнут, падая на почти бесчувственное тело.

Отец Сергей очнулся в срубе тюрьмы, куда его приволокли бесчувственного, и лежал в полузабытьи до самой темноты без движения, по опыту зная, чем больше пролежишь, тем меньше будет боли, когда начнешь ходить. Ему показалось, что он лежит в том же срубе, откуда бежал четыре года назад. Тогда, правда, он был закован только в ножные железа. Он пошевелился и невольно застонал. Солдат охранник, сидевший на чурбаке

возле костерка, разведенного прямо на земляном полу, поглядел на него и сказал:

- Очухался, вор!..

Отец Сергей не ответил, отвернулся к стене. Левой рукой осторожно разгреб солому под собой и нащупал мерзлую землю. Откинулся в бессилье на спину.

Тогда, четыре года назад, земля в срубе была летней, податливой. Да и обломок ножа был двухвершковый. На улице, куда его вывели для прокорма, кто-то подал ему горбушку хлеба, где он и нашел обломок ножа. Немало еще людей, радеющих за веру истинную. Как и сейчас, тогда он спал на соломе, под которой и скрывал нору. Отрыл он ее в две ночи и бежал. А ныне, кажется, не вырваться. Мысли о смерти давно не пугали его. Человек сотворен богом для страданий. Всю жизнь он тщится вырваться из них, не зная, что не суждено ему то сделать. Глуп человек, ибо страх за плоть свою мешает ему узреть истину. Господь вложил душу в плоть, чтобы терзать ее за грехи. Суть же человека в душе его, что бессмертна и вечна есть. Так смерти ли бояться человеку, пресекающей страдания его?

Но ему, видно, Бог еще не желает дать смерти. Убить себя нечем. Взгляд его застыл на провисшей между жердями соломе кровли сруба, и появившаяся сначала робкая мысль скоро овладела им целиком.

- Пить дай...- попросил он солдата.

- Не сдохнешь, я те не нанимался воду таскать. Благодарю бога, что огонь тут держу, чтоб не околел!

- Нехристь!.. - презрительно выдохнул отец Сергей.- Поплатишься за грехи на суде божьем...

- Нехристь, нехристь... Где я те возьму воду! Жди, полковник Сухарев сказал, что переведут ты скоро на квартиру, чтобы после в Преображенский приказ отправить...

Отец Сергей пристально посмотрел в глаза солдату и отвернулся к стене. От взгляда его детине стало не по себе, и он заворчал:

- Чай, мы люди подневольные... Под уставом ходим!.. Ладно, щас снегу наскребу.

Солдат вышел во двор, снял шапку и стал щепотками выбирать снег, скопившийся среди высохшей стылой травы. Стояла середина ноября, а снега настоящего все не было.

Едва дверь захлопнулась, отец Сергей, преодолевая боль, сгреб из-под себя солому, кинул охапку к порогу, сунул в нее несколько головешек из костерка. Солома мгновенно вспыхнула, огнем отделяя дверь. Отец Сергей наскреб вторую охапку, кинул в огонь и в бессилии упал на землю, с блаженной радостью наблюдая, как огонь скользнул по косяку, лизнул соломенную кровлю и быстро пополз по ней.

Солдат, увидев повалившийся из-под стрехи дым, мотнулся к двери, распахнул ее и отпрянул от полыхнувшего в лицо огня. Затем дико взвизгнув, отбросил фузею, накинул на голову башлык кафтана и нырнул в огонь. Споткнувшись о лежавшего отца Сергея, упал, заматерился. Вскочив, сапогом

расшвырял горящую у порога солому, схватил в охапку отца Сергия, тут же потерявшего память, и выскочил из занявшегося уже вовсю сруба. Кинув на землю отца Сергия, он стал пинать бесчувственное его тело, плачущим, злым голосом приговаривая:

- Па-адла... Я к те с добром... За тебя на виску не хочу... Живота лишаться не хочу... Па-адла...

Глава 50

Долог путь от столицы Сибири до столицы Российской империи. Почти три месяца на двенадцати подводах под началом гвардии капитана Санкт-Петербургского полка Тобольского гарнизона Христофора Эртланга везли шестерых арестантов из Тары. Закованных «в ручные и ножные железа», везли их отдельно друг от друга: солдата Исака Микулина, подьячего Дмитрия Сабурова, писаря Петра Паклина, сержанта Данилу Львова. Более важные колодники, полковник Батасов и судья Верещагин, были закованы только в ножные железа.

В Соли Камской прибавился к арестантам еще один колодник из караульных солдат. Было это так.

Солдат Сидоров и сержант Жулкетов встали на ночлеге на ямском подворье при колоднике Даниле Львове. Сидоров, готовясь стать на караул, говорил сержанту Жулкетову:

- Опять капитан седня искал у борова кособрюхого государевы бумаги, да не нашел... А боров мне говорит, насмехаясь, че, мол, ваш капитан письма царственные важные ищет, я-де их в отход давно бросил... «Боровом» солдат Сидоров называл судью Верещагина. От самого Тобольска Верещагин все выспрашивал у Эртланга, везет ли он его доношение, а когда капитан отвечал, что не его это, колодника, дело, что он везет, Верещагин стал грозить, что он всех их переведет, что есть у него важные царственные письма и что капитан будет жалеть о своей грубости... В Соли Камской капитан еще раз перерыл сундучок Лариона Верещагина, ощупал каждую складочку его одежды, но ничего не нашел...

Утром, когда стали собираться в дорогу и колодников повели к саням, Данила Львов вдруг закричал:

- Господин капитан, объявляю государево слово на солдата Сидорова!

- По какому делу? - спросил Эртланг.

- О том скажу только в Преображенском приказе!.. Ничего не поделаешь - пришлось солдата обратить в колодника. С государевым словом шутки плохи.

В Москве в Преображенском приказе капитан Эртланг подал князю Ивану Федоровичу Ромодановскому два запечатанных красным сургучом пакета. В первом с Тобольской губернской печатью - скачущие вдоль стрелы кони - была отписка на имя «всепресветлейшего вседержавнейшего императора и самодержца Всероссийского Петра Великого Отца Отечества государя всемилостивейшего» от «нижайшего раба» полковника Сухарева, в которой он перечислял колодников, присланных из Тары вице-губернатором, и что он их

отправляет в Преображенский приказ, «не промедля нимало времени, понеже она важность касаетца по второму пункту», то есть измене государю. Во втором пакете, запечатанном Тарской печатью - взвившийся на дыбы конь,- было «Подлинное дело солдата Исака Микулина с товарищи».

Получив от судьи Верещагина доношение, вице-губернатор начал было сам разбирать дели между ними, но когда со своим доносом пришел солдат Микулин и прозвучало слово «изменник», немедленно отправил всех в Тобольск. В протемории же велел отправить всех в Москву.

Первым пред ближним стольником князем Иваном Федоровичем Ромодановским предстал Ларион Верещагин. Он невольно ступал под подозрительным взглядом, в котором сразу узнал взгляд Ромодановского-отца, чтобы не выдать страха, прищурил веки, оставив узкие щелки, через которые ничего нельзя было разглядеть. Верещагин старался держаться уверенно, а вопросы отвечал неторопливо. Отвечал, что прежде был он на Сытном дворе в подклочниках, а оттуда тому лет с тридцать взят был в потешные и служил в Преображенском полку в солдатах, и после азовских походов заболел, и из-за раны из полка был отставлен и послан в надворный суд в Тобольск, а из Тобольска определен судьей в Тару по розыскным делам. Полковника ж Батасова, который прислан в Тару для розыску о противности, он изменником называл. А какая за ним измена, о том в его доношении показано, и другой измены он за полковником не знает...

Вторым допрашивали полковника Батасова.

- Когда июня 10 дня в Тару прибыл, был ли у тебя вор Падуша и для чего ты его за караул не взял? - спросил Ромодановский.

- Судья в своем доношении написал, будто я прибыл в Тару июня 10 числа, ложно, потому что я прибыл в Тару июня 16 числа, и о том значится в отписке моей в Тобольск, в которой я писал о прибытии в Тару... Противный казак Падуша был у меня, и я освободил его с порукою, потому что по инструкции мне велено их, противников, не ожесточать, чтоб они не разбежались и чтоб пуще вор Немчинов не заперся в своих хоромах, ибо с ним было шестьдесят человек и более, чтоб они вышли и не зажглись...

После оногo Падушу послал в Тобольск... А пущий заводчик Петр Байгачев ушел его, Верещагина, плутовством, потому что он подослал к нему своего человека, который дал ему зарезаться, ради взятков своих! - ответил полковник Батасов.

- Как посылал в дом Немчинова сержанта Данилу Львова и взял сорок человек, пошто не взял полковника Немчинова?

- К Немчинову посылал в дом поручика Маремьянова. Оной полковник выпустил сорок девять человек, а сам зажегся, и с ним восемнадцать человек. После того четырнадцать сильно обгорели и померли, среди оных и полковник Немчинов, а жил он после взрыва семь часов...

- Для чего многих, кто у присяги не был, выпустил, в том числе полковничьего тестя Андрея да шурина Сергея?

- Жителей Тарских человек с тридцать или сорок освободил с распиской по указу из Тобольска, как были в отлучке или за болезнями руки не

рикладывали. А был ли там тесть да шурина полковничий, не упомяну.

- Пошто отдал пожитки противникам?

- Пожитки отдавал по указу из Тобольска, которые к присяге приведены были. Хотя в указе об отдаче пожитков не было сказано, их отдал, ибо они свободные люди...

- Научал ли с Шильниковым писать донос на судью?

- Доношение на Верещагина писать не научал, а какое доношение писал на него писарь Паклин, не знаю.

- Для чего не выпускал подьячих и приставов для пошлинного сбора и чинил ему, Верещагину, остановку в сыске противников?

- Подьячих и приставов по письмам Верещагина из города выпускал и остановку в сыске не чинил... А не выпускал из городу других по указу из Тобольска...

- Хотел ли в церкви заколоть Верещагина шпагой?

- В церкви Верещагину говорил освободить рекрута, которого взял он в свою канцелярию, а шпагу на него не вынимал. А при том обзывал он меня вором при свидетелях голове Сумине и ларешном Серюкове.

- Научал ли подьячего Сабурова писать доношение задним числом, пошто хотел уехать от розыску?

- Подьячего Сабурова доношения никакого на Верещагина писать не научал и от розыску уехать не хотел... Да и верить тому Верещагину не надлежит! - побагровев, взволнованно воскликнул Батасов.- Понеже он, Верещагин пытан на Тюмени и прежде писался Семенов и то звание переменил неведомо для чего...

- Доподлинно ли тебе о том ведомо и от кого?

- Солдат Микулин видал его там и опознал.

Князь Ромодановский приказал увести Батасова и вернуть Верещагина. Когда Батасова увели, лысый подьячий, записывавший расспросные речи, вдруг встал и, поклонившись, сказал Ромодановскому:

- Ваше сиятельство, помнится мне, при вашем батюшке проходил в Преображенском приказе некий Семенов по убийству...

- Ладно, сейчас расспросим,- сказал князь.

Едва Верещагин переступил порог, он заорал на него:

- Для чего сменил ты свое звание в Сибири и за что пытан на Тюмени? твечай!

У Верещагина похолодело внутри, и он глухо проговорил:

- На Тюмени я не пытан, а пытан в Нарыме, как был там надзирателем, по доношению нарымских жителей в убийстве нарымского жителя Федора Павлова, которого я в драке, обороняя себя, заколол посохом до смерти... И о том следовано у майора Лихарева. А прозвание мое Семенов, а Верещагиным написал меня в наказе, когда посылали из Тобольска, ларешный бывшего губернатора Гагарина по брату моему двоюродному Матвею Верещагину.

- За что в прежние годы держался в Преображенском приказе?

Верещагин побледнел и, опустив голову, проговорил:

- Содержался за убийство солдата Ершова по челобитной жены его. Оного

Ершова убил в драке палкой, а не умыслом... А за то учинено мне наказание... Бит кнутом и освобожден... У какого подьячего дело было, не упомяну...

- С двумя убийствами как ты судьей стал? - вскинул брови князь Ромодановский.

- Людей не было, князь Гагарин и поставил меня...

- Взятки ему давал?

- Давал, через ларешного его...

- Гагарин свое получил, чаю, и ты, вор, свое ныне получишь...

Глава 51

В неделю князь Ромодановский расспросил всех колодников, и ему стало ясно, что за полковником Батасовым и за другими арестантами вины никакой нет. И князь, взяв с них расписки о невыезде из Москвы до окончания следствия под страхом смертной казни, отпустил всех на волю. Под следствием же остался один Ларион Верещагин. Допрашивая Данилу Львова, Ромодановский узнал о выброшенных Верещагиным в отхожее место бумагах важных, до государя касательных, и велел пытать бывшего судью на виске и трижды жечь каленым железом. Кроме того, Ромодановский распорядился проверить все отхожие места на пути от Москвы до Тобольска.

Под кнутом Верещагин зло досадовал, что не вышло по его задумке. Насчет бумаг стоял на своем, твердя, что говорил про них шутя, и никаких бумаг у него не было. На первой виске ему дали двадцать пять ударов, а через неделю на второй виске он потерял память после двадцати восьми ударов, да оба раза к брюху его прикладывали раскаленные щипцы.

Верещагин понял, что третьей виски ему не вынести. Пролежав пластом три дня, он тихим голосом сказал караульному, что умирает, и попросил попа для исповеди.

По приказу Ромодановского колодника исповедывал поп церкви Обновления Преображенского дворца.

Выйдя от Верещагина, он сказал, что арестант плох и по всему скоро отойдет. Ромодановский еще надеялся узнать от него о царственных важных бумагах, и Верещагина перевели в дом солдатки Аксиньи, приставив караул.

Верещагин лежал в закуте у печи на широкой лавке. После второго допроса он, и правда, был плох. Но через сутки почувствовал, что силы возвращаются, и понял, что отлежится скоро, несмотря на боль в плечах. Решение притвориться умирающим пришло, когда он понял, что в этот раз ему не выкрутиться.

Главное, было добиться послабления. И он добился его.

И хотя рядом стоял неотлучно солдат, он был уже не в холодном срубе тюрьмы, но в жилом доме.

Целыми днями он непрерывно стонал и прерывисто дышал, чтобы не вызвать подозрения.

К ночи зажгли свечу. Караульный солдат Артемонов, краснощекий малый с глуповатыми на выкате глазами, поставил ее в деревянный подсвечник на стул ближе к арестанту, чтобы лучше его видеть.

Сменщик его, солдат Елистратов, ушел в чистую половину избы спать.

- Солдат...- позвал Верещагин, приподнявшись на локте.

-Ну, че те, - не сразу отозвался караульный.

- Ты откуль будешь?

- Те не все одно, откуль я, издохнешь через день-другой...

- На то божья воля,- прохрипел Верещагин.

- А семья-то у тебя есть?

- Холостой я... Семью-то содержать надобно!.. На жалованье много не разбежишься...

- У меня же и семья... И денег вдоволь, а я тут лежу...

- Не надобно было супротив государя идти, воровством заниматься! - назидательно проговорил Артемонов.

- Да я государю наивернейший человек! Воровством и оговором изменников истинных страдаю!..

- Князь Иван Федорович разберет...- сказал солдат и замолчал.

Полежав немного с закрытыми глазами, Верещагин опять заговорил:

- Слышь, солдат, бросил бы ты свою службу да шел к нам в Сибирь, дак и разбогател бы... Верись, в лесах наших соболя видимо-невидимо... А повдоль речек самородки золотые лежат...

- Э-э, - протянул Артемонов озадаченно, - за бегство по головке не поглядят... А че, верно ли ты баешь про золото?..- придвинул он стул ближе к Верещагину.

- Истинный Христос... У меня дома два самородка схоронены по кулаку, о них даже баба моя не знает...

- По кулаку-у? - с сомнением протянул Артемонов.

- По кулаку! А коли поискать, то и больше найти можно, есть такие места...

- Разе такие места один сыщешь!

- А ты меня возьми... Я те покажу...- прошептал Верещагин.

- Ишь ты, куда привел! - изумился Артемонов.- Из-за тебя на виску идти?..

- Коли с умом, так никто на тебя и не подумает. Слушай, солдат, верно говорю! Все золото тебе отдам, век за тебя молиться буду, коли поможешь... Я в Сибири не прост человек был... Всякого добра полна сума! Слушай, напарник твой вчера заснул, чаю, и ныне спать будет... Ты бы мне железа помог скинуть, схоронил где ни то, а после сам-друг в Сибирь-матушку двинули б...

Сибирь велика, кто тебя там найдет... Заведешь торговое дело на золото-то, к нам на Тару и киргизы, и бухаретины, и китайцы наезжают... Товар - какой хошь!.. Богатеем станешь!

Артемонов закричал, в глазах появился лихорадочный блеск.

- Думай, солдат, думай! Ежели меня опять на дыбу вздернут, конец мне, и золото пропадет...

- Не обманешь?

- Христом богом клянусь! Решайся... Мне бы только с недельку переждать, поправиться, и айда-пошли...

Артемонов, опершись на эфес палаша обеими руками, задумался. Потом

встал и заходил взад-вперед по избе.

- Ладно! Сведу тебя к двоюродному братану покуда, он тут недалече живет... Но гляди, как обманешь, душу выну!..

Артемонов принес из сеней колун и, с полчаса повозившись, снял с ног Верещагина цепи.

- Пусть лежат покуда в ногах, пойду Елистратова будить, гляди в оба...

Глава 52

В Иностранной коллегии государь Петр Великий слушал дело старца Сергия.

- Гаврила Иваныч, вице-губернатор с отчетом когда будет, по делам Тарского бунта?

- Из Тобольска писали, до распутицы прибудет, Петр Алексеевич,- ответил Петру граф Головкин.- Что с книгами теми делать, кои вице-губернатор Петрово-Соловово у Сергия в пустыне забрал?

- Много ли тех книг?

- Тридцать пять старой печати Киевской да Могилевской, да около восьми десятков рукописных, толкования всякие, к примеру об антихристе, и превращении веры при Никоне, о последнем времени и антихристе на четырех столбцах и подобное тому.

- Одну-две отправь в Синод для хранения и для знания, или, наипаче, когда случится быть с такими противниками в разговорах, дабы обличить их безумные богохуления. Остальные все сжечь! Сжечь! - рубанул Петр рукой.

- Старца Сергия из Преображенского приказа Ромодановский прислал ли?

- спросил он кабинет-секретаря Макарова.

- Прислал...

- Распорядись, Алексей Васильич, пусть приведет сюда...

Книги жгли во дворе перед зданием Иностранной коллегии. Даже из окна было видно, как пучилась, обугливаясь, кожа на печатных книгах, корчились листы рукописных книг, крошась на черные раздуваемые ветерком лоскутья. Поручик, командовавший сожжением, ворошил концом шпаги полусгоревшие книги, чтобы горели лучше.

Отойдя от окна, Петр сел в кресло и положил ногу на ногу. Он успел выкурить трубку, когда ввели Сергия. Они долго с любопытством рассматривали друг друга, Отец Отечества и отец Сергей. Наконец, Петр, отложив трубку, спросил:

- Почто ты, вор, людишек сибирских супротив моего указа быть научал?

- Оттого, что антихрист ты и антихристу безымянному власть передать хочешь, - спокойно, почти смиренным голосом ответил отец Сергей.

Петр вскочил, свирепея, но взял себя в руки.

- Не тебе, псу, учить меня! Я для пользы отечества радею, твои же богохульные помыслы ветер развеял,- кивнул Петр на окно.

- Божественные мысли не сгорят, они на веки вечные в душах людских! -

сказал отец Сергей и вдруг вскинул скованные руки перед собой, яростно воскликнул:

- Душа-а в крови! В крови! Утонешь в крови русской, собака!

Петр побагровел, ощерился, черная ость усиков вздыбилась над дрожащей губой.

- Выведу вас всех, воров, под корень! Монголов захотели! - не заговорил - зашипел Петр, подходя к Сергию. - Не для того я шведа воевал, чтобы вы опять все разорили! Долю Цареграда забыли? Под турка захотели!

- Ты страшнее турка, ты Россию надвое колешь, токмо не зришь за суетою своею! - возразил отец Сергей.

Петр неожиданно расхохотался.

- Я в суете пребываю? Ты, старик, из ума выжил! Сдохнешь, и никто тебя не вспомнит! А мои дела вечно помнить будут! У меня правда!

Петр нетерпеливо махнул рукой, повелевая увести колодника. Дойдя до двери, отец Сергей обернулся и, усмехнувшись, сказал:

- Не у тебя, ты не Бог...

Вскоре отца Сергея четвертовали.

Глава 53

Караульный солдат Елистратов, разбуженный Артемоновым, позевывая, вошел в черную часть избы, глянул на Верещагина, послунывил пальцы и, сняв нагар со свечи, сел на лавку. Шел четвертый час ночи. Было тихо, сонно. Только за окном свистел ветер. А в доме шуршали за печкой тараканы, да сопел спящий колодник. Опершись на палаш, Елистратов с час продремал, затем, не выдержав, лег на лавку и не заметил, как заснул.

Верещагин осторожно положил кандалы под топчан и на цыпочках вышел в сени. Там его ждал Артемонов.

- Надень зипун да катанки вот. Везучий ты, ишь, как закручивает... Все следы заметет... До Язуы доведу, а там сам дойдешь...

Около часа Артемонов вел Верещагина темными дворами. Затем вошли в лес, и он проговорил:

- За сей рощей Семеновский потешный двор, теперь недалече...

Пройдя еще немного, он остановился перед пологим спуском и сказал:

- Тут, внизу, река, пройдешь с версты две берегом, на другом берегу деревню гляди... В крайней избе братан мой двоюродный живет, он схоронит, после я приду... А сейчас обратно пойду, дабы не хватились...

Оставшись один, Верещагин скоро сбился с тропы и шел чутьем в полной тьме. Луна, час назад изредка выглядывавшая из облаков, скрылась за невидимыми тучами. Ветер загудел сильнее, раскачивал вершины елей, с которых падали комья лежалого снега. Он старался представить, прошел ли он рощу потешного полка, в котором когда-то служил, пытался вспомнить место, но не смог ничего разглядеть.

Стараясь брать левее, ближе к берегу, он шел по глубокому снегу,

проваливаясь порой по пояс.

Голенища катанок плотно обтягивали его ноги выше колен, и снег не попадал внутрь. Неожиданно он покатился вниз. Выбравшись из сугроба, понял, что вышел к реке. Пряча лицо от пронизывающего ветра, он побрел к противоположному невидимому берегу. Колочий снег забивал глаза, бился сыпуче и хлестко о заснеженный лед и, взвихрившись, окутывал Верещагина. Он вдруг почувствовал страшную слабость во всем истерзанном теле и пожалел, что отпустил Артемонова. Он шел, стараясь подставлять ветру бок и спину и невольно уходил в сторону от того места, где была деревня, и скоро прошел ее, не заметив. Добравшись до берега, он пошел от дерева к дереву, всматриваясь в темень, стараясь разглядеть дома.

Хотя в лесу было тише и теплее, он почувствовал, что начинает мерзнуть, а идти быстрее не было сил.

Он напрягал слух, стараясь услышать лай собак или, быть может, петушиные голоса, но, кроме воя метели, ничего не было слышно. Скоро обессилев, он присел под раскинувшей шатром ветви елью, чтобы остаться под ней навсегда.

Вернувшись в дом, Артемонов осторожно лег, но уснуть не мог. Скоро к нему подошла вдова Аксиныя и стала будить.

- Где у вас колодник-от? Караульный спит, а колодника нет... За ведрами вошла, гляжу, а постель пуста...

- Правда ли?.. - вскочил Артемонов. Выскочил в сени, куда вышел испуганный и заспанный Елистратов.

- Беда, ушел ведь колодник...

- Доложи сержанту, я побегу его искать,- крикнул Артемонов и выбежал на улицу. Метель стихала. На востоке чуть светлело. Добравшись до брата, он зло выругался: - Неужели обманул, падла!..

Прождав до обеда, он вернулся обратно. А на Преображенском подворье стояла суматоха.

Караульный сержант Иван Ловчиков, получив доклад от Елистратова, взял его под арест и доложил о происшествии капитану Малкову, который оповестил князя Ромодановского, что колодник бежал неизвестно куда и что второго солдата на месте тоже нет.

Князь велел послать промеморию в полицмейстерскую контору с описанием примет бежавшего колодника и привести на допрос караульного солдата Елистратова. На допросе Елистратов признал, что, когда Артемонов отстоял свои часы, то разбудил его в четвертом часу и пошел спать. Он же, Елистратов, постоял с час и уснул. Каким случаем тот колодник с себя кандалы скинул и бежал, того он не ведает, потому что в то время спал, а поноровки его по утечке того колодника ни для чего не было.

К концу допроса Ромодановскому доложили, что вернулся другой солдат, что бегал искать колодника. Обоих солдат взяли за караул. Машина Преображенского приказа закрутилась. Через день был опубликован указ о поимке беглого колодника Лариона Верещагина и сообщалось, что одной

колодник ростом высок, волос сед, бороду бреет, лицом одутловат, глаза серые, подслеп, телом толст...

Через три месяца такой же указ был опубликован в Тобольске и посланы ведения в Тару, Тюмень, Туринск и Верхотурье.

Имущество Верещагина было продано с торгов, деньги отправлены в Преображенский приказ. Жена и дети его взяты под арест и были под ним пять лет.

Солдата же Петра Елистратова по указу Ромодановского подвергли особому розыску. В подозрении сговора с колодником трижды был он пытан огнем и бит нещадно кнутом на виске. Через пять месяцев подьячий бесстрастно отметил в деле, что «колодник Петр Елистратов умре» и «тело сдано жене его для погребения».

Полковник Батасов вернулся в Тобольск, но к важным делам допущен не был. Полк его по указу Военной коллегии с 27 сентября 1723 года был принят полковником Збруевым.

Глава 54

Большие декабрьские снега легли на урман, и опустились под их тяжестью лапы елей и пихт. Их островерхье упиралось прямо в близкую яркую синь, и снизу было видно, как там, наверху среди вершин, куда вольнее и просторнее, чем тут, на земле, где дугой гнутся березки, ложась одна на другую, а покрывший их снег сотворил почти юрту, будто бухаретин тут, в глуши, заселился. Непролазный летом бурелом, сейчас полузасыпанный, пугал в полутьме диковинными снежными фигурами. А сунься вглубь через него, и ухнет куда-то в пустоту нога, и хрустнет лыжа. А без лыж далеко по такому снегу не уйдешь.

Скит старца Софония был рядом, и Федька Немчинов не опасался надвигающихся сумерек. Глубокие снега скрали лесные тропы и дорожки к тайным лесным убежищам, и пустынники вздохнули спокойней. Рыскавший по урману отряд вице-губернатора Петрово-Соловова будто утихомирился, и, казалось, можно спокойно жить до весны. Но перед Рождеством прибежал в Софонию пустынь слобожанин и сказал, что в Абацкую слободу пришел отряд под командой майора Альбера и что хочет тот майор взять всех пустынников под арест. И вот-вот могут быть в обители.

Узнав новость, старец Софоний велел караульным стоять у ворот все время, а в часовню натаскать бересты, смоля и сена, дабы не дать слугам антихристовым завладеть собой и быть уведенными, как отец Сергей.

Люди готовили смертные рубахи и почти не выходили из часовни, молились. Старец Софоний призвал к себе Федьку Немчинова, который с Михаилом Ембаковым жил тут уже второй месяц, и сказал, что надобно предупредить о майоре Альбере старца Филиппа, что лучше никто того не сделает, как он.

Ходу до пустыни старца Филиппа было день.

Отряд подкрался под самую Рождественскую ночь, когда старец Софоний заканчивал праздничную вечерню перед всей братией и пустынниками. У ворот стоял на карауле Михаило Енбаков и поглядывал на светящуюся в темноте прорубь окна часовни в виде креста. Внезапно кто-то навалился на него сзади и зажал рот. Михаил, резко присев, освободился, и его страшный вопль пронзил ночную тишину. Но тут же пресекаясь: сразу три тела навалились на него, и он только успел выхватить нож из-за голенища и, падая под тяжестью чужих тел, направить его себе в живот.

В часовне услышали крик и успели запереться. Солдаты отбросили от стен часовни сено. Майор Альбер, стоя у окна спиной к стене, прокричал:

- Отворите! Вины ваши прощены будут!..

- Лучше закона и веры истинной убиенным быти, нежели еретиком в посмехе и ругани под началом антихристовым! - прокричал старец. Из окна раздались два выстрела, и майор схватился за плечо. Он приказал ломать двери.

Внутри люди тесно сгрудились, колыхнулись к амвону. Раздался плач сына Падуши, но тут же осекся в кофте матери.

- Сердцеведче господи, - возгласил старец Софоний, - виждь злобу кровопийцев безбожных, яко сноповом равне связня братию нашу, затязаша и обитель огнем пожгоша отца Сергия великомученика, и до нас приидоша, такожде сотворити имут. Но, о судие праведный, приими духи наша, яко же и всех, иже тебе ради от нападания и страха мучителей сами себе различным смертем предаваше. И вмени нам в закон истинного страдания, поистинне, яко тебе ради умервщляемся и яко же овцы от волков на смерть предаемся...

Раздался стук в двери, солдаты били в нее бревном. Старец поднес свечу к сену со словами: «Помоги, Христос!» Пустынники последовали его примеру.

- Нет, нет! Дитя безгрешно, безгрешно! - с криком рванулась к двери жена Падуши с сыном на руках. Но пустынники, глядя мимо нее, сомкнулись перед ней непреодолимой стеной...

Из-за деревьев с пригорка перед пустынею Федька Немчинов видел все, как на ладони. Слышал, как офицер пытался уговорить раскольников, видел, как солдаты начали ломать дверь и как почти сразу из окон часовни повалил дым и затем вырвались красные языки пламени, оттесняя темноту. Из часовни донеслось пение, которое скоро сошло на нет, и уже только треск и удение огня, да крики бегающих вокруг часовни солдат заполнили елань. Прикрываясь рукавами от жары, солдаты пятились все дальше от сруба и молча замерли поодаль, глядя, как клубы черного дыма взвивались к звездному небу. И вот уже столб всепоглощающего огня вознесся, следом вспыхнул крест над башенкой и исчез в огненном смерче, который все набирал силу и слепил глаза.

Когда рухнула крыша, россыпь огненных хлопьев и искр мотнулась ввысь. Искры гасли высоко-высоко, казалось, почти у звезд.

На плечо Федьке опустился теплый клоч сажи. Он смахнул его, всхлипнул и ткнулся лбом в шершавый ствол ели. По шапке забарабанили крупные капли. Оттаявшие деревья будто оплакивали сорок людских душ, очистившихся в огне и вознесшихся для обретения вечного блаженства.

Эпилог
(1756 год)

После Барабинской степи, набухшей талой апрельской водой, пошел таежный санный путь. Хотя и в лесу чувствовалась весна, но дорога еще возвышалась утрамбованная над землей, и сани гулко били полозьями по оледенелому вытаявшему следу, который протаивал и становился к полудню ноздреватым и рыхлым в прогалах, где солнце пробивалось через сплетения хвойных лап. Незаметно начались болота, и сани замотало на вытаявших седых кочках. Тряска была утомительной в конце столь длинного пути, и люди, сидевшие в санях, обрадовались, когда неожиданно Степан Мальцев, правивший лошадей, сказал, перекрестясь:

- Вот, слава богу, и добрались, Федор Иванович. Вот она, наша обитель, стало быть...

Федор Немчинов встал, разминая затекшие ноги, оглядел почти трехсаженный острог и, повернувшись к своему спутнику Семену Шадрину, сказал:

- Ладно устроились, за таким заплотом сидеть можно...

Федора Немчинова и Семена Шадрина, известных расколоучителей, разыскали Иван Носков и Степан Мальцев, жители деревни Мальцево Чаусского острога по важному делу.

- Порешили мы, Федор Иваныч, неотменно гореть, понеже житье наше худое вовсе. Нынче, почитай, до Пасхи кору сосновую есть начали,- говорил Иван Носков, то и дело поглядывая на Мальцева. - Окромя того, гонения за веру истинную терпим: в церкви печатью антихристовой креститься велят, чиновникам управителя нашего Чаусского острога Копьева кожу с нас лишь осталось содрать, так все взяли. Жаловались в уезд, в Томск, воеводе Бушневу, да легче не стало. Кнутом за жалобы грозят... Гореть решили неотменно, да только вот причаститься пред смертью не у кого, и слово божье молвить некому... Об вас, Федор Иваныч, и про батюшку вашего смерть за веру истинную приявшего, премного наслышаны. Съездили б к нам, ибо есть такие, кои в сомнении пребывают, надо ли гореть... Оттого мы ушли из деревни нашей Мальцеве и избы перенесли...

- Сколько в обители собралось? - спросил Федор Немчинов.

- Более полтора ста душ, - ответил Степан Мальцев.

- Святое дело замыслили, ибо только в огне от скверны греховной душа очищается воистину! Не мало зрел я душ, уходящих к богу чрез огненную дверь... Отец так мой ушел... На Иру братья сгорели. А в Елунинской гари до 600 душ сразу сожглось, шестьсот душ! Ныне мой черед пришел. Много я по Сибири-матушке хаживал... И Беловодье искал, и у себя в Тарском уезде в Бергамацкой слободе земским комиссаром был, немало в жизни навидался и скажу, что некуда человеку идти, только в веру истинную! А коли в ней притеснения, то огонь нам один помощник. Поеду, братья, к вам, и вот Семена, товарища своего, возьму, он тоже божественные книги знает, проводим в

последний путь...

За тяжелыми из полубревен воротами Степан Мальцев повел их к крайнему из четырех стоявших дому. Навстречу им вышел похожий на Степана чернобородый мужик. Поздоровавшись, сказал:

- Заждались вас, вижу, не один... Народу много собралось, а службы настоящей никто не ведает.

- Сии учителя помогут нам службу править по старопечатным книгам,- сказал Степан и повернулся к Федору Немчинову.- Это брат мой Мальцев Федор. Извольте, отцы, в избу нашу, кою перевезли мы из деревни сюда, подальше от мирских соблазнов и худых глаз.

- Прибыло ли народу без нас? -спросил Степан брата. - С десятка три прибыло из-под Томска, когда узнали, что будет у нас сын страдальца Ивана Немчинова... Вы уж, Федор Иваныч, послужите у нас, потолкуйте старопечатные книги...

Две недели прошли незаметно в заботах и службах. Однажды Федор Немчинов, закрыв толкованную им книгу Правой Веры, собирался идти к трапезе, как услышал у порога часовни шум. Седой высокий старик закричал срывающимся плачущим голосом лохматому здоровому мужику, к которому жалась его жена с детьми:

- Иван, не блажи! Не может сие угодно быть богу. Вы с Петром корень наш изводите... Для того ли я спину ломал, вас подымая, недоедал, чтобы вы богом данную жизнь пресекли? Не может ему то быть угодно!

- Ты ж слышал, че толковал оной наставник. Лучше убиенным быти, нежели в посмехе и ругани! - возразил сын.

- Кто такой? - спросил Федор Немчинов Степана Мальцева.

- Старик Иван Кубышев... Сыновья его Иван да Петр с семьями гореть порешили, а он против того. Вредный старик.

- Проклянү, ежели не выйдешь из этого гнезда поганого! Проклянү! - завопил старик и ткнул пальцем в сторону Федора Немчинова:

- И вас проклиная, еретики, брехуны собачьи, невинных душ растлители! Решетки на окна навесили, живые души насильно сожигаете!..

Семен Шадрин начал увещевать старика. А Федор Немчинов, глядя на расшумевшегося, почувствовал, что не в силах противостоятъ этому, полному боли и ярости, взгляду. Что бы он ни сказал для других, может быть и доказательное, но в себе он знал эту неспособность терпеть чужое страдание. И если бы не уверенность, что своими словами утешения он облегчает это страдание, он давно бы ушел из мира сего. Так было всегда, и только в последний год он понял свое бессилие, понял: самое лучшее, что могут люди, чтобы избавиться от страданий,- это умереть. Поэтому он и решил уйти из жизни. Он молча вышел из моленной и тихо сказал шедшему следом Мальцеву Степану:

- Тех, кто гореть не хочет, за тын не пускать... Ибо одна паршивая овца все стадо пасомое испортить может...

***

Однажды поздним вечером в ворота обители застучали.

- Кто такие? - крикнул караульный.

- Казаки Гаврила Кандышев и Семен Жданов. Важные известия имеем, веди к Мальцевым,- ответили пришедшие.

- Третий кто?

- Гулящий человек... До Барабинского наставника, грит, будто знат его. Слезно просил в обитель провести.

Приезжих впустили и провели в избу Мальцева. Встретил их Степан, прикрывая ладонью свечу. За столом сидели Немчинов, Шадрин и Носков.

- Че скажешь, Гаврила? - спросил Степан Кандышева.

- Беда, Степан, в деревню отряд управителя Копьева пришел... Седня-завтра здесь будут... Старик Кубышев путь взялся указать. Ночь, чаю, отдохнут, да сюда...

- Эта беда - не беда... Потолкуем с антихристовыми слугами, гореть готовы, врасплох нас не взять... Садитесь, повечеряйте с нами.

Казаки стали усаживаться за стол, только приехавший с ними старик замешкался, встал напротив Немчинова и, уставившись на него повлажневшими глазами, проговорил:

- Федор! Нечто не признаешь меня?.. А я те враз признал по глазам да по бороде - чистый отец Иван Гаврилыч, царствие ему небесное...

Федор внимательно взгляделся в лицо старика и виновато произнес:

- Не признаю, отец, чтой-то...

- Терехов я, как и ты, Федор, из Тары. С батюшкой твоим в доме сидел... Батюшке твоему копию с указа о престолонаследстве доставал,- старик вдруг всхлипнул и утер рукавом зипуна глаза. Федор подошел к нему, обнял и усадил за стол.

- А ты, Федор Иваныч, помнится, поначалу с нами в доме был, а после куды девался? Среди колодников тебя не видал,- спросил старик. Обмакнув кусок хлеба в кружку с квасом, стал сосать его, убирая костяшками пальцев слезы с морщинистых щек.

- Из дому я в обитель Сергия ушел...- начал Федор Немчинов, потом замолчал, будто припоминая, и подавив вздох, продолжил: - После разорения его обители на Ир ушел к старцам Филиппу и Софонию. Когда там сожглись, попал я, спасаясь от майора Альбера, в скит Ивана Смирнова... После на Алтай подался, Беловодье искал... Почитай, всю Сибирь исходил, а ныне вот с Барабы пришел сюда...

- Я, батюшко, с той поры, как нас в Тобольск пригнали из Тары, тоже много повидал, - сказал Терехов.

- Ты ведь с отпорщиками был... Жив кто остался? - вострепнулся Федор Немчинов.

- Лет с десять тому на Таре еще кое-кто жил, а ныне уж и не знаю...

Многих заводчиков, кто с батюшкой сидел, живота лишили... Иван Падуша,

помнишь ли? Жаденов, Седельников, Москалев - кто на колу, кто в петле жизни лишились, а кого и за ребро подвешивали, царство им, святым мученикам, небесное... Более тридцати душ сказнили при мне еще, а сколь потом, не ведаю... А других, кого на галеры, кого пристань в Рогервик строить отправили... А я там и там побывал. Как жив остался, богу ведомо... Вот пальцы вовсе не гнутся ныне,- поднял старик Терехов над столом трясущиеся, сухие, будто обтянутые тонкой слядой руки со скрюченными угловатыми пальцами.- Я, Федор Иваныч, лет на десять старше тебя, а зубов уж десятка два годов тому лишился всех,- провел он углом пальца по мертвенно-бледным деснам.- К концу тридцатых годов, будучи в Рогервике, подали мы прошение, к сороковым добрались до дому, да кому колодники-то нужны... Вот по пустыням с той поры спасаюсь...

Неведомо, где жена с сыном сгнули.

Старик замолчал. Смел скрюченной ладонью крошки хлеба со стола в ладонь и взял их губами. - А комендант куды делся, не ведаешь?

- Остался в тюрьме в Тобольске. С нами его не было... Подьячий же, что копию писал тогда, Колпин, при мне кончился в Рогервике, утонул. Упал в воду, и конец, известно - кандалы.

- К нам зачем пришел? - спросил Федор Немчинов. - Знать, по судьбе нашей бороной прошли,- задумчиво сказал Терехов,- гореть с вами хочу. С отцом твоим не хотел. Молод был... А ныне вижу, зря: только страдания свои за-длил... Нет жизни простому человеку в сем мире, нету! От бога и от того отлучают, не церкви, а блядни ныне! Пред богом хочу, чрез огонь пройдя, безгрешным предстати... Но за страдания люда простого умоется ишо Русь-матушка кровью! Недолго ждать осталось, недолго.

Солдаты пришли в полдень следующего дня. Федор Немчинов исповедывал пустынников, когда Иван Носков принес о том известие.

- Сам управитель Чаусского острога Копьев во главе, уговаривает караульных... Кабы не смутил слабых духом...

Федор пришел к избе у входных ворот. На крыше избы стояли с ружьями пустынники, десятка два.

Снизу доносился громкий голос управителя:

- Расходитесь по домам, ребята... Огороды засеять пора... Никто вас притеснять не станет, ни чиновники, ни священники. Все, кто вам раньше тесноту чинил, будут уволены от службы и преданы суду. Губернская канцелярия повелела провести об этом следствие...

Федор Немчинов, поднявшись на крышу, вышел вперед.

- Напрасно ты, господин управитель, говоришь так! Мягко стелешь, да жестко спать... Лизка-императрица суть плод антихристов есть. Мы не верим, чтоб слуги антихристовы выполнять ее повеления перестали, выведите прежде из церкви ереси...

Стоявший рядом Семен Шадрин закричал:

- Воистину так! В церкви ересь: служат на пяти просфорах, просфоры печатают крыжем, бороды бреют, курят табак, а священники того в грех не

ставят... Что вы стоите и слушаете слуг антихристовых,- обратился он к казакам и солдатам, стоявшим рядом с Копьевым,- не слушайте, не верьте им! Всех благочестивых предадут казни, посадят на колья! Идите к нам!

- Не слушайте сих наставников, они не наших мест, им все одно, кого жизни лишать, расходитесь! - крикнул старик Кубышев.

- Мы, крестьяне и разночинцы, собрались здесь, в пустыне, все во имя Иисуса,- закричал Степан Мальцев.- Жен и детей своих здесь упокоим! Живыми не сдадимся! Жить в деревнях своих нам боязно, ибо как станем мы расходиться по домам своим, то станут ловить нас и забирать в остроги!

- Да, да! Верно, верно! - закричали столпившиеся пустынные.- Опять наедет Карташев, станет нас бить, в церкви гнать! Деньги и лисицы брать! Ежели выйди, подати платить будет нечем!.. Разорили поборами и казенными работами!.. Лучше умереть - не мешайте нам!

- Напрасно, ребята! Коли мне не верите, то вам воевода Бушнев сам скажет, что никто притеснять вас больше не станет!

- Зря ты, господин управитель, стараешься, слышь, че те народ говорит? Ежели б перестали вы нас гнать, то разошлись все по домам своим, и стали бы мы жить, пока бог не послал нам смерть. Но этого нельзя ожидать! И мы умрем! Солому и смолье запалим, как скоро кто-либо из вас, хотя бы три человека, станут нападать на нас! Отойдите прочь, или стрелять будем! - вскинул ружье Степан Мальцев.

Копьев отвел бывших с ним казаков и солдат от ворот и велел окружить обитель. Оставив караульных, Немчинов с братьями Мальцевыми и Носковым собрались в избе Мальцева.

- Что ж, Федор Иваныч, созывать народ в моленную, дабы гореть?..

- Надо всех исповедать и приобщить святых тайн... Внезапно они нас не возьмут... Письменное известие надобно написать, как отец Сергей с батюшкой моим делали, дабы все знали, отчего горим и словом добрым нас поминали бы...

- Верно,- сказал Семен Шадрин,- во главу сказать, что православная церковь ныне превратилась в вертеп разбойников, как говорил некогда Спасители о храме Иерусалимском...

Степан Мальцев принес бумагу и сажевых чернил. Немчинов сел за стол.

- Напиши допрежь всего, Федор Иваныч, что от нынешних духовных чинов никакого спасения быть не может, разве токмо погибель! И злато, и коней, и шерсть и куделю берут и расхищают, а о ином и не радеют,- вставил Носков.

Федор писал: «У вас поставляются епископы и священники и прочие духовные чины злата ради, а не по избранию Святого Духа и за то по Евангельскому гласу прокляты, а от проклятых когда бывает благословение и от диавола спасение? И от крещения и от исповеди дары принимают и таким образом чистоту продают диаволу... За все у них пиры и трапезы обильные и вина благовонные, и рыбы красные, паству же свою нерадиво зрят, и о теле своем прилежат, а о душе не радят. Воистину пастыри ваши волцы быша; бывает ли от волка благословение и святыня, и како можно овцам от волка

сохранным быти без пакости, так и от ваших пастырей без повреждений...»

- Про второе «и», батюшка, не забудь, да про «аминь» четвертый,- напомнил опять Шадрин. Федор согласно кивнул и продолжил писание: «Православная церковь проповедует не истинного Христа Спасителя Иисуса, Иисуса, а тот Иисус в древних временах эллинский мудрец был; учит православная церковь поклонению не истинному троедревнему кресту Христову с изображением трости и копия с надписями Ись Христось Ись Назарянин и Царь Иудейский, а латинскому крыжу, которым всякое дело вместо святым совершает и который будучи внесен в престол означает царя антихриста; повелевает православная церковь знаменатися троеперстным крестом, антихристовой печатью, в крещении прибавила четвертый аминь: по благословении по требнику крестили и говорили: крещается раб Божий, имя рек, во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь (прибавлен) ныне и присно и во веки веков аминь, и таким образом прилагается к троице четвертое лицо - исхождение от сына Святого духа и сие именуется Ариева ересь, на которую от 1 и 2 вселенских соборов проклятие положено, но при богослужении алилуйя поют не в три лица, а четыре. Таким образом проповедуют не троицу, а четвертицу...»

- О том, отец Федор, помяни, что дышать нечем, мздами обложили, кособрюхие! - пробасил Федор Мальцев.

«А ныне, зрите вы сами, что у вас совершается, неправдою приторгнули как духовные власти, так и земские, мздами ослепляемы; ныне у вас весь народ мадами отягчают, наипаче же верных, которые последуют благочестивой вере; ныне, как духовные, так и земские власти не по избранию Святого Духа поставляются, а злата ради, того ради они нарицаются от бесов, а не от бога; того ради нынешние власти по всем местам, гневливы, наглы, моты, яры, нестройныя, страшны, ненавистны, мерзки, не кротки, лукавы; своими ересьми и прельщением они отставляют человек от пути праведного и сводят на погибельный путь...»

Взяв письмо, управитель Копьев обещал передать его Томскому воеводе поручику Бушневу. Пустынники же готовились к смерти. Федор Немчинов исповедывал каждого и причащал святых тайн водой, смешанной с мукою.

К середине июня прибыл Томский воевода поручик Бушнев с солдатами, вызвав наставников, стал увещевать:

- Расходитесь по домам! Грамоту вашу получил и послал оную митрополиту. А все чиновники и притеснители ныне под следствием. И никто вас более отягощать мздами не станет...

- Не верим тебе, выйдем, опять пытаться будешь,- крикнул Степан Мальцев.- А письмо в Синод богомерзкий попадет, и все, как и прежде, будет. Не мешай, уходи от нас. Умирать будем...

Утром 15 июня жители деревни Мальцеве, едва вошло солнце, увидели на другом краю неба сначала черные клубы дыма, затем красное зарево огня, который унес 172 жизни «мужеска и женска пола».

«А только из них один крестьянин Иван Кубышев вылез через забор, коего живым едва снять могли: ибо во многих местах обгорел...»

Когда старик Кубышев подошел к обезображенному сыну, тот прошептал:

- Прости, отец... прости... Не надо было... Прости... Старик молча стоял перед сыном на коленях и тер кулаком глаза.

- Сколько людей было? - торопился допросить Бушнев единственного свидетеля.

- Более 170 душ...

- Кто расколоучители?

- Семен Шадрин и сын бывшего тарского головы Федор Немчинов... - выдавил Иван Кубышев и замолчал.

- Собаки! - рассвирепел воевода.- Какой государству убыток, столько работников перевели! Деревню разорить!

«И понеже оная деревня Мальцева, в которой собравшиеся раскольники сгорели, лежит на одном чистом со всех сторон месте, между великими топями и болотами и озерами, к таковому их злому сборищу весьма способно и дабы на оном месте впредь к житью никакого строения не осталось, того ради приказал он, Бушнев, все оставшиеся строения разломать и в другие деревни перевести».

1983-87 гг.